

# ЧЭН-ЭНЬ У

ПУТЕШЕСТВИЕ НА  
ЗАПАД. ТОМ 3

Китайская классическая литература

ЧЭН-ЭНЬ У

**Путешествие на Запад. Том 3**

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

**У Ч.**

Путешествие на Запад. Том 3 / Ч. У — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,  
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-020-7

Этот роман – жемчужина китайской классической прозы. Он написан более трехсот лет назад и стал неотъемлемой частью мировой культуры. Историческое ядро сюжета – путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами. Реальное путешествие удивительно переплетается с фантастическими подробностями. Оригинальные сюжетные ходы, схватки с демонами и оборотнями окрашены юмором, который придает повествованию особую легкость. Образ одного из героев повествования. Сунь У-куна – Царя обезьян, – занял прочное место в современной массовой культуре. Путешествие буддийского монаха и его друзей продолжается в мультфильмах и мюзиклах. У Чэнь-энь создал роман, которым будут зачитываться многие поколения читателей. Роман в 4-х книгах.

ISBN 978-5-91051-020-7

© У Ч.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

## Содержание

Глава пятьдесят первая,	5
Глава пятьдесят вторая,	21
Глава пятьдесят третья,	39
Глава пятьдесят четвертая,	55
Глава пятьдесят пятая,	71
Глава пятьдесят шестая,	86
Конец ознакомительного фрагмента.	100

## Путешествие на Запад. Том 3

### **Глава пятьдесят первая, в которой рассказывается о том, какмышленная обезьяна пустила в ход всю свою изобретательность, и о том, как ни вода, ни огонь не оказали никакого действия на могущественного дьявола**

Итак, рассказ наш мы прервали на том, как Сунь У-кун, по мудрости своей великий, как само небо, потерпев поражение, остался без оружия и с пустыми руками сел у подножия горы Золотой шишак. Из глаз его текли слезы, и он с горечью восклицал:

Наставник мой: не расставался я с мечтою  
Всю жизнь свою делить с одним тобою;  
Желал, чтоб был один над нами общий кров,  
Желал с тобой стремиться к совершенству,  
К познанию и вечному блаженству,  
С тобой хотел я избавляться от грехов,  
От слабостей, пороков и сомнений  
Во имя чудодейственных свершений<sup>1</sup>.

«Как мог я подумать, что лишусь своего посоха? – думал Великий Мудрец. – А одними криками, безоружный, смогу ли я добиться победы!»

Долго сокрушался и печалился Великий Мудрец Сунь У-кун и, наконец, решился:

«Ведь этот злой дух, – думал он, – знает меня. Помню, как он в бою меня расхваливал: “Вот уж поистине достойный того, кто учинил буйство в небесных чертогах”. Видно, он не из простых и заурядных дьяволов, а один из обитателей злых звезд. Черт его знает, откуда он свалился, этот главарь демонов. Слетаю-ка я в высшие небесные сферы и разузнаю, кто он такой».

Утвердившись в этом решении, Сунь У-кун поспешно перекувырнулся, зацепился за благодатное облако и прилетел к Южным небесным воротам. Подняв голову вверх, он вдруг увидел Широокогого небесного князя, который радушно встретил его и, совершая долгий поклон, воскликнул:

– Великий Мудрец Сунь У-кун, куда путь держишь?

– Мне надо повидать Нефритового императора, – отвечал Сунь У-кун. – А ты чем здесь занимаешься?

Широокий ответил:

– Сегодня моя очередь нести караул у Южных небесных ворот.

Не успел он проговорить это, как показались четыре великих полководца: Ма, Чжао, Вэнь и Гуань, которые с поклоном произнесли:

– Давно не виделись, Великий Мудрец Сунь У-кун! Просим попить чайку.

Однако Сунь У-кун отказался:

---

<sup>1</sup> Здесь и дальше стихи в обработке А. Эфрон.

– Не могу, есть дело!

С этими словами он расстался с Широоокиим небесным князем и четырьмя полководцами, вошел в Южные небесные ворота и направился прямо ко дворцу Чудотворного неба<sup>2</sup>, где встретился с четырьмя полководцами: Чжан Дао-мином, Гэ Сянь-вэнем, Сюй Цзин-яном и Цю Гун-цзи. Они стояли перед дворцом вместе с шестью начальниками управлений созвездия Южного Ковша и семью главами созвездия Северного Ковша.

– Великий Мудрец Сунь У-кун! – разом подняв руки, воскликнули они. – Каким ветром занесло тебя сюда? – И, не дожидаясь ответа, снова спросили: – Закончил ли ты свою службу по охране Танского монаха?

Сунь У-кун ответил:

– Говорить об этом пока еще рано, очень рано. Путь далек, а на пути много злых духов. Мы прошли всего полдороги, и вот теперь нам помешала пещера Золотой шишак. Там живет злое чудовище из породы единорогов, которое утащило Танского монаха к себе в пещеру. Я пытался пробиться туда и вступил в сражение с чудовищем. Но этот негодяй обладает многими волшебными чарами, и ему удалось похитить мой посох с золотыми обручами. Вот почему я не смог изловить чудовище живьем. Уж не обитатель ли он какой-нибудь зловредной звезды, замысливший посетить грешную землю? Не знаю только, откуда взялся этот главарь демонов. Вот поэтому я, старый Сунь У-кун, и явился к Нефритовому императору, чтобы спросить его, как могло случиться, что клещи, державшие на звезде чудовище, почему-то вдруг разжались.

Тут полководец Сюй Цзин-ян не выдержал и со смехом сказал:

– Эх ты, маргышка! По-прежнему безобразничаешь?

– Вот уж ничуть, – отвечал Сунь У-кун, – всю свою жизнь был сдержан, поэтому и попал сейчас в беду.

Тут в разговор вступил второй полководец по имени Чжан Дао-мин:

– Нечего зря болтать! Надо доложить о нем императору.

– Премного благодарен, – с чувством произнес Сунь У-кун.

Все четыре небесных полководца тут же отправились во дворец с докладом. Сунь У-куна подвели к ступенькам нефритового трона.

Он произнес нараспев приветствие и добавил:

– Почтенный властитель мой! Прости, что снова и снова утруждаю тебя своими просьбами. Мне, старому Сунь У-куну, выпало на долю защищать и охранять Танского монаха, которого отправили в дальние страны за священными книгами. В пути было больше плохого, чем хорошего, но об этом не стоит рассказывать. И вот теперь, когда мы подошли к пещере Золотой шишак в горе Золотой шишак, какое-то чудовище-единорог похитило Танского монаха и уволокло его в свою пещеру. Что оно будет с ним делать – не знаю: то ли парить, то ли варить, то ли вялить. Я пытался было пробиться в пещеру и вступил в бой. Но чудовище, видимо, знает меня откуда-то. Пустив в ход все свои чары, оно похитило у меня посох, поэтому я не мог ничего сделать. По-моему, это чудовище обитает на злой звезде и замыслило сойти на грешную землю. Вот я и явился сюда доложить о нем. Умоляю нижайше проявить милосердие и отдать приказ обследовать все злые звезды, послать небесное войско разорить логово дьявола. Я, старый Сунь У-кун, трепещу от страха за судьбу моего учителя, которого лишен возможности защитить!

С этими словами Сунь У-кун отвесил еще один глубокий поклон и сказал:

– Жду твоего повеления!

Стоявший в стороне полководец Гэ Сянь-вэнь не вытерпел и со смехом сказал:

– Что же ты, маргышка, сперва просишь, а потом кланяешься?

Сунь У-кун возразил:

---

<sup>2</sup> Дворец Чудотворного неба... – Согласно даосским верованиям, небеса делятся на девять сфер («цзю-сяо»). Многие даосские храмы настоятели называли именами небесных слоев, подчеркивая «высокое» назначение этих мест.

– Да что ты, разве я смею! Я сперва кланялся, а потом просил. Ведь у меня теперь нет больше моего посоха, чтобы позабавиться...

Нефритовый император, выслушав Сунь У-куна, тут же отдал распоряжение начальнику приказа Кэ-ханю:

– Раз Сунь У-кун доложил мне, так, значит, надо произвести тщательный обыск по всем звездным обителям, во всех жилищах священных князей: не окажется ли среди них кого-нибудь, кто задумал спуститься на грешную землю. Если есть, пусть тотчас же доложат мне – я приму меры.

Получив повеление, великий муж Кэ-хань, не мешкая, отправился на поиски вместе с Великим Мудрецом. Сначала они обошли всех священных князей, начальников и чиновников, обитающих у всех четырех небесных ворот, затем обыскали крупные и мелкие скопления звезд в городищах, обнесенных тремя рядами стен. Еще побывали у повелителей Грома и Молний Мао, Чжана, Синя, Дэна, Гоу, Би, Кана и Лю; наконец стали обходить все тридцать три неба, но там все оказалось в порядке, обыскали двадцать восемь созвездий Зодиака; семь созвездий на востоке: Цзюе, Кан, Ди, Фан, Цань, Вэй, Ци; семь созвездий на западе: Доу, Ню, Нюй, Сюй, Вэй, Ши, Би; еще семь южных созвездий и семь северных. Но во всех созвездиях тоже царили покой и благополучие. Посетили они еще великое мужское начало, олицетворенное в Солнце, женское начало, олицетворенное в Луне; были на пяти планетах, регулирующих небесное движение: на планетах Воды, Огня, Древа, Злата и Почвы<sup>3</sup>. Побывали также и в четырех урочищах: в Лохоу, Цзиду, Ци и Бо, и не нашли на всех звездах и созвездиях ни одного отсутствующего духа, который, помышляя о мирских делах, сошел бы на грешную землю.

Тогда Сунь У-кун сказал им:

– Мне неловко возвращаться во дворец и тревожить Нефритового императора. Ступайте сами и доложите о выполнении приказа. А я останусь здесь и буду ждать ответа.

Настоящий господин и великий муж Кэ-хань послушался Великого Мудреца. Долго ждал его возвращения Сунь У-кун, даже стихи сложил, чтобы запечатлеть свое восхождение на небо:

Ветер прохладен, и ясное небо безбрежно,  
Радость спокойная в светлых просторах царит,  
Чуден сияющих звезд величавый и благодный вид,  
Горные духи в чертогах своих безмятежны...  
Мир и согласие шествуют Млечным Путем,  
Время проходит в достойных и кротких утехах,  
И не нуждаются боле в мечах и доспехах  
Воины в небе и витязи в царстве земном.

Великий муж Кэ-хань еще раз все обошел и вернулся к Нефритовому императору с таким докладом:

– Много звезд и созвездий на небе. Там обитают из разных сторон священные военачальники, все они живы, и ни у кого из них нет и мысли о том, чтобы спуститься на грешную землю.

Услышав это, Нефритовый император приказал:

– Пусть Сунь У-кун отберет несколько небесных полководцев, спустится с ними в низшую сферу грешной земли и изловит чудовище.

---

<sup>3</sup> *Планеты Воды, Огня, Древа, Злата и Почвы.* – Согласно представлениям даосов, вселенная делится на семь больших сфер («Ци-чжэн»), самыми крупными из которых являются сферы Солнца – мужское, светлое начало мироздания, и Луны – женское, темное начало мироздания. Помимо этих двух основных начал, во вселенной существуют начала: Воды (планета Шуйсин, или Меркурий); Огня (планета Хосин, или Марс); Древа (планета Мусин, или Юпитер); Золота или Металла (планета Цзиньсин, или Венера); Почвы (планета Тусин, или Сатурн). Последнее из указанных начал мироздания называют также началом Благотетели (планета Дэсин).

Четверо великих небесных полководцев, получив это повеление, тотчас покинули дворец Чудотворного неба и, обратившись к Сунь У-куну, сказали:

– О Великий Мудрец Сунь У-кун! Безгранична милость Нефритового императора! Когда ему сообщили, что во всех небесных чертогах не нашли ни одного духа, помышлявшего о грешной земле, он повелел, чтобы ты сам отобрал несколько небесных полководцев и отправился с ними изловить чудовище.

Сунь У-кун понурил голову, задумался, а затем сказал:

– На небе много полководцев, но таких, как я, почти нет. Помнится, когда я учинил буйство в небесных чертогах, Нефритовый император отрядил против меня сто тысяч небесных воинов, они расставили по всему небу силки, а на земле – капканы, и что бы вы думали? Не оказалось ни одного полководца, осмелившегося померяться силами со мною. И уж только потом был выслан против меня Малый мудрец – по имени Эрлан. Вот он оказался достойным соперником. Но ведь это чудовище равно мне по силе. Как же можно с такими ничтожными силами рассчитывать на успех?

Небесный полководец Сюй Цзин-ян ответил ему так:

– Тогда было одно, а сейчас совсем другое. Ведь часто говорят: «Новая вещь всегда лучше старой». А ты, что же, хочешь нарушить волю императора? Отбери-ка по своему желанию небесных полководцев, чтобы хоть из-за этого не произошло никаких задержек и недоразумений!

Сунь У-кун наконец смирился:

– В таком случае я глубоко признателен за высочайшую милость. В самом деле, не пристало мне нарушать повеление императора. И кроме того, я не могу, ничего не добившись, уйти отсюда. Получится, что зря я потревожил вас, попросив доложить обо всем Нефритовому императору. Так и быть, пусть пойдут со мною полководцы, небесный князь Вайсравана и его наследник Ночжа. У него есть оружие, которым можно покорять злых духов, пусть возьмет пока его с собой, а когда спустимся на грешную землю и схватимся в бою, посмотрим, как оно действует. Если нам повезет и мы сможем схватить чудовище, это будет огромным счастьем для меня; ну а если нас постигнет неудача, придется придумывать что-нибудь другое.

Наставники подробно доложили Нефритовому императору о том, что решил Сунь У-кун. Император тотчас же приказал небесному князю вместе с наследным сыном своим возглавить отряд небесных воинов и оказывать Сунь У-куну помощь. Небесный князь, получив это повеление, явился к Сунь У-куну. А Сунь У-кун тем временем, обращаясь к полководцам, говорил:

– Я бесконечно благодарен Нефритовому императору за то, что он оказал мне честь, отрядив под мою команду небесного князя Вайсравану. Но есть еще дело, о котором я буду просить его небесное величество побеспокоиться. Мне необходима будет помощь двух повелителей Грома и Молний. Когда небесный князь вступит в бой, нужно, чтобы повелители Грома и Молний находились по краям тучи и метнули громовые заряды, которые поразят чудовище насмерть, пригвоздив его над воротами пещеры. Ничего лучше, мне кажется, не придумаешь.

Небесные полководцы со смехом воскликнули:

– Ладно, ладно!

И доложили еще раз об этом Нефритовому императору. А тот велел передать в палату девятого неба приказ, повелевающий властителям Грома и Молний действовать заодно с небесным князем, общими усилиями изловить чудовище и выручить пострадавших.

И вот, сопровождая небесного князя и Сунь У-куна, все направились к Южным небесным воротам.

Не прошло и минуты, как они прибыли к месту назначения. Сунь У-кун сказал:

– Это и есть та самая гора, которая называется Золотой шишак. Название свое она получила потому, что пещера в ней действительно походит на шишак. А сейчас давайте обсудим, кому первому выйти и вызвать на бой чудовище.

Небесный князь, встав на край облака, выстроил небесных воинов на южном склоне горы и доложил:

– Вам, Великий Мудрец, давно уже известен мой сынок Ночжа. Он ведь в свое время покорил девяносто шесть демонов – обитателей пещер. Он хорошо владеет всевозможными способами превращений и, кроме того, при нем есть оружие для покорения демонов. Пусть он идет и вызывает на бой чудовище. – Раз так, – согласился Сунь У-кун, – разрешите мне проводить вашего наследника. Я сейчас же вернусь!

А наследник, весь дрожа от нетерпения, преисполненный храбрости, спрыгнул вместе с Великим Мудрецом с высокой горы, и они вместе направились к пещере. Однако ворота оказались крепко запертыми, а под скалой не было никакого злого духа. Тогда Сунь У-кун выступил вперед и закричал:

– Эй ты, презренный дьявол! Живее отворяй ворота и верни мне моего наставника!

Маленькие бесенята-привратники, увидев Сунь У-куна, побежали доложить:

– Великий правитель! Сунь У-кун привел с собою какого-то юнца, они вызывают тебя на бой!

– У этой обезьяны железный посох, – сказал повелитель демонов. – А голыми руками не повоюешь. Видимо, он выпросил себе подмогу и явился сюда! – И он крикнул: – Принести оружие!

Затем, с длинным копьём в руках, правитель демонов вышел из ворот.

Там стоял юноша с удивительно нежным лицом, но возмужалый и сильный.

С алым кораллом схожи юноши губы,  
Яшмовый лик его полной луне подобен,  
Светятся серебром крепкие белые зубы,  
Очи метают молнии, взор их жесток и злобен;  
Над переносицей гневно смыкаются брови,  
Гладкий лоб перерезан морщиной суровой;  
Пояс его, расшитый огнем, полыхает,  
Солнце играет в парче золотистой халата;  
Гладью зеркальной своею лучи отражают  
Непроницаемые, драгоценные латы.  
Ростом он был невысок, но казался прекраснее многих  
Видом достойным и мужеством черт своих строгих.

Тут повелитель демонов рассмеялся и спросил:

– Уж не сын ли ты небесного князя Вайсраваны, наследник Ночжа? Зачем ты явился к моим воротам и кричишь здесь?

– Как смеешь ты, негодный злой дух, безобразничать? – возмутился наследник. – Захватил святого монаха из восточных земель и мучаешь его. Я получил высочайшее повеление от Нефритового императора схватить тебя.

Повелитель демонов пришел в ярость:

– Думаешь, я не знаю, что тебя призвал на помощь Сунь У-кун? Да, я и есть тот самый повелитель демонов, который поймал святого монаха. Однако на что ты, юнец, способен, что позволяешь себе столь дерзко говорить со мною? А ну, стой! Не беги! Отведай, какво мое копьё!

Но тут наследник взмахнул своим волшебным мечом, разящим демонов, и ринулся навстречу врагу. Не успели противники схватиться, как Сунь У-кун побежал к склону горы и крикнул:

– Эй, повелители Грома и Молний! Где же вы? Живей отправляйтесь к месту боя и сражите злого духа, помогите наследнику справиться с чудовищем.

Оба повелителя – Дэн и Чжан – оседлали тучу и уже готовы были метнуть гром и молнию, но вдруг увидели, что наследник стал трехголовым с шестью руками и, вооруженный шестью разными видами оружия, несется на чудовище, собираясь зарубить его; чудовище тоже стало трехголовым и шестируким и теперь уже отбивалось тремя длинными копьями. Тогда наследник снова прибег к волшебству и метнул в чудовище копьё, мечи, словом, все, что у него было. Вот послушайте:

Меч, сокрушающий дьяволов,  
Нож, поражающий дьяволов,  
Пест, превращающий дьяволов в прах,  
Аркан, повергающий в трепет и страх,  
Дивный ковер, взмывающий в небеса,  
И огненный обод волшебного колеса.

При этом наследник крикнул: «Изменись!» И сразу же у него оказалось несметное количество оружия, так как одно обратилось в десять, десять – в сто, сто – в тысячу, а тысяча – в тьму-тьмущую, и все это оружие градом посыпалось на повелителя демонов. Но тот ничуть не оробел. Одной рукой он выхватил ослепительно белый обруч и подкинул его с возгласом: «Лови!» Раздался резкий звук, и все оружие, обращенное против чудовища, было охвачено этим обручем, словно арканом, что привело в панический ужас наследника, и он бросился бежать, спасая жизнь.

Одержав победу, повелитель демонов вернулся восвояси. Между тем повелители Грома и Молний Дэн и Чжан, ухмыльнувшись про себя, сказали:

– Мы заранее знали, чем дело кончится, знали, что наши громовые заряды и молнии он тоже захватит, потому и поберегли их. Если бы это случилось, как предстали бы мы перед владыкой неба?

Тут оба они надавили на передний край облака и сразу же очутились на южном склоне горы, догнав наследника.

– Чудовище в самом деле обладает огромной волшебной силой, – доложили они небесному князю.

Сунь У-кун, который, посмеиваясь, стоял в стороне, вступил в разговор:

– Вся сила этого негодяя заключена в одном этом обруче, – больше ничего у него нет. Что представляет собой этот обруч, – вот что хотелось бы узнать. Хорошо бы выловить чудовище его же собственным обручем.

Тут Ночжа с досадой сказал:

– Ты, Великий Мудрец, ведешь себя совсем несерьезно. Мы потерпели поражение, чем я весьма огорчен и раздражен, – ведь все это делалось ради тебя; как же тебе не стыдно подшучивать? Что все это значит?

– Ты говоришь, что огорчен и раздосадован, а я, думаешь, не огорчен? – отвечал Сунь У-кун. – Не знаю, что и делать, однако хныкать не следует, вот почему я и смеюсь.

Тогда небесный князь молвил:

– Как же нам добиться желаемого?

– Я полагаюсь на тебя, – отвечал Сунь У-кун. – Придумай что-нибудь. Только знайте, пока мы не справимся с этим обручем и не найдем лучшего оружия, чудовища нам не схватить.

Небесный князь отвечал:

– Этот обруч бессилен только перед водой и огнем. Ведь не зря говорят: «Вода и огонь не знают пощады».

Услышав это, Сунь У-кун сказал:

– В ваших словах есть истина! Обождите меня здесь, в укромном местечке, а я мигом слетаю на небо и сразу же вернусь!

Повелители Грома и Молний Дэн и Чжан в один голос спросили:

– Ты куда собрался?

– На сей раз, – отвечал Сунь У-кун, – я не стану докучать докладом Нефритовому императору. Я пойду к небесным воротам, пройду во дворец Красных цветов и буду просить его обитателя – повелителя звезд Огненной доблести пожаловать сюда и напустить огня на чудовище. Может, удастся превратить в пепел его волшебный обруч, тогда дело будет сделано. Во-первых, мы сможем забрать все наше оружие и вернем его вам, чтобы вы с честью возвратились на небо; а во-вторых, избавим от страданий моего наставника.

Эти слова очень понравились наследнику Ночжа, и он сказал:

– Нечего медлить! Прошу тебя, Великий Мудрец, отправляйся поскорей. А мы будем пребывать здесь в почтительном ожидании.

Сунь У-кун скользнул по волшебному лучу и мгновенно оказался у Южных небесных ворот. Тот же Широкоокий князь и четыре полководца вышли ему навстречу и приветствовали его:

– Что же это ты, Великий Мудрец, опять изволил пожаловать?

На это Сунь У-кун отвечал им:

– Небесный князь велел своему наследному сыну вступить в бой. Но в первой же схватке злое чудовище уволокло все наше оружие. Теперь я спешу во дворец Красных цветов, где буду просить помощи у его обитателя – повелителя звезд Огненной доблести.

Полководцы не осмеливались задерживать Сунь У-куна и впустили его в ворота. У дворца Сунь У-кун увидел целую толпу воинов огня, которые поспешно кинулись во дворец с докладом:

– Явился Сунь У-кун и желает видеть тебя, повелитель и князь наш.

Тогда обитатель этого дворца, по имени и званию повелитель звезд Огненной доблести, оправил свои одежды и вышел из ворот встретить Сунь У-куна как дорогого гостя. Введя его в свои покои, он сказал:

– Вчера Кэ-хань, начальник приказа, обыскал весь дворец, но не нашел никого, кто помышлял бы спуститься на грешную землю.

– Об этом я уже знаю, – отвечал Сунь У-кун, – но дело в том, что небесный князь и его наследник потерпели поражение и лишились своего оружия. Вот я и явился к тебе за помощью: выручи их и верни им оружие.

– Известно ли тебе, что Ночжа является покровителем и хранителем Трех алтарей, где собираются духи трех морей. Когда Ночжа появился на свет, он сразу же покорила дьяволов – обитателей девяноста шести пещер. Вот у него огромная волшебная сила; и если Ночжа не сможет одолеть чудовище, то где уж мне, слабому, тягаться с ним! Какая может быть надежда на меня!

– Небесный князь Вайсравана сказал, что во всей вселенной между небом и землей не найдется иного оружия против этого чудовища, кроме воды и огня. Чудовище это обладает всего лишь волшебным обручем, который похищает все, что есть у его противников. Не знаю, что это за драгоценность такая. Вот поэтому небесный князь просит тебя взять своих огненных воинов, спуститься вместе с ними на грешную землю и сжечь дьявола. Тем самым ты избавишь от страданий моего наставника!

Услышав эти слова, повелитель звезд Огненной доблести тотчас отрядил волшебных воинов, которые вместе с Сунь У-куном явились на южный склон горы Золотой шишак, где и произошла встреча с небесным князем и повелителями Грома и Молний.

– Великий Мудрец! – молвил небесный князь. – Придется тебе вызвать на бой этого негодяя, пусть вылезает из своей пещеры. Как только он начнет действовать обручем, мы тут же бросимся на него, а повелитель звезд Огненной доблести поведет своих воинов и сожжет чудовище.

Сунь У-кун сказал:

– Вот и хорошо! Так и сделаем.

Повелитель звезд Огненной доблести вместе с наследником небесного князя, обоими повелителями Грома и Молний встали на высокий горный пик и начали вызывать чудовище на бой.

А в это время Сунь У-кун прибыл ко входу в пещеру Золотой шишак и стал кричать во все горло:

– Открывайте ворота! Живей, поторапливайтесь! Верните мне сейчас же моего наставника!

Духи-привратники бросились докладывать своему властелину:

– Опять Сунь У-кун явился!

Чудовище с толпой духов вышло из ворот и, увидев Сунь У-куна, крикнуло:

– Снова ты здесь, мерзкая обезьяна! Кого же на этот раз ты привела с собой и с каким оружием?

Небесный князь, услышав эти слова, закричал:

– Ах ты, негодяй, узнаешь меня?

На это чудовище со смехом отвечало:

– Эй ты, небесный князь! Уж не вздумал ли ты заступиться и отомстить за своего сына и заодно отнять у меня захваченное оружие?

– Первым делом рассчитаюсь с тобой и потребую обратно свое оружие, а затем уже схвачу тебя и освобожу Танского монаха! Ну-ка! Стой! Сейчас познакомишься с моим мечом.

Но чудовище уклонилось от удара, вытащило длинное копьё и ринулось навстречу небесному князю. И вот у пещеры разгорелся жаркий бой. Вы только послушайте, как они сражались!

Небесный князь рубил ножом так быстро,  
Что раскалялось лезвие его  
И сыпало блистающие искры.  
А дьявол не страшился ничего:  
Копье железное в руке его могучей  
Сверкало, словно молния, огнем,  
Тяжелым древком рассекало тучи  
И облака пронзало острием.  
Один был до зубов вооружен  
И запугать противника пытался,  
Другой, великим званьем умудрен,  
Освободить наставника старался  
И для того не к силе обращался,  
А к чувствам, полным кротости благой,  
Связующим людей между собой.  
Однако, встретив лишь угрозы да упорство,  
Он с дьяволом вступил в единоборство.  
И вот, волшебным пользуясь уменьем,  
Низринул князь на недруга камень,  
Песчаный вихрь в глаза ему пустил.

Но дьявол, не испытывая страха,  
Окутался завесою из праха,  
И землю от небес отгородил,  
Так, что из-за густого слоя пыли  
Они совсем невидимыми были.  
Но камни и песок его не достигали,  
А лишь в волшебный обруч попадали.  
Итак, друг друга одолеть спешили  
Противники, не зная снисхожденья,  
И, вознося всевышнему моления,  
Владыку всемогущего просили,  
Чтоб ниспослал врагу он поражение.

Между тем Великий Мудрец, видя, как яростно сражаются противники, тотчас повернулся, вскочил на вершину горы и, обращаясь к повелителю звезд Огненной доблести, крикнул:

– Приготовьтесь!

И вы только взгляните. Опьяненный битвой, дьявол выхватил свой обруч, но небесный князь успел заметить это и тотчас же выпустил благовещий луч, признал себя побежденным и бежал с поля боя. Тогда, находившийся на вершине пика, повелитель звезд Огненной доблести поспешно передал приказ всем своим подчиненным разом напустить огонь. Это было поистине ужасное зрелище!

Вот что написано об огне в канонической книге:

В южных краях повелитель огня обитает,  
Властью своею он звездный огонь направляет:  
Коль пожелает – покроются пеплом поля,  
Жаром объятая, воспламенится земля,  
И по веленью могущественного владыки,  
Каждый, направленный на неприятеля, луч,  
Молниеносно пронзая завесу из туч,  
Вмиг обратится в разящие стрелы и пики!

Духи пользовались самым разнообразным оружием. Вот с высоты с шумом и криком полетели огненные вороны; вершина горы была усеяна скачущими огненными конями. Парами забегали огненные крысы и огненные драконы. Крысы изрыгали огненные языки. Кругом на десять тысяч ли запылало кровавое зарево, а когда пара огненных драконов выпустила густой дым, то на тысячу ли вокруг все стало черно. Тогда выкатились огненные колесницы, раскрылись огненные тыквы, огненные знамена заколыхались от одного края неба до другого, а огненные палицы словно месили землю, достигая самых ее глубин. Говорят, будто не было страшнее зрелища, чем то, когда Нин-ци стегал кнутом вола. Здесь было куда страшнее, намного страшнее, чем было Чжоу-лану в сражении у Красной скалы. Подумать только, ведь это полыхал не простой, а небесный огонь, самый сильный огонь во всей вселенной. Он так полыхал, что даже бушующий от него ветер казался раскаленным докрасна.

Однако чудовище ничуть не испугалось грозного огненного вала. Оно подкинуло вверх свой волшебный обруч, раздался резкий звук, и огненные драконы, кони, вороны, крысы, мечи, луки и стрелы разом очутились в обруче и были низвергнуты вниз. А чудовище вернулось в свою пещеру и, торжествуя победу, убрало оружие. Повелитель звезд Огненной доблести, держа в руке пустое древко от знамени, отозвал обратно всех своих полководцев и отправился

на южный склон горы к небесному князю Вайсра-ване. Когда они уселись, повелитель звезд Огненной доблести обратился к Сунь У-куну с такими словами:

– О мой Великий Мудрец, такое свирепое чудовище редко встретишь! Мне пришлось истратить на него все свои огненные припасы, однако напрасно. Как же теперь быть?

Сунь У-кун рассмеялся:

– Нечего обижаться и досадовать! Вы пока располагайтесь тут поудобнее, а я летаю куда надо и скоро вернусь.

Тут небесный князь любопытствовал и спросил:

– Куда же ты опять собрался?

– Раз это чудовище не боится огня, – отвечал Сунь У-кун, – значит, наверняка боится воды. Мне часто приходилось слышать о том, что вода может одолеть огонь. Подождите пока я пройду в Северные небесные ворота и попрошу повелителя звезд Водной доблести залить водой пещеру злого чудовища, пусть он там захлебнется, черт этакий! Вот тогда и можно будет вернуть все ваши доспехи, которые он утащил.

Небесный князь одобрительно произнес:

– Замечательный замысел, боюсь только, что твоему наставнику, томящемуся в пещере, тоже не поздоровится, и он захлебнется.

Однако Сунь У-кун бодро ответил:

– Это пустяки! Если даже он захлебнется, я сумею воскресить его. Мне только очень неловко, что я зря потревожил вас, а теперь еще заставляю ждать.

Повелитель звезд Огненной доблести прервал Сунь У-куна:

– Раз ты решил так поступить, действуй живей, чего там еще разговаривать.

О, чудесный Сунь У-кун! Он снова подпрыгнул вверх и, перекувыркнувшись в воздухе, мигом очутился на облаке, которое понесло его прямо к Северным небесным воротам. Едва он поднял голову, как увидел Многосведущего небесного князя, который сделал шаг вперед и совершил приветственный поклон со словами:

– Куда направляешься, Великий Мудрец Сунь У-кун?

– У меня есть важное дело, – отвечал Сунь У-кун. – Мне нужно пройти во дворец Ухао и представиться повелителю звезд Водной доблести. А ты что здесь делаешь? – спросил он в свою очередь.

Многосведущий небесный князь отвечал:

– Сегодня моя очередь стеречь эти небесные ворота.

Не успел он договорить, как появились еще четыре великих небесных полководца: Кан, Лю, Гоу, Би. Совершив поклоны, они пригласили Сунь У-куна выпить чаю.

Сунь У-кун сказал:

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь! У меня очень срочное дело!

С этими словами он распрощался со всеми священными привратниками и направился прямо во дворец Черных вод, где велел духам, служителям этого дворца, тотчас доложить о своем прибытии. Повелителю звезд Водной доблести было доложено так:

– Великий Мудрец Сунь У-кун, равный небу своей прозорливостью, изволил прибыть к вам, наш повелитель!

Повелитель звезд Водной доблести, выслушав просьбу Сунь У-куна, немедленно велел осмотреть и проверить боевую готовность водных сил во всех четырех морях<sup>4</sup>, пяти озерах<sup>5</sup>, восьми реках, четырех потоках<sup>6</sup>, трех великих реках и всех девяти их рукавах<sup>7</sup>, а также всех

---

<sup>4</sup> *Четыре моря*. – По представлению древних, все моря, омывающие сушу с четырех сторон («сы-хай»). Часто под этим термином подразумевается Китай, а иногда – вся вселенная.

<sup>5</sup> *Пять озер*. – Имеются в виду крупнейшие озера Китая – Поянху, Дунтинху, Тайху, Цинцаоху и Даньянху.

<sup>6</sup> *Четыре потока*. – Имеются в виду крупнейшие реки Китая – Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзыцзян и Сицзян.

<sup>7</sup> *Девять рукавов* – девять ветвей реки Янцзы («цзюй-пай»), в другом значении – название Китая.

князей-драконов из разных водных вместилищ, а затем, поправив головной убор и подпоясавшись, приосанился, вышел к парадным дверям, ввел Сунь У-куна в свои покои и сказал ему:

– Вчера Кэ-хань проверял мои дворцовые помещения, чтобы выяснить, не вздумал ли кто из духов – слугителей дворца спуститься в низшие сферы, чтобы бесчинствовать на грешной земле. Сейчас ведется проверка духов – обитателей всех великих рек, морей, озер и протоков, которая еще не закончена.

– Чудовище, – сказал на это Сунь У-кун, – о котором идет речь, не является правителем речных духов: он обладатель величайших таинственных сил. Нефритовый император соизволил сперва отрядить против чудовища небесного князя Вайсравану с его сыном. Они прихватили с собой еще двух повелителей Грома и Молний и спустились на грешную землю, чтобы изловить чудовище. Но он подбросил в воздух волшебный обруч и поймал им все небесное оружие, которое князь Вайсравана обратил против него. Мне ничего другого не оставалось, как отправиться во дворец Красных цветов и упросить повелителя звезд Огненной доблести возглавить войско огненных духов, чтобы спалить огнем чудовище. Но чудовище опять пустило в ход свой волшебный обруч и уволокло в пещеру все огненное войско – огненных драконов, коней и всех остальных воинов. Тут я и подумал, что раз огонь не берет его, то уж наверное он побоится воды. Потому я и явился сюда просить повелителя звезд Водной доблести не отказать мне в милости и с помощью сил водной стихии помочь изловить этого оборотня, отнять у него оружие небесных полководцев и, наконец, выручить из беды моего наставника – Танского монаха.

Повелитель звезд Водной доблести выслушал Сунь У-куна и тотчас отдал приказ почтенному духу – князю Желтой реки:

– Следуй за Великим Мудрецом и помоги ему добиться успеха.

Князь вод достал из своего широченного рукава маленькую плоскую из белого нефрита и лукаво промолвил:

– Вот такая у меня есть штучка, чтобы черпать воду.

Сунь У-кун недоверчиво покосился:

– Да ты взгляни! Сколько можно набрать воды этой плоской? А ты собираешься залить огромную пещеру и утопить в ней чудовище. Разве это возможно?

Князь Желтой реки стал серьезным и сказал:

– Я не буду тебя обманывать и скажу по правде, что эта плоская вмещает в себя все воды Желтой реки. Полплоская – это половина реки, а полная плоская – вся река!

Сунь У-кун очень обрадовался и заявил князю:

– Уверен, что потребуется всего лишь половина твоей чудесной плоской.

Затем он распрощался с повелителем звезд Водной доблести и вместе с почтенным князем Желтой реки покинул небесные чертоги.

Князь зачерпнул из Желтой реки полплоской воды и, следуя за Сунь У-куном, дошел до южного склона горы Золотой шишак, где поздоровался с небесным князем, его сыном-наследником, с повелителями Грома и Молний и повелителем звезд Огненной доблести. Тут пошли рассказы о прошлых делах и событиях.

Однако Сунь У-кун прервал завязавшийся было разговор:

– Сейчас незачем вспоминать о том, как все было. Пусть лучше князь Желтой реки последует за мной и обождет, покуда я буду вызывать чудовище из пещеры. Не нужно ждать, пока чудовище выйдет, – надо плеснуть воду под ворота: пусть оно захлебнется со всей своей нечистью. Я же выловлю тело моего наставника и попробую его оживить, думаю, что не запоздаю.

Князь Желтой реки, беспрекословно повинувшись Сунь У-куну, пошел вслед за ним. Они обогнули склон горы и направились по тропинке прямо ко входу в пещеру. Сунь У-кун громко крикнул:

– Эй ты, бес-оборотень! Живей отворяй ворота!

Духи-привратники, охранявшие вход в пещеру, услышав голос Сунь У-куна, поспешили к своему хозяину и доложили:

– Сунь У-кун опять появился!

Чудовище-мара<sup>8</sup> взяло свой волшебный обруч, вооружилось легким копьем, пошло к каменным воротам пещеры и с грохотом распахнуло их. Князь Желтой реки сразу же плеснул из своей площадки прямо в пещеру. Оборотень, увидев, что в пещеру хлынули потоки воды, отбросил свое длинное копье, схватил обеими руками свой волшебный обруч и подпер им створки ворот. И вот огромная струя воды с ревом стала выливаться из пещеры. Это так напугало Сунь У-куна, что он, кувыркаясь, помчался вверх к вершине горы, увлекая за собой князя. Тем временем небесный князь Вайсравана и все остальные сопровождавшие его небесные полководцы запрягли облако и тоже умчались на нем к горной вершине, откуда наблюдали за бушующей водой, бешено низвергающейся из пещеры.

Сперва воды совсем немного было,  
Ее едва б хватило на глоток.  
Какая же неведомая сила  
В одно мгновенье ока превратила  
Ее в неиссякаемый поток?  
В потоке том – могущество воды,  
Возможности и счастья и беды;  
Воистину – вода великий чудотворец,  
Способный хоть с самой судьбой поспорить  
В деяниях негаданных, неожиданных.  
Она полна и правды и обмана,  
Несет с собою жизнь и смерть в себе таит,  
Уничтожает вмиг то, что сама творит.  
Сейчас громopodobный грохот вод  
Недавнюю заполнил тишину:  
Их грохот потрясает небосвод,  
Рыча, как зверь, стремится волна волну,  
Затоплены поля, дороги и низины,  
В бескрайние моря превращены равнины...  
Беснуясь, клопоча летит за валом вал,  
Увенчанный седым венцом из пены,  
Все хочет сокрушить, но неизменно  
Дробится, как стекло, о грани темных скал.  
Под натиском воды гудит седой гранит,  
Волна в него стучится, словно молот,  
И в недра скрытые просачиваясь, холод  
Нефритовое сердце леденит.

---

<sup>8</sup> *Мара*. – Согласно верованиям буддистов, в центре вселенной находится священная гора Сумеру, на которой обитают четыре небесных богатыря и бодисатва Линцзи с тридцатью двумя приближенными. В четвертом надземном мире обитает Майтрея – будда грядущих времен; в шестом же надземном мире живет Мара, или, как его называют в Китае, Мо-ван. Мара – противник учения Будды; он – властитель так называемого «мира вожделений», то есть мира чувств и страстей. Буддисты считают, что все мирские искушения и нарушения моральных норм религии происходят под влиянием Мары и обитателей его мира. В «мире вожделений» жизнь и быт всех духов напоминают жизнь и быт людей: как и на земле, здесь едят, пьют, женятся, трудятся и т. д. По внешнему облику обитатели царства Мара тоже похожи на людей, хотя намного выше их ростом. Над «миром вожделений» находится так называемый «мир цвета», а еще выше – «мир бесцветия»: в этих двух мирах существа проходят процесс от погружения в созерцание до полного самозабвения; выше этого мира находится мир Саха, царство абсолютного духа, то есть нирвана. Там ныне, считают буддисты, обитает верховный Будда – Сакья-муни.

Камень в щебень превратив, прибой  
Обломки самоцветов вымывает  
И, отступая, снова наступает,  
Чтоб с берегом вести ожесточенный бой.  
Водоворот смертоносна бездна,  
И там, где мирно зеленели склоны,  
Потоки низвергаются отвесно,  
Долины обращая в водоемы.

При виде этого ужасного зрелища Сунь У-кун в страхе обратился к князю Желтой реки:  
– Беда! Вода разлилась по всем низинам, затопила крестьянские поля, а пещера осталась сухой! Что же нам теперь делать? И он стал торопить князя скорее собрать всю разлившуюся воду. Тот ответил ему:

– Я умею только разливать воду, а собирать ее не умею. Разве ты не знаешь поговорки: «Разлитую воду не легко собрать!»

Представьте себе: гора эта была настолько высока, что вся вода очень быстро с нее стекла и вскоре исчезла, оставаясь лишь на дне самых глубоких долин и впадин.

Между тем было видно, как из пещеры выскочило несколько бесенят, которые с воинственными криками, потрясая кулаками, засучив рукава, стали хватать палицы или пики, а потом принялись за веселые игры.

Небесный князь задумчиво произнес:

– Вот еще одно средство не помогло: ни одна капля воды не попала в пещеру!

Сунь У-кун не мог сдержать вспыхнувшего в нем гнева и, размахивая кулаками, бросился к воротам пещеры на бесенят, которые кинулись бежать от него.

– Вы куда! Вот я вам покажу! – в иступлении кричал Сунь У-кун. Бесенята побросали свои доспехи и скрылись в пещере. Они побежали к своему властелину:

– О великий князь! Снова беда пришла! Они опять идут на нас!

Дьявол, выставив копьё вперед, вышел из ворот пещеры и закричал:

– Экая ты злая обезьяна! Никак не можешь угомониться! Уж скольких ты врагов насылала на меня, но все напрасно. Тебе и приблизиться ко мне не удалось, даже с помощью сил Огня и сил Воды. Зачем же ты опять заявила? Погибели своей ищешь, что ли?

Сунь У-кун спокойно ответил:

– Ишь ты, мальчишка, смеешь еще дерзить. Неизвестно на кого из нас придет гибель, на тебя или на меня! Ну-ка, подойди сюда. Отведай кулак твоего дедушки, отца твоей матери.

Чудовище лишь расхохоталось в ответ:

– Ну и обезьяна! Сама лезет на рожон! Я на него с копьём, а он кулаком грозит. А кулачок величиной с персиковую косточку. Чем же тут хвалиться! Вот у меня кулак – настоящий молот! Ба! Отложу-ка я копьё свое и померяюсь с тобой на кулаки, посмотрим, чья возьмет!

Сунь У-кун со смехом воскликнул:

– Вот это дело! Ну, давай, подходи!

Чудовище поправило на себе одежды и выступило вперед. Куда девался его высокомерный вид! Оно подняло кверху свои кулаки, действительно похожие на железные кувалды, которыми пользуются на маслобойках для выжимания масла.

Великий Мудрец расставил ноги, качнулся из стороны в сторону, прикинул в уме, как действовать, и вступил в рукопашный бой с чудовищем-марой у самого входа в его пещеру. Ну и бой же это был! Вот послушайте:

Едва лишь Сунь У-кун взмахнул руками,  
Как кулаки его сравнялись с кулаками

Отважного противника, и смело  
Четыре разных кулака взялись за дело:  
Взлетают, опускаются, колотят,  
Дробят, как молоты, и, как цепи, молотят.  
Но Сунь У-куну кулаков казалось мало:  
Ногами неприятеля лягал он.  
С такую резвостью его мелькали ноги,  
Что впору б скакуну так мчаться по дороге.  
Один врага в лицо наотмашь бьет,  
Другой то в грудь ударит, то в живот,  
Один под ложечку ударит, изловчась,  
Другой его по шее сей же час,  
Один вот-вот лишится селезенки,  
Другой вот-вот расстанется с печенкой,  
Один противника старается обнять,  
Чтоб лучше под себя его подмять,  
Другой ему в обиду не дается,  
Удавом разъяренным так и вьется...  
Не люди, а драконы лишь и тигры  
Способны затевать такие игры:  
Как только ни вертелись, ни крутились,  
Друг другу на плечи и на спину садились,  
Как мудрый Лао-цзюнь на аиста верхом;  
То, будто в танце, бегали кругом,  
Валились друг на друга, словно глыбы,  
Об землю бились, точно пойманные рыбы,  
Как жеребцы, исполненные страсти,  
Багровые ощеривали пасти.  
Нет, то не лепестки с деревьев облетали,  
Не тучи дождь на землю проливали —  
То сыпались безудержно удары  
На голову разгневанного Мары!  
Нет, не от бури, все сметающей с пути,  
Защиту Сунь У-кун пытается найти,  
Лицо свое, как будто опухалом,  
От оплеух руками закрывал он!  
Сравним ли длань Великой бодисатвы  
С рукой Мо-вана? Шире, чем лопата,  
Ладонь чудовища, лихого супостата!  
Зато у Сунь У-куна и ножищи!  
Подобных им, пожалуй, и не сыщешь!  
Едва ли ты узришь такое чудо  
У каменного изваянья Будды!  
Друг друга награждали тумачами,  
Щипками, оплеухами, пинками,  
Подножками, ударами, толчками...

Они схватывались несколько десятков раз, но так и нельзя было сказать, кто из них окажется победителем. Пока они дрались, находившиеся на вершине горы небесный князь Вай-

сравана и повелитель звезд Огненной доблести ликовали: первый подбадривал Сунь У-куна, а второй рукоплескал и восторгался.

Оба повелителя Грома и Молний с наследником во главе всех своих военачальников и полководцев выскочили было вперед, чтобы помочь Сунь У-куну, но в этот момент из боковых пристроек у ворот выбежали бесенята. Они размахивали флагами, били в барабаны и принялись фехтовать мечами и ножами, встав на защиту своего господина. Заметив, что дело принимает опасный оборот, Великий Мудрец Сунь У-кун тотчас же выдернул у себя клочок шерсти, подбросил его в воздух и крикнул: «Изменись!» – и тотчас же клочок шерсти превратился не то в тридцать, не то в пятьдесят маленьких маргышек, которые все разом бросились вперед и вцепились в чудовище: кто ухватил его за ногу, кто за поясицу, а кто полез глаза царапать и выдергивать волосы. Чудовище растерялось и поспешно достало свой волшебный обруч. Сунь У-кун и небесный князь вовремя заметили это и, ухватившись за облако, бросились наутек.

Чудовище же тем временем подкинуло вверх свой обруч, раздался резкий звук, и превращенные из клока шерсти Сунь У-куна бойкие маргышки попались в обруч и в следующий же миг очутились в пещере. Чудовище, торжествуя полную победу, забрало с собой все свое войско и удалилось к себе, крепко-накрепко заперев ворота.

Несмотря на неудачу, наследник небесного князя принялся расхваливать Сунь У-куна:

– Наш Великий Мудрец Сунь У-кун – настоящий герой. В кулачном бою он показал себя искусным воином. А его волшебный способ превращения себе подобных существ из клока шерсти дороже любой драгоценности.

Сунь У-кун рассмеялся и спросил:

– Уважаемые господа! Вам со стороны было виднее. Скажите по совести – кто из нас ловчее?

Ответил небесный князь Вайсравана:

– У него удары слабее, да и ноги не так проворны, как у тебя, Великий Мудрец! Когда он увидел, что мы пошли тебе на помощь, он стал торопиться, а после того как ты превратил клочок шерсти в подобных себе маленьких обезьянок, – растерялся и засуетился. Вот почему он и прибег к своему обручу.

– С этим злым оборотнем-марой, – сказал Сунь У-кун, – справиться не так уж трудно. Вот только достать бы его волшебный обруч.

Тут повелители звезд Огненной и Водной доблести заговорили в один голос:

– Если хотите одержать победу, необходимо отобрать у него обруч. Иначе ничего не выйдет. Если только мы овладеем обручем, чудовище можно будет взять голыми руками!

– А каким способом можно похитить этот обруч? – спросил Сунь У-кун. – Видимо, надо выкрасть его.

Оба повелителя Грома и Молний, которых звали Дэн и Чжан, засмеялись:

– Если хотите совершить воровство, то, кроме Сунь У-куна, не сыщете никого другого. Способнее его на это дело нет. Помните, в тот год, когда он учинил буйство в небесном дворце, с каким он мастерством выкрал дворцовое вино, груды персиков, печенку драконов, мозги фениксов, да еще прихватил пилюли бессмертия почтенного Лао-цзюня! Пусть и на этот раз проявит свое мастерство!

– Что вы, помилуйте, совсем меня захвалили, – скромно отвечал Сунь У-кун. – Ну что же, так и быть. Вы посидите, а я слетаю разузнать, как там обстоят дела, и живо вернусь!

О, чудесный Сунь У-кун! Он мигом спрыгнул с вершины горы, очутился у входа в пещеру, качнулся всем телом и превратился в конопляную мушку редкой красоты. Вот полюбуйте сами:

Тонка на побегах бамбука  
Нежная оболочка,

Но крылышки мушки тоньше еще  
И нежнее.  
Меньше тычинки  
Головка на крохотной шее,  
Да и сама она вся —  
С сердцевину цветочка.  
Лапки ее похожи  
На шелковинки,  
Глазки – на бусинки.  
Весом же только с пушинкой  
Может соперничать  
Мушка красивая эта,  
Что быстротою полета  
Равняется с ветром.  
Впрочем, создание такое  
Не только прелестно,  
Может оно оказаться  
Еще и полезным.

Взлетев на ворота, Сунь У-кун нашел щелочку, пролез в нее, и тут его взору представилась картина победного торжества. Все бесы и бесенята собрались толпой. Одни плясали, другие пели, остальные расступились шеренгами по сторонам. На высоком помосте восседал сам злой оборотень-мара, а перед ним были расставлены всевозможные яства. Тут были и змеиное мясо, сушеная оленина, медвежьи лапы, верблюжьи горбы, плоды и ягоды. Был еще кувшин из черного фарфора, наполненный вином, ароматная брынза и кокосовое молоко. Этот обжора набивал себе брюхо и пил вовсю.

Сунь У-кун смешался с толпой бесенят и, превратившись в оборотня с головой хорька, стал изображать из себя ряженого, медленно подбираясь все ближе к помосту. Он долго всматривался, но нигде не мог обнаружить волшебного обруча. Стремительно вытянувшись во весь рост, он шмыгнул за помост, откуда увидел в заднем помещении высоко подвешенных огненных драконов, издающих хриплые звуки, и огненных коней, которые ржали. Внезапно, подняв голову вверх, он увидел свой посох с золотыми обручами, прислоненный к восточной стене. Он так обрадовался, что не мог сдержаться и, забыв принять прежний облик, подбежал к своей драгоценности. Тут только он принял свой настоящий вид и стал прокладывать себе путь посохом. Чудовище до того перепугалось, что у него, как говорится, душа в пятки ушла. Не успел он опомниться, как Сунь У-кун, разя бесов налево и направо, проложил себе путь к воротам и выбежал из пещеры.

Тут поистине можно сказать, что повелитель демонов возгордился и забыл о предосторожности, а хозяин вернул себе отнятое у него оружие.

Чем все это дело кончилось, добром или злом, вы узнаете, прочтя следующую главу.

## **Глава пятьдесят вторая, повествующая о том, как Сунь У-кун учинил буйство в пещере Золотой шишак, и о том, как Будда Татагата тайно указал ему того, кто может справиться со злым чудовищем**

Мы остановились на том, как Сунь У-кун раздобыл свой посох с золотыми обручами, пробился за ворота, вспрыгнул на вершину и предстал перед духами, полный радости и восторга. Небесный князь Вайсравана обратился к нему:

– Ну как? Расскажи, что с тобой было?

Сунь У-кун ответил:

– Я изменил свой облик и незаметно проник в пещеру. Гляжу, а чудовище еще пуще поет и приплясывает, видно, охмелело от вина, выпитого по случаю победы. Выведать у него, где хранится волшебный обруч, было невозможно. Я зашел ему за спину и вдруг слышу звуки, похожие на ржание коней и стоны драконов. Я смекнул, что это были чудовища из воинства Огненной доблести. А у восточной стены, вижу, стоит мой посох. Я ухватился за него, расчистил себе путь и выбрался из пещеры.

Тут все духи-божества разом заговорили:

– Как же так? Ты свой волшебный талисман вернул, а когда мы возвратим наши?

Сунь У-кун стал их успокаивать:

– Это сущие пустяки! Теперь, когда у меня в руках мой железный посох, я покорю чудовище, как бы оно ни хитрило, и непременно верну вам всем талисманы.

В это время у подножья горы неожиданно ударили в барабаны и громкие крики потрясли землю. Оказывается, это сам великий князь Единорог со всеми своими духами пустился в погоню за Сунь У-куном. Тот увидел его и вскричал:

– Вот хорошо! Лучшего и желать не приходится. Садитесь, уважаемые господа, и обождите меня, пока я изловлю это чудовище!

Ну и молодец Сунь У-кун! Подняв свой железный посох, он стремительно бросился вперед, крича:

– Стой, дьявол! Негодяй проклятый! Не уйдешь от меня! Отведай мой посох!

Но чудовище, отбив удар большим копьем, стало изрыгать потоки ругани:

– Ах ты, разбойная башка! Как же ты осмелился среди бела дня выкрасть у меня мое сокровище?!

Сунь У-кун ответил:

– Я тебя – скотина! Убить тебя мало! Не ты ли своим обручем похитил мой талисман? Стой, ни с места! Познакомься-ка теперь с моим посохом.

Чудовище прикрыло себя копьем, изо всех сил вращая его перед собой, и начался бой. Что это был за бой! Вы только послушайте:

Лютая ярость душой мудреца овладела,  
Бросился он на волшебника – злобного Мару.  
Оба противника, равно могучи и смелы,  
В гнев великом друг другу наносят удары.  
Палица тяжкая хлещет, как хвост у дракона,  
Словно живая, кидается влево и вправо,  
Вьется копьё, от нее отлетая со звоном,

Мечется, жертву приметившим грозным удавом.  
Страшные звуки, рожденные битвой жестокой,  
Вихрем промчались от края земли и до края;  
Птицы умолкли, журчать перестали потоки,  
Замерли реки, тому поединку внимая.  
Мглою непроглядной оделись высокие горы,  
Скрылись долины за серой туманной завесой,  
Юркнули змеи в свои потаенные норы,  
Звери укрылись в чащобах притихшего леса.  
Только доносятся битвы глухие раскаты,  
Только доносятся вопли и хохот безумный —  
То помогают вождю своему бесенята,  
Криком и визгом стремясь запугать Сунь У-куна.  
Тщетны старанья их! Сильный не ведает страха  
И не знаком ему горький позор пораженья,  
Палицей верной своею разит он с размаха —  
Шел он доселе с победой дорогой сражений!  
Но наконец повстречался достойный соперник  
Палице грозной – копьё роковое, чья сила  
Снежной горою Цзиньдоу уже давно завладела,  
Дух ее вольный давно уж себе подчинила.  
Кто ж из противников будет хитрее, сильнее?  
Сможет ли Царь обезьян одолеть чародея?

Вот уже шесть часов бились друг с другом злой оборотень и Великий Мудрец Сунь У-кун, но все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Между тем давно уже стемнело. Злой оборотень, заслоняясь длинным копьём, крикнул:

– Эй, Сунь У-кун! Постой! Уж совсем стемнело. Время не подходящее для поединка. Давай отдохнем до завтра, а с утра снова померяемся силами.

Однако Сунь У-кун принялся ругать его:

– Мерзкая ты скотина! Замолчи! Я только сейчас вошел в раж, какое мне дело до того, что поздно. Я хочу во что бы то ни стало решить сейчас же, кто из нас окажется победителем!

Чудовище издало какой-то звук, сделало ложный выпад копьём и кинулось бежать. Вскоре оно вместе со своими бесенятами скрылось в пещере, плотно заперев ворота.

Таща за собой посох, Великий Мудрец вернулся на вершину горы, где был встречен приветственными возгласами небесных духов, с нетерпением дожидавшихся его.

– До чего же ты ловок, до чего силен, наш Великий Мудрец! Твоим талантам и силе нет меры, нет границ!

Сунь У-кун смеясь отвечал на это:

– Я недостойн таких похвал!

Тут небесный князь Вайсравана подошел поближе и сказал:

– Это не пустая хвала, а сущая правда. Ты действительно настоящий герой! На этот раз ты держался ничуть не хуже, чем в том бою, когда вся земля вокруг тебя была опутана небесными силками.

Сунь У-кун прервал его:

– Не будем пока говорить о том, что было. Я думаю, что в этом бою я задал злому оборотню-маре неплохую трепку. Он, должно быть, сильно утомился, но мне нельзя говорить об усталости. Прошу вас, ни о чем не заботиться, посидеть здесь немного и обождать, пока я снова не проникну в пещеру. Может быть, удастся разузнать, где хранится этот волшебный обруч,

который обязательно надо украсть. Тогда мы изловим оборотня и вернем все, что он похитил у вас, чтобы вы могли с честью вернуться к себе на небо.

Тут в разговор вмешался наследник небесного князя:

– Сейчас уже поздно, лучше хорошенько выспаться, а завтра утром отправиться!

Сунь У-кун рассмеялся:

– Видно, что ты еще молод и неопытен! Где это видано, чтобы воровать ходили среди бела дня? Надо ходить за добычей по ночам и ночью же возвращаться, чтобы никто не видел и не слышал, вот тогда дело увенчается успехом.

Повелитель звезд Огненной доблести и повелители Грома и Молний обратились к наследнику:

– Вы лучше не вмешивайтесь! Ведь мы в таких делах совсем не разбираемся. А наш Великий Мудрец на этом, как говорится, собаку съел... Пусть он воспользуется удобным моментом. Во-первых, злой оборотень, наверное, утомился; во-вторых, ночь нынче выдалась очень темная и помех не будет. Пусть только скорей отправляется. Иди же быстрее!

И наш прекрасный Сунь У-кун, посмеиваясь, спрятал свой посох, спрыгнул с горного пика вниз и снова подошел ко входу в пещеру. Встряхнувшись, как обычно, он мигом превратился в сверчка:

Глаза его блестят, как бусы,  
Он чернокожий, длинноусый,  
На ножках тонких.  
Он днем молчит, а лунной ночью  
Поет, поет себе в потемках,  
Поет, стрекочет.  
Пусть дождь стучится в наши двери,  
Пусть ветер воет лютым зверем,  
Поет сверчок —  
И всем несет покой, и радость,  
И мирных сновидений сладость  
Его смычок.  
Как дорог всем нам песни этой  
Напев знакомый,  
Когда душа теплом согрета  
Родного дома!  
Но путник, что забрел дорогой  
Под кров случайный  
И спать улегся у порога,  
Внимает песенке с тревогой,  
С печалью тайной,  
И одинокому не спится —  
Тоской о родине томится!  
В два-три скачка допрыгнул до ворот  
Отважный Сунь У-кун, — и вот, —

пробрался сквозь щель внутрь и стал внимательно всматриваться вглубь пещеры, оза-ренной светом фонарей. Толпа больших и маленьких бесов со звериной жадностью уплетала какие-то яства. Сунь У-кун громко застрекотал и прислушался. В пещере вскоре убрали посуду и стали раскладывать постели. Наконец все улеглись. Прошло примерно столько времени,

сколько положено для смены ночной стражи, в течение которого Сунь У-куну удалось пробраться во внутренние покои. Там он услышал, как злой чародей отдал такой приказ:

– Разбудить всех привратников у ворот. Пусть тщательно караулят и следят. Боюсь, как бы Сунь У-кун снова не пробрался сюда под видом какой-нибудь букашки и не обворовал нас.

Затем он услышал, как, беседуя между собой и звеня оружием, караульные направились к своим постам. Это было на руку Сунь У-куну. Он пролез через дверную щель в опочивальню и увидел там возле мраморного ложа напوماженных и напудренных лесных и горных волшебниц, которые расстилали постель и укладывали спать злого чародея. Одни снимали с него туфли, другие – платье. И вот, когда чародей освободился от одежды, Сунь У-кун заметил, как у него на левой руке выше локтя сверкнул волшебный обруч, похожий на жемчужный браслет. Вот так чудеса! Чародей и не подумал снять обруч. Наоборот, он подтянул его повыше к плечу, чтобы он еще плотнее стянул ему руку, и после этого улегся спать. Тут Сунь У-кун превратился в блоху, вскочил на мраморное ложе, залез под одеяло и устроился на руке, на которой был обруч. Затем он с силой укусил чародея и, видимо, так здорово, что тот перевернулся на другой бок и выругался:

– Ну и негодницы, эти рабыни, лентяйки! Мало я вас бил. Постель как следует не встряхнули, пыль с ложа не смели. Что за тварь так здорово меня укусила?

С этими словами он еще выше подтянул обруч и уснул. Сунь У-кун подобрался поближе к обручу и еще раз укусил чародея, который проснулся и стал ворочаться:

– Ох, как чешется, терпеть невозможно!

Убедившись, что обруч надежно защищен и чародей не растает с ним ни на минуту, Сунь У-кун был вынужден отказаться от намерения выкрасть его. Он спрыгнул с ложа и снова превратился в сверчка. Выбравшись из опочивальни, он направился к заднему помещению, где снова услышал стоны драконов и ржанье коней. На двери, ведущей в заднее помещение, висел большой замок, а за дверью находились плененные обручем чародея огненные драконы и кони, подвешенные к потолку. Сунь У-кун принял свой обычный вид и, подойдя к двери, применил волшебный способ открывания замков. Он произнес заклинание и провел рукой по замку: раздался резкий звук – пружина лопнула, и замок раскрылся. Сунь У-кун толкнул дверь и вошел в помещение, внимательно оглядываясь вокруг. В помещении от огненного оружия, которое там находилось, было светло как днем. У стен стояли: секира, разящая бесов, талисман наследника, огненные лук и стрелы, принадлежащие повелителю звезд Огненной доблести, и многое другое. При ярком свете огня Сунь У-кун еще раз оглядел все помещение и увидел за дверью каменный столик, а на нем плетенный круг из соломы с клоком шерсти в середине. Обрадовавшись, Сунь У-кун взял в руки клочок шерсти дунул на него дважды своим горячим животворным дыханием и воскликнул: «Изменись!» Клок шерсти сразу же обратился в пятьдесят маленьких обезьян. Сунь У-кун велел им забрать все оружие: ножи, мечи, дубины, арканы, ловушку, луки, стрелы, копья, колесницы, тыквы-горлянки, а также огненных воронов, крыс и коней – словом, все, что было похищено чародеем, злым оборотнем-марой. Сам Сунь У-кун взобрался верхом на огненного дракона и, дав волю стихии огня, поджег пещеру изнутри, пробираясь к выходу. В пещере гулко потрескивал огонь – казалось, взрываются новогодние хлопушки.

Все бесы, большие и малые, всполошились и спросонья стали хватать одеяла, матрацы и укрывались с головой. В отчаянии одни кричали, другие плакали, мечась из стороны в сторону и не находя спасения. Почти все бесы сгорели. Доблестный Царь обезьян Сунь У-кун возвратился с победой, а была еще только третья стража.

Вернемся теперь к нашим друзьям, которые ждали Сунь У-куна на вершине горы. Неожиданно они заметили яркое зарево, которое все приближалось к ним. Стали всматриваться и увидели Сунь У-куна. Восседавая на огненном драконе, он подгонял маленьких обезьян, толпой скачущих к вершине горы. Приблизившись, Сунь У-кун громко крикнул:

– Идите, забирайте ваше оружие!

Повелитель звезд Огненной доблести и наследник небесного князя Ночжа разом отозвались. Тем временем Сунь У-кун встряхнулся всем телом, и клочок шерсти снова пристал к тому месту, откуда он его выдрал. Наследник Ночжа получил обратно свои шесть видов оружия, а повелитель звезд Огненной доблести велел своим подчиненным убрать огненных драконов, коней и все остальное. Все были очень довольны и благодарили Сунь У-куна, поздравляя его с победой. На этом мы пока и расстанемся с ними.

Вернемся теперь в пещеру горы Золотой шишак, объятую пламенем. Злой чародей Единорог струхнул не на шутку. Он поспешно вскочил, приоткрыл дверь и, взяв в обе руки волшебный обруч, направил его на огонь. Огонь сразу же стал гаснуть. Затем, не выпуская обруча из рук, чародей пробежался по пещере, наполненной дымом и гарью. Дым и гарь мигом исчезли. После этого он стал созывать свою челядь, но оказалось, что почти все сгорели. Уцелело немногим более сотни тварей. Тогда чародей отправился в помещение, где хранилось оружие, и обнаружил, что там пусто. Затем он пошел в заднее помещение. Чжу Ба-цзе, Ша-сэн и Танский монах лежали по-прежнему, крепко связанные по рукам и ногам. У кормушки стоял белый конь. Коромысло с поклажей было тут же. Чародей с досадой и злобой проговорил:

– Не знаю, кто из моих бесенят был неосторожен с огнем и устроил этакий пожар!

Стоявшие возле чародея его приближенные слуги заговорили:

– О великий повелитель! Никто из нас непричастен к пожару. Скорей всего его устроил разбойник, который уже пытался ограбить нас. Он выпустил силы огня и похитил все добытое нами оружие.

Тут чародея словно осенило, и он закричал в ярости:

– Больше некому! Это, конечно, напакостил он, зловредный Сунь У-кун, разбойник! Тот мне ночью все не спалось. Не иначе как он снова превратился в какого-нибудь гада и пробрался ко мне. Это он два раза укусил меня в руку. Так оно и есть. Видимо, хотел украсть у меня мой волшебный талисман, но, убедившись в том, что ему не снять его с моей руки, решил в отместку украсть оружие, которое я добыл в бою, выпустил огненного дракона и хотел сжечь меня. Эх ты, обезьяна! Зря хитришь. Тебе, видно, неизвестно, какой силой я обладаю! С этим волшебным обручем я не утону в самом глубоком море, не сгорю в самом громадном костре. О, попадись мне только в руки, я не успокоюсь, пока не сдеру с тебя шкуру.

Долго еще отводил душу разъяренный чародей и успокоился лишь тогда, когда прокричали петухи и стало светать.

Наследник небесного князя, получив обратно все шесть видов своего оружия, обратился к Сунь У-куну с такими словами:

– Великий Мудрец! Уже совсем рассвело, и больше мешкать нельзя. Надо воспользоваться тем, что чародей устал, и снова вступить с ним в бой. Мы с огненными воинами окажем тебе помощь. Может, на этот раз нам повезет и мы схватим его!

Сунь У-кун согласился:

– Что ж, вы совершенно правы. Если действовать сообща, схватить его будет сушей забавой.

Разминаясь, они пофехтовали, а затем направились гуськом прямо к пещере. Сунь У-кун встал у входа и громко крикнул:

– Эй ты, чудовище, выходи! Мне очень хочется побить тебя! Каменные ворота пещеры от сильного жара обуглились и раскрошились. Прислужники чародея подметали в воротах золу и пепел. Неожиданно увидев несметное количество небесных духов и праведников, прислужники перепугались, побросали свои метелки и веники, высыпали золу наземь и побежали в пещеру к своему господину:

– Сунь У-кун явился со множеством небесных духов, ругается и вызывает тебя на бой, – доложили они.

Услышав об этом, чародей сильно встревожился и заметался из стороны в сторону, скрежеща своими стальными зубами и вращая округлившимися глазами. Выставив вперед длинное копьё и прихватив волшебный талисман, он вышел из пещеры навстречу Сунь У-куну и закричал на него свирепым голосом:

– Я тебе покажу, негодная обезьяна, разбойник! Какой силой ты обладаешь, что так пренебрежительно относишься ко мне?

Сунь У-кун смеясь стал огрызаться:

– Злое чудище! Если ты хочешь знать, на что я способен, подойди поближе и выслушай меня:

Был наделен я с младенчества силой чудесной,  
Слух о которой доньне гремит повсеместно.  
Слава о ней по земле разнеслась и по тверди:  
Мало мне было той славы земной и небесной —  
Дух непокорный возжаждал достигнуть бессмертья.  
Странствовал долго я, полный великого рвения;  
Долго искал я учителя, чьи наставленья  
Мне бы открыли дорогу к вершинам познания,  
Мне бы явили от смертных сокрытую тайну  
Жизни, что вечно течет, не страшась завершенья.  
Час долгожданный настал, и проник я несмело  
В ту дорогую смятенному сердцу обитель,  
Где ожидал меня славный, достойный хранитель  
Мудрости древней, дарующей жизнь без предела.  
Он научил меня многим вещам сокровенным,  
Мог я принять по желанью обличье любое;  
Начал я знанья свои применять дерзновенно:  
Вольно гуляя по всей необъятной вселенной,  
Стал потрясать сумасбродно земные устои.  
Я возомнил себя выше всех сущих законов.  
Предков-воителей дух овладел непреклонно  
Мною, и подвиг любой мне казался отрадой.  
В бурных морях покорял я коварных драконов,  
Походя тигров себе подчинял кровожадных.  
Я укреплял свою волю в пещерах подводных,  
В шуме ревущей стремнины ковал свою твердость,  
В горные выси, к владениям духов свободных  
Вечно влекла меня неутолимая гордость.  
Высшим доверием был облечен я вначале:  
Высшею милостью я удостоился званья  
«Равного небу», и в честь величайших познаний,  
Мной обретенных, Премудрым меня величали.  
Также я звался прекрасным Царем обезьяньим.  
К почестям был я приучен и почестей жаждал,  
Снова и снова встречая везде поклоненье.  
Но приключилось как-то со мною однажды,  
Что неумышленно мне нанесли оскорбленье:  
Мне одному позабыли послать приглашенье,  
Дабы почтил я присутствием пир, что давала

В дивном саду своем вечно цветущем богиня,  
Мать царя Сиван-му. Сад над озером синим  
Был расположен. Вода ключевая питала  
Током своим его и до краев наполняла  
Чашу крутых берегов животворною влагой.  
В гневе своем преисполнившись злобной отваги,  
Светлый источник похитил я дерзкой рукою,  
Озеро вмиг превратив в каменистую сушу.  
Горе, досада терзали мятежную душу!  
Тайно, непрошеным гостем, проникнув в покой,  
Где приготовили слуги достойной царицы  
Разные блюда, я тотчас их пробовать начал.  
Быстро хватая, глотая еду наудачу,  
Съел я мозги драгоценные феникса-птицы,  
Печень дракона и множество разных целебных  
Яств перепробовал. Век свой продлил я сторицей,  
Персики дивных поев, что дарят долголетье.  
В тайную тайных проникнул, напиток волшебный  
Здесь отыскал и насытился им до предела.  
Тот, кто вкушал его, на десять тысячелетий  
Длил свою жизнь, достигая бессмертных удела.  
Разных безделиц из ярких камней и злата,  
Разных диковин бесценных похитил я много  
В славной обители мудрых, в небесном чертоге.  
Взял я иные себе, а иные запрятал.  
Вскоре о буйстве моем, о неистовой силе  
Стало известно Нефритовому властелину.  
Войско небесное грозный собрал император,  
Рати несметные в битву великую кинул.  
Воинам дан был приказ, чтоб меня укротили.  
Духов свирепых, что девять светил населяли,  
Натиском бурным, своим я тотчас опрокинул,  
Разом подмял под себя – не они победили:  
Я одолел их, и вмиг пред ними склониться?  
Всем полководцам земным уготовил я встречу,  
Раны тяжелые им нанеся и увечья.  
Горечь бессилья познав и печаль поражения,  
Все полководцы небесные с поля сраженья  
Вспять повернули, меня не заставив смириться.  
Тут император Нефритовый волей-неволей  
Был принужден к Наполнителю рек обратиться.  
Малый мудрец, наполнявший речные потоки,  
Рать свою славную вывел на бранное поле:  
Воинов в битве искусных и в сече жестоких.  
Всей своей силой они меня не побороли!  
Семьдесят раз и два раза свой облик меняя,  
Я полководца и воинов дерзко морочил.  
В мощи волшебной моей убедившись воочью,  
Бросились те, словно птиц потревоженных стая,

В страхе на помощь к себе Гуаньинь призывая.  
С Южного моря явилась она, словно вестник победы,  
Равных себе в целом свете не зная героев!  
Войско за войском неслись нескончаемым строем —  
Так налетают в грозу градоносные тучи,  
Видом своим устрасая, – но страх мне неведом!  
Вазу цветочную, веточку ивы плакучей  
Также враги мои против меня обратили.  
Все ж я держался ценою великих усилий,  
Всей своей волей и тайным умением держался.  
Но одолел меня некий противник сильнейший,  
Сам Лао-цзюнь досточтимый, правитель мудрейший,  
Против меня обративший свой скипетр алмазный!  
Тут по рукам и ногам меня крепко связали,  
Пред императором, словно преступник опасный,  
Гордо склоняясь головою, покорно предстал я.  
Судьи, собравшись, меня виноватым признали  
В многих мятежных, злонравных, коварных деяньях.  
Все, что решат они, мог угадать я заранее:  
Должен за все поплатиться я жизнью своею!  
Судьи мои палачу приказали скорее  
Острым мечом своим тотчас меня обезглавить...  
Но не смогли они смертью моею прославить  
Имя свое, ибо меч тот от согнутой шеи,  
Словно от камня, отскакивал, искры роняя.  
Недруги долго и тщетно трудились, не зная,  
Как умертвить меня, чтобы вернее избавить  
Землю и небо – весь мир от проказ моих дерзких,  
Чтобы утихло в груди неумолчное сердце!  
Шестеро духов меня, непокорного, ввергли  
В печь, полыхавшую пламенем грозным и ярым!  
Прочно за мною закрыли железную дверку, —  
Но постигал я науку бессмертья не даром:  
Жизнь моя жаркая в пламени том не померкла.  
Сорок и девять томительных дней, не сгорая,  
Тело мое закалялось, подобное сплаву.  
Сбив все засовы, запоры умелым ударом,  
Вышел из печи я, новой овеянный славой,  
Новой наполненный силой и злобою новой:  
Не удержали меня ни замки, ни оковы.  
Был я готов повторять все былые забавы!  
Духи найти на меня не сумели управы  
И обратиться решили к великому Будде,  
Чтобы помог всемогущий им сладить со мною,  
Чтоб сотворил он для них долгожданное чудо,  
Ибо ему лишь под силу свершенье любое.  
Поднял меня Татагата одною рукою,  
Перевернул, как младенца, и на землю кинул.  
Гору высокую он на меня опрокинул,

Чтобы не смел я буянить, придавленный ею.  
А император Нефритовый тут же затеял  
Праздник и пиршество в честь усмирения неба.  
С этого времени западный край величали  
В память победы «Обителью радости крайней».  
Тихо и праздно века надо мной протекали,  
Но усмирен я своим наказанием не был, —  
Тяжкой горою придавленный, злобствовал втайне.  
Уста мои пищи полтысячи лет не вкушали;  
Ни горсточка риса, ни капли душистого чая  
Не проглотил я, в неволе жестоко страдая.  
Может быть, я бы доньше под камнем томился,  
Если бы праведник, самый старейший из сущих,  
В это же время на землю сойти не решился.  
Светоч науки, добра негасимый светильник,  
Был он мудрейшим в прошедших веках и в грядущих,  
И Золотого кузнечика имя носил он  
Средь обитателей неба, могучих, всеильных,  
И среди смертных, в земных поселеньях живущих.  
В Танской империи праведник тот появился;  
Душу властителя славной империи этой  
Старец премудрый был призван спасти от соблазнов  
И напитать ее знанием, силой и светом.  
Цели великой, достойной служба безотказно,  
В путь он отправился долгий, тяжелый, опасный:  
Будде великому старец желал поклониться  
И попросить, чтоб пожертвовал Будда блаженный  
Древние свитки и книги науки священной,  
Чтоб к императору с ними он мог возвратиться.  
В это же время Гуаньинь, что когда-то сразилась  
С буйством моим, над бедою моею склонилась,  
Ведая то, что смягчился порыв мой мятежный  
В павших на долю мою испытаниях прежних,  
Веря, что должен к добру я прийти неизбежно,  
Стала она обращать меня в светлую веру  
Будды благого, и словом его и примером  
Меня убедила с безумством навеки расстаться,  
Освободила меня из-под каменной глыбы,  
К жизни прийти помогла и из праха подняться.  
Ныне я в эти края отдаленные прибыл,  
Путь свой на Запад держа, где священные книги  
Мы обретем, вместе с праведным Танским монахом.  
Дьявол негодный! Меня не научишь ты страху!  
Зло на себя навлечешь, самому себе сделаешь хуже,  
Коль не вернешь мне немедля достойного мужа!

Чудовище, выслушав все это, протянуло руку и, указывая пальцем на Сунь У-куна, яростно закричало:

– Так это ты осмелился учинить буйство в небесных чертогах! Стой, разбойник! Отведай-ка вкус моего копья!

Великий Мудрец отразил удар своим посохом и бросился на врага. Оба упорно сражались, не уступая друг другу. Стоявший за Сунь У-куном наследник Ночжа все больше распалялся, повелитель звезд Огненной доблести тоже был вне себя от гнева. Наконец они не вытерпели и обратили свое волшебное оружие и огненных воинов против злого дьявола. Сунь У-кун еще больше расвирепел. С другого края начали действовать повелители Грома и Молний, а сам небесный князь Вайсравана взмахнул своим огромным мечом и начал разить им всех без разбора, независимо от чина и звания. Чародей дьявольски расхохотался и незаметно вытащил из рукава свой волшебный талисман. Затем он разжал руку, подкинул обруч высоко вверх и крикнул: «Лови!» Что-то звякнуло, и все чудесное оружие Ночжа, все огненные воины, громы и молнии, огромный меч небесного князя и железный посох Сунь У-куна оказались в чудесном обруче, а перед злым чудовищем стояли обезоруженные противники. Опять Сунь У-кун остался с пустыми руками. А злой дьявол, одержав победу, удалился восвояси, отдавая на ходу приказания своим слугам:

– Доставьте сюда каменные плиты и как следует заделайте ворота, да заодно и помещение почините. Когда все будет готово, мы зарежем Танского монаха и трех его спутников и принесем их в жертву местному духу земли. Всем вам достанется по лакомому кусочку.

Слуги бросились выполнять приказание своего господина, но рассказывать об этом пока мы не будем.

Тем временем небесный князь Вайсравана вместе с небесными полководцами вернулся на вершину горы. Повелитель звезд Огненной доблести выразил недовольство наследником Ночжа. Он упрекал его в поспешности и нетерпеливости. Властитель Грома и Молний стал ворчать на небесного князя, обвиняя его в своеволии. Один только повелитель звезд Водной доблести стоял в сторонке и молчал. Сунь У-кун сразу заметил, что небесные воины недовольны друг другом. Он смекнул в чем дело, но сейчас ничего нельзя было предпринять. Подавив в себе досаду, он сделал веселое лицо и с усмешкой сказал:

– Уважаемые господа! Не огорчайтесь. Помните древнюю пословицу: «Победы и поражения – обычное дело для полководцев». Вот и меня постигла неудача в поединке с этим чудовищем, но я пока смирился. Ведь все это происходит потому, что у дьявола есть волшебный обруч, при помощи которого он причиняет нам вред, вот и теперь он снова обезоружил нас. Но не волнуйтесь, сейчас я схожу и узнаю, откуда этот дьявол взялся.

– Куда же ты теперь пойдешь? – спросил наследник Ночжа. – Ведь в прошлый раз ты ходил к Нефритовому императору, и по его приказу было проверено все небо, однако об этом чудовище так ничего и не узнали.

– Я вспомнил, – ответил ему Сунь У-кун, – что власть Будды безгранична. Вот и решил отправиться к Будде Татагате. Пусть окинет своим всевидящим оком все четыре материка и узнает, откуда появилось это чудовище, где оно живет, каково его происхождение и что за обруч у него, который обладает такой волшебной силой. Чего бы мне это ни стоило, я непременно изловлю дьявола, чтобы вы могли радостно вернуться на небо...

Тут все небесные духи-полководцы в один голос заговорили:

– Скорей принимайся за выполнение твоего прекрасного намерения. Не жди ни минуты, живей отправляйся! Скорей!

О, чудесный Сунь У-кун! Он сразу же перекувырнулся и очутился на облаке, которое быстро домчал его до горы Линшань. Там он спустился с облака на вершину по благодатному лучу и стал осматривать гору и ее окрестности. Вот что представилось его глазам:

Горы вздымались гряда за грядой,

Вверх громоздились одна за другою,  
К самому небу рвались чередою  
Снежных, сверкающих круч.  
Их голубые вершины, казалось,  
Лбами крутыми созвездий касались  
Выше клубящихся туч.  
С далей заоблачных свет благодатный  
Кротко струился на мир необъятный,  
И расстился под солнцем отрадный,  
Дивный, таинственный край,  
Край, что всех прочих чудесней и даже  
Краше, быть может, чем родина наша —  
Благословенный Китай.  
Горные выси, глубинные недра  
Жизнью дышали, извечной и щедрой,  
И под порывами свежего ветра  
Долу клонились кусты,  
И на луга, на лесные поляны  
Тихо роняли наряд свой багряный,  
С веток слетая, цветы.  
Мудрых монахов протяжное пенье,  
Колоколов монастырских гуденье  
В душу вселяли покой,  
И постигали, склонясь в умиленье,  
Полные благочестивого рвенья,  
Люди великого Будды ученье,  
Смысл его вечно живой.  
В рощах священных, в тени кипарисов  
Древние старцы в сияющих ризах  
Тихий вели разговор,  
Взором следя, как в небесные дали  
Белые аисты круто взмывали,  
В необозримый простор.  
Парами черные шли обезьяны,  
Всем подносили плоды.  
Шкурка звериная, вся без изъяна,  
Светлой была, – как луной осиянна,  
Нежная, глаже воды.  
Средь небывалых цветов и растений  
Так же попарно ходили олени  
И раздавали дары.  
Каждый от них получал аметисты,  
Камни, рожденные в девственно чистом  
Лоне гранитной горы.  
Гордые горы! Крутые вершины,  
Скаты, подъемы, ручьи и стремнины,  
Необозримая даль!  
В мире другие такие отроги,  
Выси и скаты, пути и дороги

Сможешь ты встретить едва ль!

Только в краю этом видишь и чувствуешь всюду —  
И на земле и на небе – благое величие Будды!

Сунь У-кун залюбовался чудесными горными видами. Вдруг кто-то сзади окликнул его:

– Откуда ты явился и куда путь держишь?

Сунь У-кун быстро обернулся и увидел перед собою бикшуню, почитаемую за ум и добродетель и удостоенную за это священным званием Арья.

– У меня есть важное дело к Будде, – с поклоном отвечал Великий Мудрец.

– Отчего же ты любишься здесь горами, а не спешишь в монастырь к Будде, хитрец ты этакий?

– Я впервые попал в этот чудный край, – отвечал Сунь У-кун, – потому и позволил себе такую дерзость.

– Ступай за мной, – приказала монахиня.

Сунь У-кун пошел следом за ней, и вскоре они подошли к воротам храма Раскатов грома. Им преградили путь восемь рослых хранителей Будды с алмазными жезлами в руках.

– Жди меня здесь, – сказала монахиня Сунь У-куну, – а я пойду доложу о тебе и скоро вернусь.

Сунь У-куну пришлось остаться за воротами. Между тем монахиня пришла к Будде, сложила руки в молитвенном приветствии и, поклонившись ему, сказала:

– У Сунь У-куна есть какое-то дело, и он хочет повидаться с тобою, Будда Татагата.

Будда велел передать хранителям, чтобы они впустили Сунь У-куна. После этого хранители отошли от ворот, дав дорогу Сунь У-куну.

Сунь У-кун, склонив голову, совершил глубокий поклон перед Буддой. Когда он закончил церемонию приветствия, Будда спросил его:

– Я слышал о том, что досточтимая бодисатва Гуаньинь освободила тебя от кары и ты, последовав закону Будды, дал обет охранять Танского монаха в его паломничестве на Запад за священными книгами. Каким же образом ты очутился сейчас здесь? Расскажи мне, что произошло?

Сунь У-кун опустил голову и стал рассказывать:

– О мой Будда, я расскажу тебе обо всем. Приняв твое учение, я отправился сопровождать Танского монаха, моего наставника, в его странствованиях на Запад. Когда мы дошли до горы Золотой шишак и достигли пещеры Золотой шишак, неожиданно появился главарь демонов по имени великий князь Единорог. При помощи волшебных чар ему удалось утащить моего наставника и сопровождавших его путников к себе в пещеру. Я пытался добром вымолить у него похищенных, но он не внял моим просьбам, и мы вступили с ним в поединок. У чародея есть волшебный обруч; вот этим обручем он и захватил мой железный посох. Я думал, что этот чародей – небесный полководец, спустившийся на грешную землю, и отправился в небесные сферы, чтобы узнать, кто он такой. Обыскали все небо, но чародея нигде не нашли; тогда Нефритовый император в помощь мне отрядил небесного князя Вайсравану с наследным принцем Ночжа. Но злодей снова пустил в ход свой обруч, обезоружил сына небесного князя и завладел всеми шестью видами его оружия. Я упробил правителя звезд Огненной доблести сжечь чудовище небесным огнем, но чудовище справилось с огненными силами тем же обручем. Я стал просить правителя звезд Водной доблести залить его водой, но и это не удалось. Мне пришлось много потрудиться, чтобы выкрасть у него свой посох и захватить обратно все оружие, похищенное им. После этого мы снова вызвали его на бой, но он тем же способом обезоружил нас, и мы не смогли покорить его. Вот почему, мой Будда, я явился к тебе и молю проявить великую милость: сказать, что это за дьявол и откуда он родом. Я отправлюсь

и захвачу его сородичей и соседей, а затем изловлю и его самого. Только так я смогу спасти моего наставника и дать ему возможность честно и до конца выполнить свой долг.

Будда внимательно выслушал Сунь У-куна, окинул своим всевидящим оком все дали, хотя знал уже, о ком шла речь.

– Я знаю, о ком ты говоришь, – молвил Будда, – но не могу сказать тебе, кто он, потому что ты очень болтлив и неводержан, как и все обезьяны. Как только он узнает, что я рассказал о нем, он не станет биться с тобой, а явится сюда, на гору Линшань, и обвинит меня во всем происшедшем. Уж лучше я дам тебе волшебное средство, с помощью которого ты изловишь его.

Сунь У-кун еще раз поклонился Будде и поблагодарил его за помощь, а затем спросил:

– О Будда! Скажи мне, что это за волшебное средство, которое должно помочь мне?!

Вместо ответа Будда велел стоявшим подле него восемнадцати досточтимым архатам немедленно взять из сокровищницы восемнадцать крупинок, входящих в состав пилюль бессмертия. Сунь У-кун спросил:

– А что делать с этими крупинками?

Будда отвечал:

– Ступай к той пещере и вызови чародея на бой. Когда он выйдет, вели архатам кинуть в него эти крупинки. После этого чародей не сможет пошевелинуться и оторвать ног от земли. Вот тогда ты и расправишься с ним, как тебе вздумается.

Сунь У-кун обрадовался и стал со смехом восклицать:

– Великолепно! Отлично! Замечательно! Ну, теперь я поспешу туда!

Архаты не осмелились мешкать и, взяв с собою крупинки пилюль бессмертия, вышли из ворот. Перед отправлением в обратный путь Сунь У-кун еще раз поблагодарил Будду.

Уже находясь в пути, Сунь У-кун заметил, что его сопровождают только шестнадцать архатов. Тогда он стал кричать:

– Что у вас здесь – рынок, на котором людьми торгуют!

– Кто торгует? – удивились архаты.

– Ну как же? Вас ведь было восемнадцать, а теперь только шестнадцать!

Не успел он договорить последних слов, как появились два досточтимых архата: Покоритель драконов и Укротитель тигров. – Сунь У-кун, – сказали они с укоризной, – почему ты не соблюдаешь приличия? Мы выслушивали последние приказания Будды и потому немного отстали.

– Хитрите! Хитрите! Если бы я не крикнул, вы так бы и не появились здесь.

При этих словах остальные архаты дружно рассмеялись. Затем они все вместе взлетели на благодатное облако и направили его к горе Золотой шишак.

Вскоре показалась и сама гора. Небесный князь Вайсравана первый заметил приближающееся облако и поднял всех, кто был с ним, встречать Сунь У-куна. Он порывался рассказать, что происходило с ними в отсутствие Сунь У-куна, но архаты прервали его.

– Незачем тратить время на разговоры! Ступай скорее и вызови чудовище из пещеры.

Великий Мудрец Сунь У-кун, сжимая кулаки, приблизился к пещере и начал браниться:

– Эй ты, толстобрюхий! Живей вылезай из своей берлоги. Я, Сунь У-кун, твой дед, хочу помериться с тобой силой. Посмотрим, кто из нас на этот раз возьмет верх?

Бесы, охранявшие ворота, побежали доложить своему господину о появлении Сунь У-куна. Чародей разозлился:

– Вот негодяй! Наверное, опять кого-нибудь привел с собой.

Слуги сообщили:

– Он стоит у ворот один. Рядом с ним никого нет.

Тут чародей стал размышлять вслух:

– Странно, как это он пришел один? Ведь его посох у меня. Уж не собирается ли он драться со мною на кулачки?

Захватив волшебный обруч и взяв в руки длинное копье, чародей направился к выходу, приказав своим слугам отвалить камни от ворот. Одним прыжком он выскочил за ворота и, увидев Сунь У-куна, начал браниться:

– Ты что, разбойник! Сколько раз я бил тебя. Тебе следовало бы скрыться, а ты опять здесь кричишь?

– Негодяй! – отвечал Сунь У-кун. – Что ты понимаешь! Если хочешь, чтобы я не приходил больше сюда и простил тебя, сейчас же отдай мне моего наставника и его спутников, вырази свою покорность и попроси у меня прощения.

– Те трое, о которых ты говоришь, – отвечало чудовище, – уже обмыты и скоро их зарежут. Чего же ты здесь путаешься? Убирайся вон!

Сунь У-кун, услышав слово «резать», сразу же подпрыгнул, щеки у него запылали жаром, он перестал важничать и, не помня себя от гнева, стал размахивать кулаками, боком приближаясь к чудовищу и стараясь вцепиться ему в морду. Чудовище пустило в ход свое длинное копье и заслонилось другой рукою. Сунь У-кун стал прыгать то слева, то справа, дразня дьявола, который пустился вдогонку за ним, все удаляясь от пещеры. Дьявол, видимо, не догадывался о хитром замысле Сунь У-куна. А Сунь У-кун кликнул архатов, которые бросили в злого дьявола крупинки философского камня. То были замечательные крупинки. Вы только послушайте, читатель, что произошло:

Горы покрылись глубокою мглою,  
Грозный туман навис над землею,  
Сонмы крупинок взвивались, роились,  
К небу взлетали и долу стремились,  
То собирались в тяжелую тучу,  
То рассыпались по каменным кручам,  
То устремлялись сплошною лавиной  
Вниз по обрывам – в леса и долины.  
Птицы небесные сбились с пути,  
Странник не может дороги найти,  
И за порог не идет домосед,  
Кличет в тревоге соседа сосед,  
В мраке не видно ни зги, ни огня,  
Ночь наступила средь ясного дня...  
Мчатся крупинки, не зная покоя,  
Сеются в воздухе тонкой мукою,  
Солнечный свет закрывая собою  
Белой стеною – сплошною пеленою.  
То эликсира бессмертья частицы!  
Может ли вещей полет их сравниться  
С прахом, что летней порою клубится,  
С пылью, летящей вослед колеснице?  
Кто же творец небывалого чуда?  
Мудрые старцы, приверженцы Будды,  
Только едва овладев талисманом,  
Землю и небо застлали туманом,  
Свет обратили в печальную тень,  
Мраком одели сияющий день,

Бурно призвали и тьму, одержимы  
Думой одною и целью единой —  
Чарами демона злого опутать,  
Снежную сетью обвить и окутать,  
Грузом тяжелым к земле придавить,  
Чтобы его, наконец, изловить.

Тем временем злой дьявол, которому бесчисленные песчинки засорили глаза, наклонил голову, и тут же почувствовал, что ноги его увязли в глубоком песке; он так перепугался, что весь вытянулся и подпрыгнул, но не успел стать на землю, как снова увяз. В сильном волнении он стал попеременно вытаскивать то одну, то другую ногу. В тот же момент он достал свой волшебный обруч, подкинул его вверх и скомандовал: «Лови!» Раздался свист, и все восемнадцать крупинок попали в круг. Дьявол уволок крупинки к себе в пещеру.

Архаты с пустыми руками собрались на облаке. Сунь У-кун подошел к ним и спросил:

– Что же это вы, досточтимые праведники и приверженцы Будды, не пустили в ход свой волшебный талисман и не закидали крупинками пилюль бессмертия злого дьявола?

– Мы сделали все, что нужно, – отвечали архаты, – но как только раздался свист, крупинки разом исчезли.

Сунь У-кун рассмеялся:

– Видно, и на этот раз он уволок их своим обручем.

Тут в разговор вступили небесный князь Вайсравана и остальные небесные полководцы.

– Каким же все-таки способом изловить его? – спросил небесный князь. – Вот уж поистине существо, которое ничто не берет! Когда же мы вернемся на небо? Как сможем смотреть в глаза Нефритовому императору?!

Стоявшие поодаль два архата – Покоритель драконов и Укротитель тигров – обратились к Сунь У-куну:

– Знаешь ли ты, почему мы оба задержались, когда выходили из обители Будды?

– Не знаю, – отвечал Сунь У-кун. – Иначе я не стал бы бранить вас. Почему же вы задержались?

– Будда сказал: «Чудовище обладает огромной волшебной силой и, если вы лишитесь крупинок пилюль бессмертия, велите Сунь У-куну направиться к Лао-цзюню, на небо, во дворец Тушита, где не знают, что такое ненависть. Там он найдет следы этого чудовища, и его легко будет изловить».

Выслушав архатов, Сунь У-кун опечалился:

– Какая досада! Какая досада! – повторял он. – Даже Будда одурачил меня. Почему он тогда не сказал мне всю правду об этом? Тогда вам всем не пришлось бы зря совершить столь дальний путь!

Небесный князь Вайсравана прервал его:

– Раз Будда велел поступить именно так, нечего раздумывать. Поспеши лучше в путь.

Сунь У-кун не стал спорить и сразу же одним прыжком очутился на облаке и помчался прямо к Южным воротам неба. В это время у ворот дежурили четыре небесных полководца, которые, сложив руки в приветствии, спросили его:

– Ну что, удалось изловить чудовище?

Сунь У-кун на ходу отвечал им:

– Пока еще нет! Но зато теперь я знаю, где искать на него управу.

Полководцы пропустили Сунь У-куна в небесные ворота. На этот раз он миновал дворец Чудодейственного неба, не заходил в чертог созвездия Ковша и Вола, а проследовал через все тридцать три небесные сферы и очутился перед дворцом Лао-цзюня.

У входа стояли два отрока-привратника, но Сунь У-кун без доклада направился прямо к дверям. Отроки сперва растерялись, но в следующий же момент задержали Сунь У-куна.

– Ты кто такой? Куда идешь? – допытывались они.

Сунь У-кун отвечал им:

– Я – Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, спешу по важному делу к почтенному старцу Лао-цзюню. Отойдите прочь!

– Нельзя быть таким невежей! – сказал тогда один из отроков. – Обожди здесь, пока о тебе доложат.

Но разве мог стерпеть подобное обхождение наш храбрый Сунь У-кун? Он грозно прикрикнул на привратников и вошел во дворец. Тут навстречу ему вышел сам Лао-цзюнь, и они столкнулись лицом к лицу.

Сунь У-кун изогнулся в низком поклоне, а затем сказал:

– О почтенный господин мой! Давно не имел чести видеть тебя.

Лао-цзюнь рассмеялся:

– Что же ты, обезьяна, не исполняешь своего долга? Почему не следуешь на Запад за священными книгами. И зачем тебя занесло сюда?

Сунь У-кун отвечал ему так:

Опасными, неведомыми тропами,  
Неторными путями сокровенными  
За книгами священными спешу.  
Мне в книгах тех большое утешение,  
Несут они отрадное волнение.  
Сними с пути преграду, я прошу!

Лао-цзюнь удивился:

– Какое я имею отношение к преграде, возникшей на пути в западные страны?

На это Сунь У-кун отвечал:

Со странами, буддистам всем известными,  
Шутить, поверь, совсем неинтересно мне.  
С волшебными чертогами небесными  
Я тоже не шучу.  
Но чудище торчит непоборимое  
Преградой на пути неодолимою.  
Где обитает эта тварь незримая? —  
Найти ее хочу!

Лао-цзюнь обиделся:

– Что за тварь такая может здесь быть у меня? Разве тебе неизвестно, что это место является обителью самых праведных отшельников?

Сунь У-кун смело вошел во внутренние покои, шаря своими острыми глазами. Он прошел целую анфиладу комнат и галерей и очутился на заднем дворе. Там он сразу же заметил, что ворота хлева распахнуты настежь, стойло для вола пусто, а отрок, стороживший хлев, сладко дремлет.

Сунь У-кун обратился к Лао-цзюню:

– Вол ушел из хлева, почтенный старец! Видишь, его нет в стойле!

Лао-цзюнь сильно встревожился и стал кричать:

– Эй! Куда девался вол? Когда он исчез?

От крика отрок сразу же очнулся, опустился на колени перед Лао-цзюнем и стал оправдываться:

– О мой отец! Прости меня, – умолял он. – Я нечаянно заснул и не знаю, когда пропал вол!

Лао-цзюнь принялся ругать его:

– Экий ты негодник! Как же ты посмел уснуть?

Отрок начал отбивать земные поклоны и честно признался:

– Я подобрал на полу пилюльку и проглотил ее. После этого меня стало неудержимо клонить ко сну.

– Вот оно что! – произнес Лао-цзюнь. – Это, наверное, из тех пилюль, которые я семь раз переплавлял в тигле несколько дней тому назад. Помню, помню, одна пилюлька упала на пол и куда-то закатилась. Ее-то ты, негодяй, и съел. А пилюли эти снотворные. Стоит проглотить одну, и будешь спать без просыпа семь суток. Стало быть все эти дни вол находился без присмотра. Вот он и воспользовался удобным случаем и удрал на грешную землю. Сегодня как раз седьмой день.

Он сейчас же послал проверить, целы ли все волшебные талисманы и не захватил ли с собой чего-либо сбежавший вол.

– У него нет при себе никаких драгоценностей, кроме волшебного обруча, обладающего великой силой.

Лао-цзюнь поспешно стал проверять все свои сокровища, и оказалось, что не хватает браслета из алмазов.

– Ах ты, негодная скотина! – вскричал Лао-цзюнь, – украл мой алмазный браслет.

– Так вот, оказывается, какой у него талисман, – сказал Сунь У-кун. – С его помощью чародею и удалось одолеть меня. Многие он уволок этим обручем за все то время, пока резвился в низших сферах на грешной земле!

– А где он сейчас находится? – спросил Лао-цзюнь.

– В пещере на горе Золотой шишак, – отвечал Сунь У-кун. – Он уволок к себе моего наставника Танского монаха и мой железный посох с золотыми обручами. Там же находится волшебное оружие наследника небесного князя Вайсраваны, который помогал мне сражаться со злым дьяволом. Кроме того, чародей уволок все огненные доспехи и припасы властителя звезд Огненной доблести, которого я тоже просил помочь мне. Только правителю звезд Водной доблести удалось сохранить все свое оружие. Я обратился к Будде Татагате за помощью. Он дал восемнадцать крупинок пилюль бессмертия своим архатам, чтобы они засыпали ими чудовище, но эти крупинки тоже были похищены обручем и попали в пещеру. Вот сколько бед причинил этот негодный вол, и если ты, Лао-цзюнь, признаешь себя его хозяином, то придется тебе расплачиваться за его преступления. Знаешь, какую кару ты заслужил?

Лао-цзюнь задумался:

– Этот алмазный браслет помог мне пройти незамеченным через заставу Ханьгугуань, – проговорил он, – я с малых лет трудился над его изготовлением. Его не берет никакое оружие, ни огонь, ни вода. Хорошо, что он не украл мой волшебный веер из высушенного листа банана. Тогда и я не смог бы справиться с этой скотиной.

Тут Великий Мудрец Сунь У-кун возрадовался и последовал за Лао-цзюнем. Лао-цзюнь взял свой волшебный веер и, встав на благодатное облако, отправился в дальний путь вместе с Сунь У-куном. Обитель праведных небожителей осталась позади.

Миновав Южные ворота неба, они направили облако вниз и достигли горы Золотой шишак. На одном из ее склонов они увидели восемнадцать праведных архатов, повелителей Грома и Молний, повелителей звезд Огненной и Водной доблести и небесного князя Вайсравану с наследным принцем, которые стали рассказывать обо всем, что произошло и что вам, читатель, уже известно. Затем Лао-цзюнь обратился к Сунь У-куну:

– Ну, Сунь У-кун! Сходи-ка еще раз и вызови эту скотину из пещеры, чтобы я мог увести ее к себе.

Сунь У-кун спрыгнул с вершины пика вниз и, очутившись прямо у пещеры, начал громко кричать и ругаться:

– Эй ты, толстобрюхая скотина! Живей выходи, сейчас я расправлюсь с тобой!

Привратники снова кинулись с докладом к своему повелителю. Злой дьявол заворчал:

– Этот разбойник опять кого-то привел с собой.

Поспешно схватив свое длинное копье и волшебный обруч, он вышел из ворот.

Сунь У-кун стал осыпать его руганью:

– Дьявол ты этакий! Ну, уж на этот раз тебе несдобровать, настал твой смертный час! Стой, ни с места!

С этими словами Сунь У-кун стремглав подскочил к чудовищу, изо всей силы закатил ему звонкую оплеуху, а затем быстро отскочил и бросился бежать. Вращая свое копье, дьявол кинулся вдогонку, но вдруг услышал знакомый властный голос, прозвучавший с вершины горы:

– Вол! Почему ты не возвращаешься в свое стойло? Долго я буду ждать тебя?

Подняв голову, дьявол увидел своего повелителя Лао-цзюня и, дрожа всем телом от страха и ужаса, стал бормотать:

– Эта вороватая обезьяна хитрее всех на свете! Как это ей удалось найти моего повелителя и привести его сюда?!

Лао-цзюнь тем временем прочел какое-то заклинание и взмахнул своим волшебным веером. Чудовище сразу же выронило волшебный обруч и застыло на месте. Лао-цзюнь спустился, взял его за загривок, махнул своим веером, и чудовище сразу же приняло свой настоящий вид, превратившись в черного вола.

Затем Лао-цзюнь взял обруч, дунул на него, и обруч превратился в кольцо. Лао-цзюнь продел кольцо в ноздри вола, снял с себя пояс, привязал его одним концом к кольцу, другой конец взял в руки и повел вола за собой.

С той поры волам стали продевать кольца в ноздри, а сами кольца получили название гость-молодчик.

Лао-цзюнь распрощался с небесными духами, оседлал черного вола и, подстегнув его, мигом очутился на облаке и вернулся в свою обитель. Он привязал вола в стойле и вознесся в свои чертоги в небесной сфере, где не ведают ни печали, ни ненависти.

Наконец-то Великий Мудрец Сунь У-кун вместе с небесным князем Вайсраваной и остальными небесными воинами проникли в пещеру, перебили всех оставшихся там бесенят, – их было больше сотни, – а затем каждый взял похищенное у него чародеем оружие. После этого Сунь У-кун поблагодарил всех, и небесный князь со своим сыном возвратились на небо, повелители Грома и Молний вернулись в свои владения, повелитель звезд Огненной доблести отправился на свое созвездие, повелитель звезд Водной доблести вернулся в Желтую реку, а праведные архаты отправились на Запад.

Когда все удалились, Сунь У-кун вошел в пещеру, освободил Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и достал свой железный посох. Трое освобожденных стали благодарить Сунь У-ку-на, а затем привели в порядок коня, собрали всю свою поклажу и покинули пещеру. Вскоре они вышли на большую дорогу и двинулись дальше на Запад. Не успели они пройти и нескольких шагов, как услышали громкие крики.

– О Танский монах! Отведай скромную трапезу, приготовленную для тебя!

У Танского монаха сердце замерло от страха.

Вам, читатель, конечно, неизвестно, кто звал Танского монаха. Если вы хотите об этом узнать, прочтите следующую главу.

**Глава пятьдесят третья,  
повествующая о том, как Танский монах,  
выпив воды, зачал и как затем ему  
удалось избавиться от дьявольского плода**

Восемьсот добрых дел должен ты совершить  
И три тысячи тайных заслуг накопить,  
Злого недруга должен, как друга, любить,  
Что желаешь себе – должен ближним творить, —  
Лишь тогда ты исполнишь священную волю  
Будды, в Западном небе живущего,  
Лишь тогда ты познаешь блаженную долю  
Человека, законы блюдущего.  
Как ни билось чудовище, полное сил,  
Защищаясь коварством огня и воды,  
Зря пропали безумства его и труды:  
Лао-цзюнь всемогущий его покорил  
И, подобный орлу, в небеса воспарил;  
За собой, хохоча, от звезды до звезды  
Он вола упирающегося ташил.

Итак, мы остановились на том, что Танского монаха кто-то позвал. Оказалось, что это были духи: дух, почитаемый в этих краях, и дух – властитель горы Золотой шишак. Каждый из них держал в руках монашескую чашу для подаяний, сделанную из червонного золота.

– Святой отец! – кричали они. – Еду в этих чашах вымолил у добрых людей Великий Мудрец Сунь У-кун. Вы не послушались его чистосердечного совета, вот и попались в лапы злему чудовищу. Сколько хлопот вы доставили Великому Мудрецу?! Сколько горя и мучений он перенес! Но хорошо, что не напрасно: теперь он вас всех выручил из беды. Идите же сюда и закусите, а потом пойдете своей дорогой. Не отказывайтесь, так как этим вы обидите Сунь У-куна, который искренне и из почтения к вам собирал это подаяние!

Танский монах обернулся к Сунь У-куну и с чувством произнес:

– Я в неоплатном долгу перед тобой, ученик мой! Нет слов, чтобы выразить тебе мою благодарность. Знал бы я раньше про козни чудовища, не попал бы в такую беду!

– Скажу тебе, ничего не скрывая, наставник мой, – с жаром отвечал Сунь У-кун. – Лишь потому, что ты не поверил мне, ты угодил в расставленную для тебя ловушку. Жаль, что столько страданий пришлось понапрасну пережить из-за этого! Очень жаль!

Тут в разговор вмешался Чжу Ба-цзе:

– О какой это ловушке вы говорите?

Сунь У-кун сразу же накинулся на него:

– Во всем виноват ты, негодяй, косноязычная тварь этакая! Из-за тебя нашему наставнику пришлось перетерпеть столько бед! А мне сколько было хлопот. Какую кутерьму я устроил! Поднял на ноги всех небесных полководцев, выпросил небесное войско, силы водной и огненной стихии, даже волшебные крупички для пилюль бессмертия Будды. Но злое чудовище, пустив в ход свой волшебный обруч, уволокло к себе в пещеру и воинов и оружие. Будда тайно повелел своим праведникам архатам раскрыть мне тайну происхождения этого злого

дьявола. После этого я обратился к Лао-цзюню, который укротил чудовище, оказавшееся черным волком.

Танский монах, внимательно слушавший Сунь У-куна, растроганно произнес:

– О просвещенный ученик мой! Все случившееся да послужит мне хорошим уроком. Обещаю впредь во всем слушаться тебя!

Вслед за тем все четверо разделили еду между собой и принялись есть. Еда была очень горяча, и от нее валил густой пар. Сунь У-кун удивился:

– Почему еда не остыла, ведь она так долго стояла на холоде?

Дух местности при этих словах опустился на колени и признался:

– Это я узнал, что ты, Великий Мудрец, завершил свой подвиг, и разогрел пищу.

Путники быстро поели, убрали чашки и распрощались с духом местности и горным духом.

Танский монах сам взобрался на белого коня, уселся в седло и перевалил через высокую гору.

Вот уж поистине, избавившись от волнений и забот, они спали и ели под открытым небом, всеми силами стремясь на Запад.

Так шли они довольно долго и однажды почувствовали, что в воздухе запахло весной.

Как сладок щебет ласточки  
И крик веселой иволги!  
Жилье свое у притолоки  
Из глины лепит ласточка,  
Держась за ветку лапочкой  
Гнездо свивает иволга...  
Земля ростками нежными  
Как бы парчою убрана,  
И горы изумрудные  
Стоят стогами свежими;  
Сулят плоды несметные  
В ветвях тугие завязи,  
Чернеясь, словно записи,  
На свитке неба бледного;  
И облако беспечное  
Руном своим касается  
Вершины дуба вечного,  
В листву его вплетается...  
Под дымкой серебристою,  
Таясь от солнца знойного,  
Лежат луга цветистые  
И пастбища привольные,  
А кипарисы стройные  
Над ними гордо высятся...

Путники двигались все дальше и дальше:

Но вдруг перебежала им  
Дорогу речка малая,  
Как свет небесный чистая,  
Как ящерица быстрая.

Танский монах придержал коня и, осмотревшись вокруг, заметил на другом берегу несколько лачуг, выглядывавших из густой зелени ив.

Указывая на лачуги, Сунь У-кун сказал:

– Там, наверно, живет перевозчик.

– Пожалуй, ты прав, – отвечал Танский монах, – но нигде не видно лодки, вот почему я и не осмелился высказать такое предположение.

Чжу Ба-цзе снял с себя ношу и, обернувшись лицом к далекому селению, закричал изо всех сил:

– Эй, перевозчик! Поддай сюда лодку!

После того как он прокричал несколько раз подряд, из густых ив, скрипя, выплыло судно. Оно быстро приближалось к берегу, и наши путники рассмотрели его:

Быстро волны рассекает шест короткий,  
Весла гладкие скользят по гребням пенным —  
Хороша раскрашенная лодка,  
Яркая, что камень драгоценный!  
Рулевой на ней, как видно, зоркий,  
В трудном ремесле своем умелый,  
Сидя в расписной своей каморке,  
Лодку он ведет рукою смелой.  
Пусть не ждут ее пути морские,  
Пусть ее дорога меньше, уже,  
Кораблей больших она не хуже,  
И, как им, ей не страшны стихии.  
С грозными, кипящими волнами,  
С шалостями северного ветра  
Справиться она всегда сумеет  
Легкою оснасткою своею,  
Прочными сосновыми шестами,  
Веслами из розового кедра.  
Но сейчас тот путь, что ей положен,  
Рулевому не стяжает славы!  
Этот путь нетруден и несложен,  
Он лежит у древней переправы,  
И любого, кто о том попросит,  
Лодка на тот берег перевозит.

Лодка вскоре пристала к берегу, и лодочник крикнул:

– Кому надо переправляться? Пожалуйте сюда!

Танский монах подъехал на коне поближе, чтобы посмотреть, каков из себя лодочник.

Мягким бархатным платком повязан,  
Поясом лоскутным подпоясан,  
В туфли шелка черного обут;  
Ватные штаны на нем в заплатках,  
Латанные полы у халата,  
Видно по рукам, что небогат он,  
Жесткие ладони знают труд;

Сам он смуглолицый, седобровый,  
Тусклые глаза глядят сурово,  
Рот поджатый, узкий, словно щель,  
Но зато, когда промолвит слово, —  
Голос зазвучит, как птичья трель  
Или серебристая свирель.

– Ты транспортируешь? – спросил Сунь У-кун, подходя к лодке.

– Да, – отвечала женщина.

– А где же сам хозяин? Почему он послал тебя?

Женщина усмехнулась, но ничего не ответила. Сильными руками она перекинула сходни на берег. Первым на лодку взобрался Ша-сэн, который внес на палубу всю поклажу, за ним поднялся Танский монах, поддерживаемый под руку Сунь У-куном. Великий Мудрец, вспрыгнув на палубу, тотчас же прошелся по ней. Последним поднялся Чжу Ба-цзе, который вел за собой белого коня. Он убрал сходни, а женщина оттолкнула лодку шестом и взялась за весла. Вскоре они пристали к другому берегу.

Путники сошли с лодки. Танский монах велел Ша-сэну развязать узел, достать металлических и бумажных денег и отдать перевозчице. Женщина взяла деньги, даже не поинтересовавшись, сколько ей заплатили, и привязала лодку к колу, вбитому на берегу. Затем, посмеиваясь, она направилась к селению.

Плененный удивительной прозрачностью и чистотой речной воды, Танский монах вдруг почувствовал жажду и крикнул:

– Чжу Ба-цзе, возьми чашку для подаяний и зачерпни воды. Я хочу пить.

– Мне тоже вдруг захотелось пить, – отвечал Дурень.

Он достал чашку и, зачерпнув до краев, протянул своему наставнику. Тот выпил почти половину и вернул чашку Чжу Ба-цзе. Дурень одним духом осушил ее до дна, а затем помог наставнику взобраться на коня.

Путники выбрались на дорогу, ведущую на Запад, и двинулись дальше. Не прошло и половины срока отбывания караульной стражи, как Танский монах вдруг почувствовал в животе сильные рези и громко застонал:

– Ох! живот болит!

Чжу Ба-цзе тоже стал охать:

– И у меня болит.

– Это у вас от холодной воды, – высказал предположение Ша-сэн. Не успел он договорить, как наставник начал кричать еще громче:

– Ой, как схватило! – вопил он.

Чжу Ба-цзе тоже страдал от нестерпимой боли. Между тем животы их на глазах раздувались, и, когда они мяли их, им казалось, что внутри перекачивается какой-то комок.

Танскому монаху стало совсем худо, но как раз в этот момент неподалеку от дороги они заметили небольшое селение и дерево, к вершине которого были привязаны два снопа соломы. Это означало, что в селении есть кабачок.

Тут Сунь У-кун обратился к Танскому монаху:

– Наставник! – сказал он, – нам повезло! Там есть кабачок. Сейчас мы добежим до него и попросим горячего отвара для вас, да заодно разузнаем, есть ли здесь лекарь, и возьмем у него лекарство.

Танский монах приободрился, подстегнул коня и быстро доехал до кабачка, где спешился. Он хотел было войти в помещение, но в дверях увидел пожилую женщину, которая сидела на куче сена и сучила пеньку.

Сунь У-кун подошел, поздоровался с ней и сказал:

– Мы, бедные монахи, идем из восточного государства Тан. Наш наставник, благочестивый Танский монах, названный брат самого императора. Переправляясь через речку, он выпил из нее воды, и теперь у него начались сильные рези в животе.

Женщина почему-то рассмеялась и спросила:

– Из какой же это речки вы пили воду?

– Из той, что к востоку отсюда; вода в ней чистая, прозрачная.

Женщина засмеялась еще громче и проговорила сквозь смех:

– Вот потеха! Ну и потеха! Входите, я сейчас все вам расскажу.

Сунь У-кун подхватил под руку Танского монаха, а Ша-сэн поддержал Чжу Ба-цзе. Оба они с позеленевшими и перекошенными от боли лицами, хватаясь за живот и охая, вошли в убогий кабачок и уселись.

Сунь У-кун взмолился:

– Тетушка! Ты бы хоть сварила немного отвару моему наставнику. Мы отблагодарим тебя за это.

Но женщина и не подумала готовить отвар. Продолжая смеяться, она побежала на задний двор и крикнула:

– Идите сюда, взгляните, что здесь такое!

Громко топая ногами, вошли три женщины, на вид не очень пожилые, которые, увидев Танского монаха, сразу же стали смеяться. Сунь У-кун обозлился, гаркнул на них и так заскрежетал зубами, что те кинулись бежать, сбивая друг друга с ног. Сунь У-кун бросился вперед и задержал старуху, ту самую, которая сидела у дверей.

– Сейчас же готовь отвар, – приказал он, – не то я расправлюсь с тобой.

Женщина затряслась от страха и стала говорить:

– Господин хороший! Отвар не поможет. Отпусти меня, и я все тебе скажу.

Сунь У-кун отпустил женщину, и она начала рассказывать:

– У нас здесь страна женщин. Называется она женское царство Силян. Живут здесь только женщины, мужчин совсем нет. Вот почему мы так рады видеть вас. Не надо было вашему наставнику пить воду из реки. Ведь река эта называется рекой Матери и младенца. За столичным городом нашей страны есть почтовая станция, которую называют Встреча с мужским началом. За воротами станции бьет родник, который называется Родник, отражающий утробу. Обитательницам нашего царства, когда они достигнут двадцати лет, позволено пить воду из реки Матери и младенца. После этого у них сразу же начинает болеть и пухнуть живот. Через три дня они отправляются к роднику и смотрят на свое отражение в воде. Если появляется двойная тень, значит, у них скоро будет ребенок. Ваш наставник попил воды из реки Матери и младенца, стало быть, и у него появился в животе зародыш. На днях ему придется рожать. Посудите сами, разве от этого горячий отвар поможет?

Танский монах, слышавший все, что сказала женщина, страшно испугался и, изменившись в лице, спросил:

– Братья мои! Что же делать, если это на самом деле так?

А Чжу Ба-цзе, корчась от боли, со стоном проговорил:

– О небо! Как же это будет! Откуда плод выйдет? Ведь мы мужчины!

Сунь У-кун смеясь сказал:

– Еще в старину люди говорили: «Когда тыква поспевает, она сама от стебля отваливается!» Настанет время, и где-нибудь меж ребер у вас образуется отверстие, и плод вылезет наружу.

Чжу Ба-цзе стал трястись от страха и поднял неистовый крик от сильного приступа:

– Конец, конец пришел! Умираю, ох, умираю!

Ша-сэн не мог удержаться от смеха и воскликнул:

– Братец мой! Перестань вертеться! А то повредишь себе что-нибудь, и роды будут неправильные. Чего доброго, наживешь себе послеродовую горячку.

Чжу Ба-цзе поверил и еще больше перепугался. Из глаз у него полились слезы, и он, вцепившись в Сунь У-куна, взмолился:

– Братец! Спроси эту бабу, не знает ли она повитух, сноровистых, с легкой рукою. Пусть приведет сюда. Уж очень сильно внутри бьется, да все приступами: это схватки. Должно быть, скоро буду рожать.

Ша-сэн опять засмеялся:

– Братец мой! Раз у тебя схватки, не ерзай, не то повредишь оболочку.

Танский монах громко застонал и обратился к женщине:

– Родная ты моя! Не найдется ли у тебя поблизости врачевательницы. Может, у нее есть снадобье, изгоняющее плод? Я пошлю своих учеников, чтобы они купили. Надо ведь что-нибудь делать.

– Ничего не поможет, – отвечала женщина, – никакое снадобье. Но вот что я вам посоветую. К югу отсюда, если идти по этой улице, будет гора, которая называется Освобождение от мужского начала. В ней есть пещера Гибель младенцев. Когда войдете в нее, увидите родник, Избавляющий от зачатия. Достаточно сделать один глоток, и вы избавитесь от плода. Но сейчас эту воду не так просто достать. В пещере вот уже несколько лет как поселился какой-то праведник, которого величают Истинным отшельником, исполнителем желаний. Пещеру, в которой он живет, называют Скит собора отшельников. Этот отшельник сторожит родник и даром воды не дает. Тот, кому понадобится эта вода, должен дать денег столько, сколько понадобилось бы на устройство свадьбы. Кроме того, отшельника надо угостить бараниной, вином и разными фруктами. Когда все это будет почтительно поднесено ему, он разрешит взять чашечку воды из родника. Но вам, странствующим монахам, это не по карману. Придется вам терпеть и родить младенцев, когда настанет время.

Однако Сунь У-куна рассказ старухи обрадовал, и он спросил ее:

– Тетушка! Далеко ли отсюда до той горы?

– Три тысячи ли, – отвечала женщина.

– Вот и отлично! – воскликнул Сунь У-кун. – Учитель! Теперь вам не о чем беспокоиться. Ждите меня здесь, а я живо доставлю вам воды из этого родника.

Обратившись к Ша-сэну, он добавил:

– А ты, братец, внимательно ухаживай за учителем. Если кто-либо из здешних обитательниц посмеет неучтиво отнестись к нему, пусти в ход прежнее твое средство: изобрази из себя тигра и напугай их как следует.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности. В этот момент женщина протянула Сунь У-куну большую глиняную патру и сказала:

– Отправляйся с этой патрой. Наберешь побольше родниковой воды, чтобы и нам осталось на всякий случай.

Сунь У-кун взял патру, вышел из кабачка и, вспрыгнув на облако, умчался.

Женщина, увидев это чудо, поклонилась вслед улетающему Сунь У-куну и воскликнула:

– О небо! Этот монах умеет летать на облаках!

Затем она вошла в кабачок и позвала насмерть перепуганных женщин. Они все вместе опустились на колени перед Танским монахом, стали отбивать земные поклоны и величали его праведником и верным приверженцем Будды.

О том, как они приготовили пищу и угощали Танского монаха и его спутников, мы рассказывать не будем.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун поднялся ввысь на облаке и вскоре увидел вершину горы. Он зацепился за нее краем облака и стал осматриваться вокруг. Гора была поистине удивительной красоты.

Вот послушайте:

Цветов небывалых на ней распростерся покров,  
Душистые травы ее пеленой устлали,  
Ручьи и потоки со склонов проворно сбегали,  
В себе отражая торжественный строй облаков.  
В ущельях и долах сплошною стеною вставали  
Свиваясь, сплетаясь, упругие стебли лиан,  
И пестрые птицы на все голоса распевали,  
И слышались крики снующих в ветвях обезьян.  
Над самой главой ее стаи гусей пролетали,  
Скрывались под сизою дымкой холмистые дали,  
Спешили олени пугливые на водопой,  
Раскрытыми ширмами горные кряжи стояли,  
И по ветру легкие пряди свои разведали  
Плакучие ивы, собравшись безмолвной толпой...  
На гору подняться неопытный сможет едва ли —  
Лишь сердцем отважный подъем одолеет крутой.  
Немногие гордой вершины ее достигали,  
Гранитных и гладких откосов касались ногой.  
Водой родниковой до блеска отточенный камень  
Красой своей радует взор, словно вспыхнувший пламень.  
Здесь отрока-служку увидишь ты ранней порой,  
Он бродит по рошам, шумящим листвою кудрявой,  
Сбирает отшельникам мудрым целебные травы  
На солнечном склоне и в спящей ложбине сырой.  
Здесь вечером встретишь, идущего горной тропой,  
С вязанкой большой на спине, старика лесоруба;  
Он хворост сухой вместе с сучьями свежими дуба  
Несет к очагу своему, возвращаясь домой.  
Когда же с отвесной вершины ты глянешь окрест —  
Во всю ширину и во всю глубину окаема —  
Поймешь ты тогда, что ни в странствиях дальних, ни дома, —  
Нигде ты не встретишь столь душу чарующих мест.

Великий Мудрец залюбовался прекрасным видом и вдруг заметил небольшую усадьбу на северном склоне горы. До его слуха донесся собачий лай. Сунь У-кун спустился с горы и направился к усадьбе. Чем ближе он подходил к ней, тем больше восхищался красотой пейзажа.

Представь себе, читатель, этот вид:  
Лачуги робко прилепились к скалам,  
Ручей в овраге плещет и журчит,  
Горбатый мостик над ручьем стоит,  
Бредет с полей тихонько люд усталый,  
Лохматые собаки за плетнем  
Уныло лают, охраняя дом...

Вскоре Сунь У-кун подошел к воротам усадьбы и тут, у самого входа, увидел старца, который сидел на круглой циновке, поджав под себя ноги. Великий Мудрец поставил патру

наземь, подошел поближе и вежливо поздоровался. Старец учтиво ответил ему на поклон и спросил:

– Откуда изволили прибыть и по какому делу пожаловали?

– Я – бедный монах, – отвечал Сунь У-кун, – сопровождаю Танского монаха – посланца великого Танского императора, повелителя восточных земель. Этот монах направляется на Запад за священными книгами. И вот сейчас он, по неведению своему, выпил воды из реки Матери и младенца и почувствовал сильную боль в животе. Живот у него вздулся. Местные жители говорят, что в скором времени ему придется рожать и что никакое снадобье не поможет. Однако я узнал, что есть гора, которая называется Освобождение от мужского начала, в горе этой пещера Гибель младенцев, а в пещере – родник, Избавляющий от плода. Вот почему я и явился на эту гору. Мне бы очень хотелось повидаться с хозяином пещеры Истинным отшельником – исполнителем желаний и попросить у него немного водицы из этого родника, чтобы спасти от беды моего наставника. Очень прошу тебя, почтенный старец, указать мне, куда идти.

Старик рассмеялся и сказал:

– Пещера, которую ты ищешь, здесь как раз и находится, только теперь она называется по-другому: «Скит собора отшельников». А я не кто иной как старший ученик и последователь Истинного отшельника – исполнителя желаний. А тебя как звать? Скажи мне, чтобы я мог как следует доложить о твоём прибытии.

Сунь У-кун с важностью отвечал:

– Я старший ученик и последователь моего духовного наставника Танского монаха по прозвищу Трипитака. Зовут меня Сунь У-кун.

– Ну а где твои дары, вино и яства? – спросил старец.

– Я – странствующий монах, – отвечал Сунь У-кун, – откуда же у меня деньги, чтобы подносить подарки?

Старик рассмеялся:

– Я вижу, ты совсем глуп! Мой учитель охраняет воды родника и никому не раздает их даром. Возвращайся скорей и раздобудь дары, тогда я доложу о тебе моему покровителю. Если же не можешь, ступай обратно и забудь думать о водице.

Но Сунь У-кун решительно воспротивился:

– Человеческие чувства сильнее высочайшего указа. Ступай к своему господину и назови ему мое имя. Я уверен, что он благороден и предоставит мне весь родник.

Привратнику ничего не оставалось, как отправиться с докладом.

А Истинный отшельник в это время как раз играл на лютне. Привратник подождал, пока он закончит, после чего подошел к нему и сказал:

– Наставник! Там у ворот стоит какой-то монах, он называет себя последователем и учеником Танского монаха Сюань-цзана и говорит, что зовут его Сунь У-куном. Он хочет просить у тебя воды из родника для своего учителя.

Отшельник вначале слушал его равнодушно, но когда услышал имя Сунь У-куна, так сразу же вскипел гневом и злобой. Порывисто вскочив, он положил лютню, снял с себя простую одежду, облачился в рясу, взял свой чудесный крючок, при помощи которого мог исполнить любое желание, и вышел из ворот скита.

– Где здесь Сунь У-кун? – прозвучал его громкий голос.

Сунь У-кун обернулся и увидел отшельника.

Шапка в блистающих звездах переливалась на нем,  
Так она дивно сверкала, словно горела огнем.  
Был он в пурпурной рясе, из-под которой видны  
Были туфли узорные и бархатные штаны.  
Пояс из самоцветов радугой играл,

Жаркой полосой стан его обвивал.  
Крепко в руке держал он свой волшебный крючок,  
Чье острие шевелилось, как пламени язычок.  
Из-под бровей косматых прямо смотрел в упор,  
Точно у феникса-птицы, яркий и ясный взор.  
Цвет его уст спелый напоминал гранат,  
Зубов его острых, белых виден был ровный ряд.  
Медью и бронзой сияла рыжая борода,  
Словно с лица стекала огненная вода...  
Весь он, от звездной шапки до туфель из алой парчи,  
Казался пронизан светом, словно костер в ночи.  
Он полководца Вэня напоминал собой,  
С виду такой же свирепый, только в одежде иной.

Сунь У-кун сложил руки, поклонился отшельнику и смиренно произнес:

– Я – бедный монах и зовут меня Сунь У-кун.

Отшельник рассмеялся и спросил:

– Скажи по совести, ты настоящий Сунь У-кун или только прикрываешься его именем?

Сунь У-кун обиделся.

– Учитель, – проговорил он, – зачем ты так говоришь? Ты ведь знаешь изречение: «Достойный муж никогда не меняет ни имени, ни фамилии». Как это я, Сунь У-кун, стану выдавать себя за Сунь У-куна?

– А ты меня знаешь? – спросил отшельник.

– С того времени как я вступил на путь Истины, – отвечал Сунь У-кун, – принял закон Будды и пустился в дальний путь, я отделился от своих старых друзей. Но тебя я совсем не знаю. Лишь недавно я услышал от жителей селения, расположенного западнее реки Матери и младенца, что зовут тебя Истинным отшельником – исполнителем желаний.

– У каждого из нас свой путь, – отвечал отшельник. – Я посвятил свою жизнь познанию Истины. Чего же ради ты явился ко мне?

– Я явился к тебе только потому, – молвил Сунь У-кун, – что мой наставник по неведению выпил воды из реки Матери и младенца, после чего в животе у него начались боли и завязался плод. Мне нужно получить у тебя всего лишь чашку родниковой воды, чтобы избавить моего наставника от беды.

Отшельник нахмурился и спросил:

– Верно ли, что твой учитель – Танский монах Сюань-цзан?

– Истинная правда, – отвечал Сунь У-кун.

Тут отшельник заскрежетал зубами и с яростью произнес:

– Не ты ли вместе с твоим учителем как-то повстречался с великим князем по прозвищу Мудрый младенец?

– Да, верно, – отвечал Сунь У-кун, – это прозвище Красного младенца из пещеры Огненных облаков, что у горного потока Высохшей сосны на горе Воплей. А почему ты спрашиваешь о нем?

– Он – мой племянник, – сказал отшельник. – Я ведь прихожусь родным братом князю с головой быка – Нью Мо-вану. Недавно мне передали весть о том, что некий злой обидчик Сунь У-кун, последователь и старший ученик Танского монаха, погубил моего племянника. Я не знал, где мне найти тебя и отомстить за него. Но вот ты сам ко мне явился, да еще требуешь воды!

– Вы заблуждаетесь, – проговорил Сунь У-кун сквозь смех, а затем перешел на фамильный тон: – Мы с твоим почтенным братом большие друзья. Мало того, в дни моей юности

я побратался с ним и признал его своим седьмым братом. Ты прости, что я ни разу не засвидетельствовал тебе своего почтения. Я просто не знал, где ты живешь. Могу тебя обрадовать: твой уважаемый племянник ныне находится в услужении у бодисатвы Гуаньинь и получил прозвище Шаньцай. Нам теперь не дотянуться до него, так в чем же ты меня обвиняешь?

– Замолчи, негодная обезьяна! – крикнул отшельник. – Ты еще зубы мне заговариваешь своими хитрыми речами! Что, по- твоему, лучше: быть на положении раба в чьем-то услужении или быть князем в своих владениях? Негодяй ты! Вот я сейчас хвачу тебя своим крючком!

Но Великий Мудрец Сунь У-кун отразил удар своим посохом и продолжал примирительным тоном:

– Учитель! Зачем затевать драку? Дай мне набрать родниковой воды, и мы разойдемся подобру-поздорову.

– Вот еще чего захотел! Я тебе так всыплю, что своих не узнаешь! Выходи! Если устоишь против меня в трех схватках, то, так и быть, получишь воды. А нет, так я тебя всего изрублю на мелкие кусочки и хоть этим отомщу за своего племянника.

Тут Сунь У-кун вышел из себя и, ругая отшельника последними словами, крикнул:

– Ну, держись, негодяй, сейчас я с тобой разделаюсь, костей не соберешь. Гляди, какой у меня посох!

Отшельник замахнулся своим волшебным крючком, послушным всем его желаниям, и вот у Скита собора отшельников разгорелся бой. Что это был за бой!

Праведный Танский монах испил по ошибке воды,  
От коей в утробе его завязался бесовский плод.  
Страшный зародыш во чреве его растет,  
Как же избавиться праведнику от беды?  
Спутнику своему помочь Сунь У-кун решил:  
К отшельнику за советом доверчиво он пошел,  
Не зная, что тот отшельник оборотнем был:  
Целебную воду он ревниво от всех хранил,  
Чтоб страждущий никогда к ней доступа не нашел.  
Если вначале учтиво повел Сунь У-кун разговор,  
То вскоре он понял, какой пред ним собеседник стоял,  
Гнев на волшебника злого тогда Сунь У-куна объял —  
Оба противника тотчас вступили в жестокий спор:  
Один за наставника жаждой отмщенья пылал,  
Другой за племянника тут же врага проучить хотел.  
Каждый из них был властен, телом силен и смел,  
Каждый из них в сраженьях одни лишь победы знал.  
Оборотень-отшельник не выпускал из рук  
Свой, скорпиону подобный, остро отточенный крюк,  
Но Сунь У-кун, железной палицей вооружен,  
Грозным видом отшельника не был ничуть уstraшен,  
И, размахнувшись, с силой удар он нанес ему вдруг.  
Тут борьба разыгралась невиданная досель,  
Встретились в поединке быстрый посох и крюк!  
Крюк в руке чародея сделал стремительный круг,  
Как ядовитая гадина, жалит и жалит вновь,  
Палица безотказная бьет, попадая в цель,  
С каждым ее ударом враг проливает кровь.  
Жизни своей решили противники не жалеть,

Жизни чужой решили противники не щадить.  
Оборотень тщится недруга победить,  
Царь обезьян старается недруга одолеть.

Противники схватывались уже раз двадцать, и отшельник, наконец, почувствовал, что ему не одолеть Сунь У-куна. Тут наш Великий Мудрец еще больше распалился и стал еще ожесточеннее бить отшельника посохом. Удары сыпались градом. Наконец отшельник обессилен и, волоча за собою волшебный крючок, бросился бежать.

Сунь У-кун не стал его преследовать, а устремился в пещеру, чтобы добыть чудодейственной воды. Однако оказалось, что вход в пещеру наглухо закрыт. Великий Мудрец не растерялся: держа в руках патру, он напряг все силы, ударом ноги вышиб дверь и вошел внутрь пещеры. Каково же было его изумление, когда он увидел отшельника, притаившегося за решеткой у самого родника. Сунь У-кун окликнул его и замахнулся посохом, но отшельник успел отскочить и скрылся в глубине пещеры. Сунь У-кун нашел бадью и собрался было спустить ее вниз, чтобы зачерпнуть воды, но в этот миг перед ним опять появился отшельник, который взмахнул своим крючком, зацепил Сунь У-куна за ногу и бросил его наземь. Сунь У-кун ушиб челюсть, однако, преодолевая боль, приподнялся с земли и нацелился в отшельника посохом, но промахнулся. Тот успел отскочить в сторону и, потрясая своим крючком, воскликнул:

– Посмотрим, удастся ли тебе зачерпнуть воды!

– Подойди, подойди, – крикнул Сунь У-кун. – Я тебя, негодяя, забью до смерти!

Но отшельник и не думал подходить, он только старался всячески помешать Сунь У-куну набрать воды из родника. Великий Мудрец, не сводя глаз с противника, держал посох наготове, а свободной правой рукой пытался спустить бадью вниз. Отшельник уже в который раз пускал в ход свой крючок. Сунь У-кун увидел, что одной рукой ему не справиться. Отшельник ловким ударом крючка опять зацепил его за ногу и протащил по земле, причем бадья и веревка сорвались с ворота и упали в родник.

Поднимаясь с земли, Сунь У-кун стал еще больше браниться:

– Вот негодяй! Мерзавец!

Вращая посох обеими руками, он стал наносить удары куда попало. Но отшельник успел скрыться и не показывался. Сунь У-кун опять собрался было доставать воду, но бадья уже утонула, и он не знал, как быть. К тому же он опасался, что отшельник опять появится и начнет ловить его своим крючком.

– Придется сходить за подмогой, – решил Сунь У-кун.

Он выбежал из пещеры и вскочил на облако, которое быстро доставило его к околице того селения, где остался Танский монах с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном.

– Ша-сэн! – громко позвал Сунь У-кун.

Между тем Танский монах стонал от нестерпимой боли, Чжу Ба-цзе тоже мучился. Услышав голос Сунь У-куна, они обрадовались.

– Ша-сэн! Ша-сэн! Выходи скорей! Сунь У-кун вернулся! – кричали они.

Ша-сэн поспешно побежал к околице навстречу Сунь У-куну:

– Ну как, братец? Достал чудодейственной воды?

Сунь У-кун, не отвечая ему, пошел к Танскому монаху и рассказал ему все, что было. Танский монах выслушал, и слезы потекли у него из глаз.

– Братья мои! – проговорил он сквозь слезы, – что же будет?

– Я решил взять с собой Ша-сэна, – сказал Сунь У-кун. – Пока я буду драться с этим негодяем, Ша-сэн сможет набрать воды и доставить ее сюда.

– Если вы покинете нас, больных, – проговорил Танский монах, – кто будет ухаживать за нами, кто защитит нас?

Хозяйка, находившаяся тут же, сказала:

– Почтенный архат, праведный последователь Будды! Ты не беспокойся. Тебе твои ученики не понадобятся: я позабочусь о вас обоих. Как только ты появился у нас, мы сразу же прониклись чувством любви к тебе. А когда увидели, что твой ученик обладает способностью летать на облаках, поняли, что ты настоящий бодисатва. Уверю тебя, что здесь никто не посмеет причинить ни тебе, ни твоим ученикам никакого зла.

Тут Сунь У-кун не сдержался и фыркнул:

– Разве бабы могут кого-нибудь обидеть?

Женщина еще приветливее улыбнулась и проговорила:

– А вам все же повезло, что вы ко мне пришли! Если бы попали в соседний дом, вам бы несдобровать!

Чжу Ба-цзе, преодолевая боль, переспросил ее:

– Несдобровать? Что это значит?

– В нашем доме, – отвечала женщина, – наберется пять едоков, но все они уже в годах, пожилые. Мы уже не помышляем о тех усадбах, которые совершаются при легком ветерке и сиянии луны. Вот почему никто из нас не станет посягать на вас. Но если бы вы остановились в соседнем доме, где живет много женщин самых различных возрастов, я уверена, что ни одна из тех, что помоложе, не оставила бы вас в покое! А в случае отказа с вашей стороны, вам стали бы мстить и погубили бы вас, содрали бы с вас мясо, а из вашей кожи сделали бы себе ладанки для благовоний.

– Меня бы они не тронули, – сказал Чжу Ба-цзе. – У иных кожа, может, и годится для ароматических ладанок, а ведь я из породы свиней, – как ни счищай кожу, от сала все равно будет пахнуть.

Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним.

– А ты не хвастайся, – сказал он, – не трать зря силы. Побереги их до родов.

Женщина вмешалась в их разговор и сказала решительным тоном:

– Не надо мешкать, а то поздно будет! побыстрее отправляйтесь и принесите воды!

– Есть ли у тебя в доме бадья? – спросил Сунь У-кун. – Одолжи, пожалуйста!

Женщина поспешила во внутреннее помещение и вскоре вернулась с бадьей в руках.

Кроме того, она дала еще длинную веревку.

Ша-сэн забрал бадью и веревку и сказал:

– Дай еще одну, а то боюсь, что колодец глубокий и одной веревки не хватит.

Женщина принесла еще веревку. После этого Сунь У-кун вместе с Ша-сэном вскочили на облако и отправились в путь. Не прошло и часа, как они прилетели к горе Освобождение от мужского начала. Прижав книзу один конец облака, они опустились прямо у входа в скит.

– Возьми бадью и веревки, – приказал Сунь У-кун Ша-сэну, – спрячься в сторонке где-нибудь поблизости и жди, пока я затею бой с этим отшельником. Когда же увидишь, что бой в самом разгаре, беги в пещеру, набери воды и сейчас же возвращайся.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности. Подняв посох над головой, Сунь У-кун приблизился ко входу в пещеру и громко крикнул:

– Отворяй! Отворяй!

Увидев Сунь У-куна, привратник бросился к своему господину.

– Наставник! – испуганно сказал он. – Сунь У-кун опять явился.

Отшельник пришел в неопределимую ярость.

– Негодный Царь обезьян! Давно я слышал о его могуществе, а сейчас убедился в том, что правду о нем говорят. Против его посоха поистине трудно устоять.

Привратник стал успокаивать отшельника:

– Наставник мой! Да и ты по могуществу не уступишь ему. Ты вполне достойный соперник!

– Молчи лучше! – прервал его отшельник. – Ведь он оба раза выиграл битву.

– Ну и что же? Это лишь потому, что он свиреп. Зато ты дважды сбивал его с ног своим волшебным крючком, когда он пытался доставать воду. Вот и выходит, что силы у вас равны. Ведь он так и ушел ни с чем. А теперь пришлось, видно, ему затаить обиду и явиться на поклон, потому что плод созрел и Танский монах не в силах больше выносить мучений. Уверю тебя, что он обманет надежды своего наставника и ты выйдешь на сей раз победителем!

Эти слова обрадовали отшельника; он почувствовал прилив сил, какой бывает при наступлении весны. Распрявившись и приняв грозный вид, отшельник выставил вперед свой волшебный крючок, вышел за ворота и крикнул:

– Ах ты, подлая обезьяна! Зачем ты снова явилась сюда? Что тебе надо?

Сунь У-кун коротко ответил:

– Я явился лишь затем, чтобы взять воды, – больше ничего мне не надо.

– Разве ты не знаешь, что я хозяин родника? – отвечал отшельник. – Даже самому императору и его сановникам, если они не попросят как следует и не предложат подарков, яств и вина, я не дам ни капли воды. А уж тебе, моему врагу, да еще явившемуся сюда с пустыми руками, я и подавно ничего не дам.

– Значит, не дашь? – спросил Великий Мудрец ледяным тоном.

– Не дам! Ни за что не дам, – решительно произнес отшельник.

Сунь У-кун крепко выругался и добавил:

– Не дашь воды, так я угощу тебя своим посохом.

С этими словами Сунь У-кун бросился на отшельника, – куда девался его важный вид, – и, ни слова не говоря, изо всех сил стал колотить своим посохом, стараясь угодить отшельнику в голову. Но тот все же успел отскочить в сторону и поспешно пустил в ход свой крючок. На этот раз произошел еще более яростный бой. Вот послушайте:

Тот, что с железным посохом, ястребом напал,  
Тот, что с крюком волшебным, коршуном налетал.  
Был одному племянник, другому – наставник мил,  
Один за друга сражался, другой – за родича мстил.  
Ненавистью объята, злобой опалены,  
Оба противника были в гневе своем страшны.  
Прах из-под ног их вился, дымным столбом вставал,  
Черной тучей клубился и небосвод закрывал.  
Мраком ночным оделась Западная сторона:  
Спрятало солнце лик свой и не взошла луна.  
Только сильнейший может слабого победить,  
Только слабейший может сильному уступить.  
Как же достичь победы, ежели силы равны,  
Если единой мощью соперники наделены?  
Яростью ослепленный, один кидается в бой,  
Хитрость свою и ловкость зовет на помощь другой...  
Но не отступит сила перед ловкостью ни на шаг,  
И головы не склонит перед противником враг.  
Шуму борьбы внимая, замерло все вокруг,  
Колотит тяжелый посох, жалит проворный крюк!  
Клики бойцов подобны звукам медной трубы,  
Ветер от их дыханья валит в лесу дубы,  
Эхо грохочет в скалах, гром гремит в горах,  
Духов тоска терзает, демонов гложет страх...  
Злое безумство боя высится до небес,

Заполонив только собою тысячи ли окрест...  
В каждом ударе силы черпает Сунь У-кун,  
Но от него в упорстве не отстает колдун!  
Верит ли чарам черным борющийся злодей,  
Или таит тревогу в черной душе своей?  
Коль не на жизнь, а на смерть ведут противники бой,  
Должен один погибнуть, торжествовать другой.  
Кто же у них сумеет жизнь свою уберечь?  
Кому же из них придется в землю сырую лечь?

Прыгая и притопывая, противники все дальше и дальше отступали от входа в пещеру, и теперь уже бились на склоне горы, где мы их пока и оставим.

Между тем Ша-сэн с бадьей и веревками шмыгнул в дверь, но ему преградил дорогу к роднику привратник.

– Ты кто такой? – закричал он. – Кто позволил тебе войти сюда и брать воду?

Ша-сэн поставил бадью с веревкой наземь, достал посох, укрощающий злых бесов, и, не говоря ни слова, стал бить привратника по голове. Тот не успел увернуться и повалился на землю с перебитым левым плечом, катаясь от боли. Тогда Ша-сэн стал бранить его:

– Я бы мог забить тебя до смерти, – орал он, – но шажу лишь потому, что ты имеешь человеческий облик; убирайся отсюда и не мешай мне: я хочу достать воды из родника!

Привратник пополз в глубь пещеры, причитая и охая от боли. А Ша-сэн тем временем опустил бадью в родник и, зачерпнув воды до краев, вышел из пещеры и вскочил на облако. Пролетая мимо сражающегося Сунь У-куна, он крикнул ему:

– Братец! Пощади его! Я достал воды.

Сунь У-кун услышал и, отразив посохом удар волшебного крючка, сказал отшельнику:

– Я готов биться с тобой не на жизнь, а на смерть, но ты ведь ни в чем не провинился передо мною, и, кроме того, я пощажу тебя ради твоего брата – Князя с головой быка. Первый раз, когда я пришел сюда, ты дважды своим волшебным крючком помешал мне набрать воды. Зато теперь я тебя перехитрил, выманил из пещеры, как охотник выманивает тигра из логова. Пока мы с тобой бились, один из учеников моего наставника успел проникнуть в пещеру и набрать воды. Будь уверен, что если бы я обратил все свое волшебство против тебя, то будь ты не один, а десять таких, как ты, чародеев-отшельников, все равно всех бы вас забил до смерти. Но, право, я лучше сохраню тебе жизнь. Живи, сколько тебе суждено, но, смотри, не смей больше поступать так с теми, кто будет просить у тебя чудодейственной воды.

Однако чародей-отшельник не отличал добра от зла. Он продолжал махать крючком, а затем неожиданно хлестнул Сунь-У-куна крючком по ногам. Но тот успел подскочить и бросился на отшельника с криком: «Стой! Не уйдешь!» Не успел чародей опомниться, как Сунь У-кун одним ударом сшиб его с ног. Тогда Великий Мудрец вырвал у него волшебный крючок, разломал его пополам, а затем еще раз на четыре части. Швырнув их наземь, он закричал на отшельника:

– Скотина ты этакая! Будешь еще безобразничать?

Дрожа от страха и невозмогая стыд, отшельник молчал. Тогда Сунь У-кун громко расхохотался, вскочил на облако и улетел. О том, что произошло, сложены стихи:

Пусть будешь ты трудиться без конца,  
Не выплавить тебе чистейшего свинца,  
Коль настоящей не возьмешь воды.  
Фруктов не принесут твои труды.  
Не испарится ртуть блестящая бесследно,

Коль настоящей не найдешь воды  
И не добавишь в сплав в количестве потребном.  
Не обладают материнским свойством  
Свинец тяжелый и живая ртуть,  
Но киноварь таит бессмертья суть  
В своем чудесном и таинственном устройстве.  
Напрасно принял небывалый плод  
В утробе мужеской обличие людское,  
Окажет мать-земля содействие благое  
И снадобья в себе целебные найдет.  
Мудрец свое исполнил назначение:  
В коварных помыслах, делах удостоверясь,  
Он растоптал злокозненную ересь,  
Установил основы верного ученья.

На благодатном луче Великий Мудрец быстро догнал Ша-сэна. Радостные и довольные тем, что удалось раздобыть чудодейственной воды, они вернулись в селение и на облаке спустились вниз.

Чжу Ба-цзе с нетерпением ожидал их, прислонившись к притолке. Он громко стонал. Живот его стал еще огромнее. Сунь У-кун подкрался к нему и спросил:

– Ну, когда тебе родить, Дурень?

Чжу Ба-цзе вздрогнул от неожиданности.

– Не надо так шутить, брат мой, – проговорил он. – Принес водицы?

Сунь У-кун хотел было еще посмеяться над Дурнем, но тут подошел Ша-сэн:

– Принесли воду, принесли! – со смехом возвестил он.

Танский монах, преодолевая боль, принялся благодарить:

– Сколько хлопот я причинил вам, братья мои, – говорил он, извиняясь.

Женщины тоже обрадовались и, не переставая кланяться, говорили:

– О бодисатва! Вот уж поистине редко встретишь таких людей!

Одна из женщин поспешно достала маленькую фарфоровую чашечку с рисунками, зачерпнула полчашечки воды и подала Танскому монаху.

– Возьми, почтенный наставник! – проговорила она. – Пей потихоньку: как только допьешь, так сразу же плод растворится.

Чжу Ба-цзе перебил ее:

– Что мне чашечка, давайте всю бадью, я разом выпью.

– Ты что? – всполошилась женщина. – Разве можно? Ты меня до смерти перепугал! Ведь если выпить целую бадью, то все нутро и кишки растворятся.

Чжу Ба-цзе испугался и перестал шуметь, скромно испив полчашечки чудодейственной воды.

Прошло времени ровно столько, сколько требуется, чтобы съесть плоскую горячую пищу, и животы у обоих стало сводить от боли. Послышалось громкое урчание, раза три, а то и больше. После этого Чжу Ба-цзе не удержался, и у него полило и спереди и сзади. Танский монах собрался было удалиться в укромное место, но Сунь У-кун остановил его:

– Наставник! Не выходи на двор, не то тебя ветром продует и схватишь послеродовую горячку.

Женщина поспешно принесла два чистых ведра и предложила обоим воспользоваться ими для своих нужд.

Прошло немного времени, обоих пронесло по нескольку раз, и тогда лишь боль утихла, а животы опали.

Женщина сварила жидкий рисовый отвар и дала больным поесть.

– Тетушка! – сказал Чжу Ба-цзе. – Я совершенно здоров, и мне этот отвар ни к чему. Ты лучше согрей воды и дай мне обмыться, а то стыдно садиться к столу в таком виде.

Тут Ша-сэн начал отговаривать его:

– Брат мой! Нельзя тебе мыться. В течение месяца после родов не следует мочить тело, а то можно заболеть.

Чжу Ба-цзе стал возражать:

– Да разве это роды? Просто выкидыш, – говорил он, – чего там бояться? Хоть бы грязь смыть.

Тем временем женщина согрела воды и обмыла обоим пострадавшим руки и ноги. После этого Танский монах выпил две чашечки рисового отвара, а Чжу Ба-цзе одним духом проглотил ложек десять, а то и больше, и все просил прибавки. Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним:

– Нечего тебе объедаться, обжора ты этакий! Меньше ешь, а то опять у тебя брюхо станет похожим на мешок с песком!

Однако Чжу Ба-цзе не обращал внимания.

– Ничего, ничего! – говорил он, уплетая за обе щеки. – Чего мне бояться, я ведь не свинья-матка!

Женщины снова принялись застряпню.

Пожилая женщина обратилась к Танскому монаху:

– Почтенный наставник! – вежливо произнесла она, – подари нам оставшуюся чудодейственную воду.

Сунь У-кун не удержался и снова пошутил:

– Эй, Дурень! Будешь еще пить воду? – крикнул он Чжу Ба-цзе.

– А зачем? – отозвался тот. – У меня живот больше не болит, думаю, что и плода не осталось. Теперь уж все прошло, и вода не нужна.

– Ну, раз так, – сказал Сунь У-кун, обращаясь к женщинам, – дарю вам эту целебную воду.

Пожилая женщина поблагодарила Сунь У-куна и, перелив оставшуюся воду в глиняный чан, закопала его в землю на заднем дворе.

– Теперь этой воды нам хватит до конца жизни, – сообщила она своим подругам, и все они возликовали.

Когда еда поспела, женщины накрыли на стол и пригласили Танского монаха и его учеников покушать. После трапезы все отправились на отдых.

На другой день, как только рассвело, наставник и его ученики отблагодарили гостеприимных женщин и покинули селение. Сюань-цзан взобрался на белого коня, которого вел под уздцы Чжу Ба-цзе, Ша-сэн взвалил на спину поклажу, а Великий Мудрец Сунь У-кун шел впереди, указывая путь.

Очищены от ереси словесной,  
Избавлены от мерзости телесной,  
От гнусного плода освободив утробу,  
Отбросив суету, волнение и тревогу,  
Вновь следуют они своей дорогой...

О том, не приключилось ли с нашими путниками еще чего-нибудь в женском царстве, вы узнаете, прочитав следующую главу.

## **Глава пятьдесят четвертая, в которой рассказывается о том, как праведный монах попал в столицу женского царства, и о том, какмышленная обезьяна придумала избавление от женских соблазнов**

Итак, мы рассказали вам о том, что Танский монах и его спутники покинули гостеприимное селение и направились на Запад. Не прошли они и сорока ли, как достигли пределов столицы женского царства Силян. Танский монах, ехавший верхом, первый увидел городские стены и, указывая на них, обратился к Сунь У-куну:

– Мы приближаемся к городу, – сказал он. – Уже отсюда слышно, какой он шумный. Видимо, это главный город женского царства Силян. Будьте начеку и ведите себя по всем правилам приличия. Ни в коем случае не допускайте разнузданности и легкомыслия, чтобы не уронить своего монашеского достоинства.

Все трое обещали строго соблюдать его приказание.

Вскоре они прибыли к восточной заставе города. Все, кто попадался им на пути, были в длинных юбках и коротких кофтах, с напудренными лицами и напوماженными волосами. Вскоре они убедились, что здесь и старые и малые – все поголовно женщины. По обеим сторонам улицы шла бойкая торговля на лотках. Завидев проходивших мимо четверых монахов, и торговки, и покупательницы разом захлопали в ладоши и стали весело кричать:

– Людское семя явилось! Людское семя явилось!

Эти крики всполошили Танского монаха, который протискивался сквозь толпу. Но не тут-то было. Женщины запрудили всю улицу. Кругом раздавались веселые голоса, смех, шутки. Чжу Ба-цзе стал зычным голосом кричать, чтобы рассеять толпу.

– Продается свинья! Продается свинья! Я и есть свинья, которая продается!

Сунь У-кун остановил его:

– Братец! Перестань молотить чепуху. Лучше покажи им свою настоящую рожу да напугай их.

Чжу Ба-цзе два раза мотнул головой, поставил торчком свои уши, огромные, как листья лопуха, зачмокал своими вытянутыми губами, величиной с листья лотоса, и так страшно захрюкал, что женщины от страха шарахнулись в сторону, а некоторые даже попадали на землю и поползли.

Вот вам, читатель, стихи, которые подтверждают наш рассказ:

Долгий и трудный путь, которым праведник шел,  
В дивное царство Силян его наконец привел.  
Что же за чудо-чудное встретил он в царстве том?  
То, что мужчин там не было, – один только женский пол!  
Люди, что жили в хижинах, что населяли дворцы,  
Будь то правители, воины, ремесленники иль купцы, —  
Все были рода женского, все – в нарядах цветных,  
В юбках ходили каменщики, пахари и кузнецы!  
Бабочкам пестрым подобные в нежной своей красе,  
Высыпали на улицу жительницы все:  
Верно, пали бы путники жертвою женских чар,  
Если б не облик пугающий, принятый Чжу Ба-цзе!

Испуганные женщины больше не осмеливались приближаться к путникам и лишь издали наблюдали за ними. От страха одни из них щипали руки и терли бока, другие трясли головой или кусали ногти. Они стояли плотными шеренгами по краям улицы, преисполненные страха и трепета, и не сводили любопытных глаз с Танского монаха.

Сунь У-кун тоже принял безобразный облик и, пугая женщин, пробивал дорогу в толпе. Ша-сэн превратился в тигра и поддерживал своих спутников. Чжу Ба-цзе, ведя за собой коня, выпятил морду и хлопал ушами. Так наши странники двигались вперед, как вдруг увидели ровный ряд домов. То были торговые ряды, лабазы с солью и крупой, там же находились чайные и питейные заведения, таможня со сторожевой вышкой, где били в барабаны и трубили в рога, склады для товаров, беседки, украшенные флагами, постоянные дворы с расшитыми занавесками на раскрытых дверях.

Наставник и его ученики завернули за угол, но им неожиданно преградила путь какая-то женщина-чиновник, которая властным тоном сказала:

– Путникам из дальних стран не дозволяется самовольно входить в городские ворота. Пожалуйста в помещение почтового стана, где ваши имена запишут в книги, доложат о вашем прибытии государыне, проверят ваше дорожное свидетельство и тогда только разрешат дальнейший путь.

Танский монах слез с коня и стал осматривать все вокруг. Он увидел здание ямыня, над воротами которого висела большая доска с надписью: «Почтовая станция Встреча с мужским началом».

– Гляди-ка, Сунь У-кун! – сказал он. – А ведь женщины сказали нам сущую правду. Оказывается, что такая станция действительно есть.

Ша-сэн засмеялся.

– Ну-ка, Чжу Ба-цзе! – проговорил он сквозь смех, – пойди поищи родник Отражающий утробу и посмотришь в него. Не появится ли от тебя двойная тень?

– Полно тебе дурачиться, – огрызнулся Чжу Ба-цзе, – после того как я выпил чудодейственной воды, меня так прочистило, что от плода и духу не осталось. Чего же мне смотреть в родник?

Танский монах одернул Чжу Ба-цзе:

– Будь осторожен в словах.

Затем, сделав шаг вперед, Танский монах поклонился женщине-чиновнику, которая сразу же провела путников в парадное помещение, усадила их там и велела подать им чаю.

В ожидании чая путники с интересом разглядывали служительниц с длинными косами, в кофточках и юбках. Подавальщицы чая со смехом поднесли фарфоровые чашечки. После того как путники напились чаю, женщина-чиновник стала спрашивать их:

– Вы откуда путь держите?

Сунь У-кун отвечал:

– Мы – посланцы из восточных земель, и послал нас император великого царства Тан. Направляемся мы на Запад – поклониться Будде и попросить у него священные книги. Нас ведет духовный наставник наш, Танский монах Сюань-цзан, названный брат самого императора. Я – его старший ученик и последователь. Зовут меня Сунь У-кун. А эти двое – тоже ученики и последователи наставника. Одного зовут Чжу Ба-цзе, а другого – Ша-сэн. С нами еще белый конь, так что всего нас пятеро. Проходное свидетельство у нас при себе. Вот прошу ознакомиться, проверить и пропустить нас.

Женщина-чиновник записала в книгу все, что ей сообщил Сунь У-кун, а затем поднялась со своего места, сошла вниз и совершила земной поклон.

– О уважаемый сударь! Прошу прощения за мою вину, – молвила она. – Я смотрительница почтовой станции Встреча с мужским началом, мне надо было выйти навстречу вам,

нашему почетному гостю, и воздать должны почести, но я не знала, что вы из великого государства.

Закончив церемонию приветствия, она поднялась с земли и велела своим прислужницам немедленно приготовить самое изысканное угощение. Затем, обращаясь к путникам, сказала:

– Многоуважаемые гости! Прошу вас чувствовать себя здесь как дома. Я ненадолго покину вас и доложу о вашем прибытии своей повелительнице – государыне царства Силян, чтобы вам немедленно обменяли проходное свидетельство и вы смогли бы продолжать свой путь.

Танский монах поблагодарил женщину за внимание, и они расселись, ожидая ответа. Здесь мы пока расстанемся с ними.

Смотрительница почтовой станции оправила свои одежды и головной убор, вошла в город и остановилась у высокого здания, носившего название «Терем пяти фениксов». Подойдя к старшему из евнухов, охранявших ворота, она сказала ему:

– Я смотрительница почтовой станции Встреча с мужским началом, мне нужно доложить государыне о важном деле.

Евнух тотчас же отправился с докладом. Царица повелела впустить смотрительницу в свои покои.

– С каким делом ты явилась ко мне? – спросила государыня.

– Твоя нижайшая служанка – смотрительница почтовой станции только что приняла названного брата императора Танского государства из восточных земель праведного монаха Сюань-цзана с тремя учениками его: Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе Ша-сэном. Есть у них еще конь, всех их пятеро. Они направляются на Запад к Будде за священными книгами. Вот я и пришла спросить тебя, моя повелительница, можно ли обменять им проходное свидетельство и разрешить следовать дальше.

Услышав это сообщение, государыня очень обрадовалась и обратилась к своей свите, состоящей из военных и гражданских чинов женского пола.

– Послушайте! Мне ночью приснился сон, будто моя золотая ширма вдруг стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. Несомненно, все это было счастливое предзнаменование на сегодняшний день.

Стоявшие у ее трона военные и гражданские чины отвесили низкий поклон, и кто-то из них спросил:

– О повелительница наша! Поведай нам, почему ты решила, что твой сон служит счастливым предзнаменованием на сегодняшний день?

– К нам прибыл мужчина из восточных земель, названный брат императора государства Тан. В наше царство со дня сотворения мира, когда первоначальный хаос впервые разделился на небо и землю, ни разу еще не приходил мужчина. А сколько уже прошло веков! И вот сегодня явился названный брат Танского императора. Не иначе как само небо послало его нам в дар. Я готова отдать ему все богатства моего царства, только бы он согласился стать нашим государем. Я с радостью уступлю ему бразды правления и буду только его женой – государыней. Мы соединимся с ним брачными узами, я стану рожать ему детей, которые навеки будут наследовать наше царство. Ну, посудите сами, разве не таково было счастливое предзнаменование на сегодняшний день?

Все чины – и военные и гражданские – пришли в неописуемую радость и стали бурно выражать свой восторг.

Затем смотрительница почтовой станции снова обратилась к государыне:

– О повелительница! Твое мудрое решение сулит благо на многие лета твоему царственному дому, – сказала она. – Но как быть с тремя спутниками твоего избранника? Уж очень они безобразны на вид, совсем не подходят для твоего двора.

– Чем же они безобразны? – заинтересовалась государыня. – Ну-ка, опиши мне наружность каждого из них, начиная с наставника, названного брата Танского императора!

– У Танского монаха очень величественный вид, – начала смотрительница, – он обладает прекрасными манерами, храбр и мужествен. Он настоящий мужчина, такой, каким должен быть подданный Серединного цветущего государства, находящегося на большом материке Джамбудвипа, к югу от горы Сумеру. Но ученики его, их трое, ужасны на вид – сушие дьяволы.

– В таком случае, – сказала государыня, – почему бы их не разделить? Выдать троим подорожную, пусть отправляются на Запад, а Танского монаха оставить здесь.

Все чины – и военные и гражданские – снова пришли в восторг. А одна из сановниц обратилась к государыне:

– Твои слова, о повелительница, мудры и справедливы, и все мы готовы выполнить любое твое повеление, но в таком деле без сватовства не обойтись. Еще в древности говорили: «Брачный союз скрепляется красным листком, а новобрачных связывает красным шнурком Подлунный старец».

Государыня, не задумываясь, отвечала:

– Пусть будет по-вашему. Повелеваю старшей придворной советнице и наставнице быть нашей свахой, а смотрительнице почтовой станции Встреча с мужским началом быть распорядительницей на нашей свадьбе. Отправляйтесь на станцию и предложите Танскому монаху Сюань-цзану породниться со мною. Если он согласится, я выеду за городские ворота, чтобы встретить его как жениха.

Старшая советница вместе со смотрительницей почтовой станции тотчас покинули зал и отправились выполнять повеление.

В это время Танский монах и его спутники находились в парадном помещении почтовой станции и с аппетитом закусывали. Вдруг они услышали, что кто-то снаружи доложил:

– Прибыла старшая придворная советница вместе с нашей начальницей!

Танский монах встревожился:

– Чего ради пожаловала сюда придворная советница?

– Не иначе как государыня пожелала пригласить нас к себе, – сказал Чжу Ба-цзе.

– Зачем ей нас приглашать? – вмешался тут Сунь У-кун. – Просто она решила породниться с нами.

Танский монах еще больше встревожился:

– А что, если ты правду говоришь и нас отсюда не выпустят, а заставят жениться, что мы будем делать?

– Если вас будут сватать, – отвечал Сунь У-кун, – соглашайтесь, а я знаю, что делать.

Не успел он договорить, как вошли обе женщины: придворная советница и смотрительница станции. Они низко поклонились Танскому монаху. Тот в свою очередь ответил почтительными поклонами и молвил:

– Я смиренный монах, отрешившийся от мирских сует, не знаю, за какие заслуги удостоен вашим вниманием и выражением столь высокого почтения?

Придворная советница с ног до головы оглядела Танского монаха и нашла, что он очень хорош собой. «Нашему царству действительно повезло! Этот монах вполне годится в мужья нашей государыне», – с радостью подумала она.

Закончив церемониальные поклоны, женщины поднялись с земли и встали по обе стороны Танского монаха.

– Милостивый сударь! Великая радость ожидает тебя! – торжественно произнесли они в один голос.

– Я не мирянин, – с отчаянием в голосе отвечал Сюань-цзан. – Какая же радость может ожидать меня?

Поклонившись в пояс, придворная советница объяснила цель своего прихода:

– Вы находитесь сейчас в женском царстве Силян, в которое еще никогда не заходил ни один мужчина. И вот, наконец, вы, брат Танского императора, со своими спутниками осчастливили нашу страну своим посещением. Я получила повеление явиться к вам и выразить желание моей государыни породниться с вами.

– О, я счастлив! – воскликнул Сюань-цзан. – Я бедный, одинокий монах, и прибыл в эту благодатную страну, сопровождаемый не сыновьями и не дочерьми, а этими тремя упрямыми учениками. Кого же из них удостоит государыня чести быть ее избранником?

– Я – ваша покорная слуга, – отвечала смотрительница почтовой станции, – только что была во дворце и докладывала о вас моей повелительнице. Она, ликуя, поведала нам о том, что ночью ей приснился сон, будто ее золотая ширма стала искриться всеми цветами радуги, а яшмовое зеркало начало излучать яркий свет. И вот, когда она узнала, что вы названный брат императора Серединного цветущего государства, то сразу же изъявила желание отдать вам все свои богатства и стать вашей женой, дабы вы приняли бразды правления и взошли на престол. Ничего, кроме этого, она не желает. Она повелела нашей старшей советнице прибыть сюда в качестве свахи, а мне поручила быть распорядительницей на свадьбе. Теперь вы знаете, какова цель нашего прибытия к вам. Ждем вашего ответа, милостивый государь.

Выслушав все это, Танский монах поник головой и молчал. Старшая советница стала уговаривать его:

– Великий муж! – молвила она. – Вам привалило огромное счастье, и упустить его никак нельзя. Войти в дом зятем дело не хитрое, но получить за это богатства целого государства, такое не с каждым случается. Прошу вас, дайте поскорей свое согласие, чтобы можно было доложить об этом нашей повелительнице.

При этих словах Танский монах просто онемел. Тут Чжу Ба-цзе, стоявший в сторонке, вдруг выпятил свое свиное рыло и заорал:

– Послушай, ты, советница! Ступай скорее к своей государыне и объясни ей, что наш наставник давно уже стал праведником и приверженцем Будды, носящим священное звание архата. Ему не нужны никакие богатства, и ни одна красавица мира не сможет пленить его. Живей выправляйте наше проходное свидетельство и отпустите нашего наставника на Запад, а я охотно останусь здесь и буду мужем государыни. Ну, что скажешь на это?

Советница пришла в ужас и, дрожа от страха, не знала, что отвечать. Смотрительница почтовой станции сказала:

– Ты хотя и мужского пола, но так страшен и безобразен, что наверняка не понравишься нашей государыне.

Чжу Ба-цзе расхохотался и сказал:

– Ты, видно, ничего не смыслишь в превращениях. Слыхала ли ты о том, что «умелый мужик даже из толстой коры ивы сплетет сито, а из тонкой – ведро», кому на свете в голову придет судить о том, красив ли он?

– Дурень! – осадил его Сунь У-кун внушительным тоном, – перестань молотить чепуху. Предоставь нашему наставнику поступить так, как он пожелает. Если он согласен – хорошо, а не согласен – ничего не поделаешь. Не надо задерживать свах.

– Посоветуй же мне, – умоляющим тоном произнес Танский монах, обращаясь к Сунь У-куну, – как быть?

– По-моему, – отвечал Сунь У-кун, – тебе, учитель, здесь будет хорошо. С давних времен говорится: «Те, кого связывают брачные узы, соединятся вместе, хотя бы их разделяло расстояние в тысячу ли». Где еще найдешь такое хорошее место?

– Братья, – с отчаянием в голосе промолвил Танский монах, – а кто же отправится на Запад за священными книгами, если мы останемся здесь, обольщенные богатством и знатно-

стью? Не навлечем ли мы беду на императора Танского государства, который ждет не дожидается нашего возвращения?

– О милостивый сударь мой! – вкрадчивым голосом сказала советница. – Я, ваша ничтожная раба, не осмелюсь скрыть от вас повеления моей государыни. Она хочет породниться именно с вами, названным братом Танского императора. А вашим ученикам она хочет выдать после свадебного пира довольствие и проходное свидетельство, чтобы они могли совершить путешествие на Запад и получить там священные книги.

Услышав это, Сунь У-кун восторженно воскликнул и сказал:

– Высокочтимая советница! Ваши слова поистине справедливы, и нам не следует противиться желанию государыни. Мы охотно оставим нашего наставника в мужья вашей государыне, только поскорей выпишите нам проходное свидетельство, чтобы мы могли продолжать наш путь. Когда мы будем возвращаться со священными книгами, то посетим ваше царство, чтобы засвидетельствовать уважение наставнику и его супруге, а вы дадите нам средства на дорогу, и мы благополучно вернемся в великое Танское государство.

Тут старшая советница и смотрительница станции поклонились Сунь У-куну и сказали в один голос:

– Премного благодарны тебе на добром слове!

Чжу Ба-цзе не удержался:

– Смотри, советница, чтоб не получилось, как говорят: «Блюда с яствами только на словах!» Раз уж мы дали согласие, пусть твоя государыня до свадьбы устроит нам угощение. Что скажешь на это?

Советница очень обрадовалась:

– Все будет, все! – пообещала она. – Я сейчас же устрою вам отличное угощение.

Обе женщины, не помня себя от радости, поспешили во дворец доложить своей повелительнице об успешном завершении дела. Тут мы их пока и оставим и обратимся к нашим путникам.

После того как женщины удалились, Танский монах схватил Сунь У-куна за руку и стал бранить его:

– Погубил ты меня, негодная обезьяна! Как ты посмел говорить такие речи?! Да разве соглашусь я остаться здесь и отпустить вас одних на Запад к Будде? Лучше умереть!

Сунь У-кун принялся его утешать:

– Наставник мой, успокойся! Неужели я мог так о тебе подумать? Но раз уж мы попали в такую страну, придется отвечать хитростью на хитрость.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Танский монах.

– А вот что, – отвечал Сунь У-кун. – Если ты сейчас откажешь им, нам не выдадут проходного свидетельства и не выпустят отсюда. Не следует вызывать в них злобу и ненависть, не то они убьют тебя, сдерут кожу и наделают себе из нее ладанок для благовоний. А разве сможем мы ответить на подобное злодеяние добром? Конечно, нет. Мы тут же обратим против них наши чары, покоряющие демонов и разгоняющие бесовское наваждение. Ты ведь знаешь, учитель, что мы действуем очень грубо, пускаем в ход смертоносное оружие, от которого нежные обитательницы этого царства наверняка погибнут все до единой. А ведь они люди, а не черти и не оборотни; ты, всегда отличавшийся стремлением к добру и состраданием к людям, за всю дорогу не обидел даже букашки. А тут придется загубить несметное количество людей, ведь твое доброе сердце не стерпит этого! Да и поистине это будет огромным злодеянием.

Танский монах выслушал и сказал:

– Ты совершенно прав. Боюсь только, как бы царица не завлекла меня к себе и не заставила совершить супружеский обряд. Разве могу я лишиться своего целомудрия и опорочить духовный сан буддийского монаха? Ведь этим я уроню достоинство всех верующих!

Сунь У-кун отвечал ему так:

– Узнав о твоем согласии на брак, государыня непременно окажет тебе царские почести и выедет за городские ворота, чтобы достойно встретить тебя. Сядь с ней рядом в ее колесницу и поезжай во дворец, там войди в тронный зал и садись на трон лицом к югу. Затем попроси государыню принести государственную печать и впусти в тронный зал нас, поставь печать на нашем подорожном свидетельстве и попроси царицу написать соответствующую бумагу. Эту бумагу пусть государыня собственноручно подпишет и приложит к ней свою личную печать. Затем вели эту бумагу вручить нам. В соседнем помещении прикажи устроить пир в честь встречи с государыней и по случаю нашего отъезда.

После пира вели приготовить регалии и скажи, что хочешь проводить нас за городские ворота, а уже потом предаться супружеским радостям. Это рассеет всякие подозрения. За городом выйди из колесницы и подзови к себе Ша-сэна, пусть поможет тебе взобраться на коня, – вот и все. А я приколдую государыню и всю ее свиту к месту, чтобы мы могли продолжать наш путь на Запад. Через сутки, когда мы будем уже далеко, я сниму с них чары и внушу им, чтобы они спокойно вернулись во дворец. Таким образом, никому не придется расплачиваться жизнью, и, кроме того, ты, учитель, не потеряешь своего целомудрия. Такой план действия называется: «Под видом свадьбы ускользнуть из сетей». Ну, скажи, чем он плох? Тут, как говорится, одним выстрелом можно убить двух зайцев.

Танский монах сразу почувствовал огромное облегчение, словно очнулся после опьянения или кошмара. Обрадованный, он забыл про свои заботы и не переставал повторять:

– Я глубоко признателен тебе за твой мудрый совет.

Затем все четверо, охваченные единым стремлением, стали обсуждать план Сунь У-куна во всех подробностях. Но мы пока оставим их.

Между тем старшая советница и смотрительница почтовой станции примчались во дворец и без доклада прошли прямо в тронный зал. Там, у яшмовых ступеней трона, они преклонили колени и обратились к государыне с такими словами:

– О наша великая повелительница! Твой чудесный сон сбывается. Тебя ждет огромная радость, ты будешь счастлива в супружестве.

Услышав эти слова, государыня поспешно откинула жемчужную занавеску, сошла с трона и звонко рассмеялась; при этом ее вишневый ротик слегка приоткрылся и показались серебристо-белые зубки.

– Ну, поведайте мне, что сказал названный брат Танского императора!

И старшая советница стала рассказывать:

– Когда мы прибыли на станцию, то прежде всего почтили Танского монаха глубоким поклоном, а затем сообщили ему о твоем желании породниться с ним. Он сперва начал было отказываться, но, к счастью, вмешался его старший ученик, который принял нашу сторону и выразил их общее желание оставить здесь своего наставника, чтобы он стал твоим супругом и был провозглашен государем. Он только просил сперва выправить подорожное свидетельство и отправить всех троих учеников на Запад за священными книгами. Он обещал на обратном пути посетить наш дворец и поклониться своему наставнику и тебе, его супруге, а также попросить средства, чтобы возвратиться в великое Танское государство.

Государыня была очень довольна и смеясь спросила:

– А что еще сказал брат Танского императора?

– Ничего больше не говорил, – отвечала советница, – видимо, он не прочь жениться на тебе; а вот второй его ученик прямо заявил, что ему хочется погулять на свадьбе.

Государыня выслушала ее и повелела тотчас же приготовить изысканное угощение, а ей подать парадный выезд для встречи жениха за городскими воротами. Придворные чины – и военные и гражданские – бросились выполнять волю государыни. Одни приводили в порядок помещение, устанавливали помост для пиршества и расставляли яства на столах, другие тем временем готовили парадный выезд. Вскоре все было готово.

И хотя царство Силян было женским царством, представьте себе, читатель, парадный выезд оказался ничуть не хуже, чем в Серединном цветущем государстве.

Вот послушайте:

Подобна драконам шестерка коней —  
Такое они излучают сиянье!  
Супругам достойным отправят на ней  
От фениксов вещей счастливой четы,  
Несущей в себе постоянства черты,  
Благое предзнаменованье.  
Подобная дивным коням неземным  
Шестерка коней везет колесницу,  
В багрянец и пурпур одетый возница  
Волшебной своею упряжкой гордится —  
Такая упряжка под стать молодым!  
Как селезень с уткой<sup>9</sup>, как фениксы-птицы  
В золотой колеснице сидят молодые,  
Навстречу им льются потоки людские,  
Восторгом великим народ обуян...  
Надели красавицы платья цветные,  
Подвески из яшмы, браслеты литые,  
И ножки обули в парчу и сафьян.  
Всем хочется видеть чету новобрачных,  
И каждый поближе пробраться стремится,  
Но прячут супруги в смущении лица:  
Им мало жемчужной завесы прозрачной,  
За веером легким желают укрыться  
От музыки звонкой, от громких речей,  
От кликов, приветствий, от жадных очей!  
Над городом праздничным выются знамена,  
Струится над ним ветерок благовонный  
От дивно цветущих зеленых садов,  
Гирлянды и флаги он тихо колышет  
И в небо уносит все выше и выше  
И звуки свирели и шум голосов.  
Недаром веселья столица полна,  
Недаром народ изумленный ликует —  
Ведь видят впервые здесь свадьбу такую,  
Где вместе присутствуют муж и жена!  
Здесь даже обряда такого не знали,  
Чтоб брачную чару вдвоем распивали!

Прошло не очень много времени, и парадный поезд, выехав из городских ворот, остановился у почтовой станции Встреча с мужским началом. Служительницы примчались к Танскому монаху и его ученикам.

– Государыня прибыла! – доложили они.

---

<sup>9</sup> Селезень с уткой («Юаньян») – символ супружеской верности и любви.

Танский монах и его ученики, услышав эту весть, сейчас же оправили на себе одежды и вышли встретить государыню. Откинув занавеску, государыня вышла из колесницы и спросила старшую советницу:

– Кто же из них названный брат Танского императора?

– Тот, что стоит у входа на станцию, перед столиком, и одет, как благородный господин, – отвечала советница.

Государыня метнула в него взгляд, подобный взгляду феникса, насупила свои роскошные брови, затем снова оглядела его с ног до головы и тогда только убедилась, что перед ней человек незаурядный.

Могло ль не покорить его обличье  
Красавицу? Прекрасные черты,  
Исполненные мужества, величья,  
Спокойной и суровой красоты,  
Влекли к себе и мысли и сердца!  
Взирать была готова без конца  
Прелестная невеста из Силяна  
На свет, идущий от его лица,  
На взлет бровей и на румянец рдяный,  
На алые, пленительные губы,  
На белым серебром сверкающие зубы,  
На ясный блеск его живых очей,  
На темя гладкое, на лоб крутой, широкий —  
Известный признак мудрости глубокой...  
Приятен был и звук и смысл его речей,  
Не менее, чем вид, и юный и пристойный;  
Ее ума и прелести достойный  
Лишь он один под пару будет ей!

Сердце государыни запылало от страсти. Она уже не могла подавить в себе нахлынувшие на нее желания и, приоткрыв свой вишнево-алый ротик, позвала:

– О брат великого Танского императора! Что же ты медлишь, почему не занимаешь свое место в колеснице, чтобы вступить со мною в счастливый брак?

От этих слов Танский монах покраснел до ушей и, испытывая жгучий стыд, не осмеливался поднять голову.

Рядом с ним стоял Чжу Ба-цзе и, выпятив свое свиное рыло, масляными глазками смотрел на государыню, а она и в самом деле была хороша собой. Вот послушайте, какие про нее стихи сложены:

Бровки ее блестят, словно крылышки пташки малой,  
Лоснится кожа ее, будто смазанная салом,  
С персиковым цветком схож ее лик нежно-алый,  
Скрытый, как тучкой луна, узорчатым опахалом,  
Узел тяжелый волос красивым шнурком золотистым  
В три переплета красавица перевязала.  
В узел этот продела бронзовые спицы,  
С шишечками из яшмы, жемчуга и опала,  
Шелк одеянья ее, словно вода, струится.  
Брошена на плечо перевязь цвета коралла.

Голубизна речная в светлых очах таится...  
Может ли с ней Си-ши<sup>10</sup> пленительная сравниться,  
Иль Чжао-цзюнь<sup>11</sup>, прославленная царица,  
Чья красота подобной себе не знала?  
Стан ее гибче ветви плакучей ивы,  
Легкость походки ее у всех вызывает зависть,  
Ножки ее малы, как священного лотоса завязь,  
И, как побеги бамбука, руки нежны и красивы.  
Людам простым она гостьей небесной казалась,  
Обликом светлым своим и одеждою прихотливой,  
Словно с девятого неба на землю решила спуститься,  
Где красота ее яркой звездой сияла!  
Можно ли видом подобным и прелестью небывалой,  
Пусть лишь однажды узрев их, на веки веков не плениться?

Дурень, разглядев все прелести государыни, не мог удержаться от восторга. Из рта у него потекли слюнки, сердце забилось, весь он как-то размяк, и ему казалось, что он тает, словно снежный лев у жаркого костра.

Между тем государыня подошла к Танскому монаху, взяла его за руку и нежным голосом проговорила:

– О брат императора! Прошу тебя сесть в колесницу. Мы отправимся с тобой во дворец, в зал Золотых колокольчиков, и там обвенчаемся.

Несчастный Танский монах дрожал всем телом и едва держался на ногах, словно пьяный или безумный.

Сунь У-кун, находившийся рядом, подбадривал и наставлял его:

– О мой учитель, нельзя быть столь застенчивым. Прошу тебя, прими предложение государыни и займи место в колеснице. Надо поскорее выправить подорожное свидетельство. Остаешься здесь, а мы отправимся за священными книгами.

От волнения Танский монах не мог произнести ни слова. Он погладил Сунь У-куна, и слезы брызнули у него из глаз. Однако Сунь У-кун быстро проговорил:

– Учитель! Не надо огорчаться! Такое счастье редко кому выпадает на долю! Чего же еще желать?

Танскому монаху ничего не оставалось, как последовать совету Сунь У-куна. Он незаметно смахнул слезы и, притворившись веселым, приблизился к государыне и...

За руки взявшись, пошли они вместе,  
Вместе в златую взошли колесницу...  
Праведник горькою думой томится,  
Думы его – не о милой невесте:  
Всею душою он к Будде стремится,  
Брак для него – лишь позор и бесчестье...  
Мысли иные тревожат царицу:  
С тем, кто быть должен ее господином,  
Хочет прекрасная девушка слиться

---

<sup>10</sup> Си-ши – имя знаменитой китайской красавицы, жившей в V в. до н. э.

<sup>11</sup> Чжао-цзюнь – наложница императора Юань-ди, правившего в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). По преданию, главный сановник дворца и дворцовый художник оклеветали честную Чжао-цзюнь, и в результате дворцовых интриг она была отдана в рабство предводителю племени сюнну. Многие писатели и поэты древнего Китая обращались к образу Чжао-цзюнь как к идеалу женской красоты, кротости и благородства.

В нежности равной и в страсти единой;  
Думы монаха в Линьшане витают,  
В крае, где Будда благой обитает.  
От нетерпенья невеста сгорает,  
Мысли красавицы – только о муже,  
Больше никто ей на свете не нужен.  
В нежных речах своих, лжив и притворен,  
Страсти неискренней мнимо покорен,  
Он от нее свои чувства скрывает.  
Если с открытой душой мечтает  
С ним она в мире прожить и согласие,  
Радости с ним разделить и несчастья,  
Он себе доли такой не желает:  
Хочет монах избежать искушенья,  
Чтоб не нарушить обетов безбрачья.  
Жаждет она его ласки горячей,  
Он же от ласк ее жаждет спасенья.  
Хочется ей, чтобы день был короче,  
Ждет не дождется красавица ночи,  
Чтоб из невесты в жену превратиться.  
Он из сетей ее вырваться хочет,  
Ищет путей, чтоб от девушки скрыться...  
Так они едут вдвоем в колеснице,  
И догадаться царица не может,  
Что на уме у монаха таится,  
Что его сердце и душу тревожит...

Все военные и гражданские чины, наблюдавшие, как их государыня села в колесницу плечом к плечу с Танским монахом, стали весело переглядываться и перемигиваться и, замыкая парадный выезд, проследовали обратно в город.

Тогда только Сунь У-кун велел Ша-сэну взять поклажу, а сам повел белого коня вслед за выездом. Чжу Ба-цзе побежал вперед и первым оказался у ворот терема Пяти фениксов. Там он поднял крик:

– Вы что же это, думаете так все обойдется! Нет, не надейтесь! Пока не будет угощения с вином, свадьба не состоится.

Все дворцовые служительницы насмерть перепугались и побежали к свадебному поезду жаловаться:

– О повелительница наша! У ворот двора стоит тот, с длинным рылом и огромными ушами, и орет, требуя угощения и вина.

Государыня прижалась к Танскому монаху, приблизила к его лицу щечку, нежную, как персик, раскрыла свой благоуханный ротик и вполголоса спросила:

– Мой дорогой! Этот, с длинными выпяченными губами и огромными ушами какой по счету ученик?

– Второй, – отвечал ей Танский монах. – Он очень прожорлив и только и думает, как бы ему поесть всласть. Надо накормить и напоить его, только тогда он уgomонится.

– Все ли сделано, как я приказывала? – спросила государыня служительниц дворца.

– Все готово, – хором отвечали служительницы, – поданы два вида блюд: скромные и постные. Они уже на столе в Восточном зале.

– А почему приготовили два вида блюд? – удивилась государыня.

Одна из служительниц пояснила:

– Я, ваша недостойная служанка, побоялась, что названный брат Танского императора и его ученики привыкли только к постной трапезе, вот и приготовила на всякий случай два вида блюд. Тут государыня усмехнулась и, прильнув щечкой к лицу Танского монаха, игриво спросила:

– Дорогой мой! А ты предпочитаешь скоромное или постное?

Танский монах, не задумываясь, ответил:

– Мы, бедные странствующие монахи, едим только постное, но обета воздержания от вина не давали. Позволь же моим двум ученикам выпить несколько чашечек простого вина.

Не успел он договорить, как появилась старшая советница и доложила:

– Прошу вас пожаловать в Восточный зал откусать! Сегодня ночью должен появиться молодой месяц, и это будет самое счастливое время для вашего бракосочетания. Завтра солнце пересечет полуденную линию неба. В этот час мы будем просить названного брата Танского императора и нашего повелителя занять царский трон и возвестить новую счастливую эру своего правления!

Государыня была счастлива. Она взяла Танского монаха за руки, вместе с ним сошла с колесницы, и они вдвоем проследовали через главные ворота.

Из башни высокой чудесная музыка льется,  
Звучанье свирелей и флейт далеко раздается,  
Глядит потрясенный народ  
На колесницу златую в узорах блестящих,  
На светоносных драконов, недвижно стоящих  
У настежь раскрытых ворот.  
Сегодня украшены дивно чертоги царицы,  
Из древних курильниц дымок благовонный струится  
Куда ни взгляни,  
Повсюду, в янтарных, порфириновых, яшмовых залах,  
Блистая, слепя, словно сотни светил небывалых,  
Сияют огни.  
На ширмах из перьев павлиньих колеблются тени  
От тонких карнизов резных, от лепных украшений,  
От стройных точеных колонн...  
Китая достойны беседки дворца и палаты,  
Любой, кто их видел, замрет, восхищеньем объятый,  
Такой красотой поражен.

В Восточном зале их встретили музыкой и пением, удивительно нежным и мелодичным. Прелестные девушки стояли двумя рядами. В середине зала был накрыт стол на двух человек с разными яствами. С левой стороны – постное, с правой скоромное. Ниже стояли еще два ряда столиков с закусками.

Государыня подобрала рукава халата и обнажила пальчики, тонкие, словно точеные. Она поднесла своему гостю нефритовую чашечку с вином, и пир начался.

К ней подошел Сунь У-кун.

– Наш учитель и мы, его ученики, едим только постную пищу, – сказал он. – Нельзя ли просить нашего наставника занять место по левую сторону и передвинуть туда же еще три места, чтобы мы могли сесть по обе стороны от учителя. Так будет очень удобно.

Старшая советница обрадованно сказала:

– Совершенно верно! Так и сделаем! Ведь наставник и его ученики все равно, что отец с сыновьями, а им не полагается сидеть в один ряд плечом к плечу.

Служанки быстро переставили места. Государыня передала Танскому монаху и его ученикам по чашечке вина и усадила их. Сунь У-кун незаметно подмигнул своему учителю, дав ему понять, что на вежливость надо ответить вежливостью. Танский монах поднялся со своего места, налил чашечку вина и поднес ее государыне, предлагая ей занять место. Все гражданские и военные чины глубоким поклоном отблагодарили Танского монаха за проявленное внимание и затем стали рассаживаться, занимая места по старшинству и по рангам. Музыка прекратилась, и началось возлияние вина.

Чжу Ба-цзе, как всегда, вел себя бесцеремонно, ни на кого не обращая внимания. Он уплетал за обе щеки, причем не соблюдая никакой последовательности в выборе кушаний. Вслед за вареным рисом он глотал блины, сладкие пироги, а затем принимался за жареные и маринованные грибы, стручки бамбука, снова за грибы, но уже древесные, салаты из латука, из морских водорослей, из фиолетовой капусты; потом ел репу, свеклу, батат, сладкие корнеплоды, имбирь. Все это он поглощал в громадном количестве и глотал, не разжевывая. Осушив седьмую чашечку вина, он стал требовать, чтобы ему подали винный рог.

– Подать сюда винный рог! – орал он во все горло. – Вот выпьем несколько рогов, тогда каждый из нас примется за свое дело!

Ша-сэн сказал ему:

– Такое отличное угощение, а ты за дело хочешь приняться.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

– Разве ты не знаешь древнюю поговорку: «Один гнет луки, другой изготавливает стрелы». Так и мы теперь. Кто хочет жениться, пусть женится. Кто собирается замуж, пусть выходит замуж. Кому идти за священными книгами, пусть идет, а кто хочет странствовать, пусть странствует. Не следует из-за лишней чарки забывать о деле. Нам нужно поскорее получить проходное свидетельство. Ведь говорят же: «Полководец не слезает с коня, он мчится к почестям и славе».

Государыня услышала его слова и распорядилась подать большие чарки для вина. Были немедленно принесены разнообразные диковинные чарки в виде попугаев, птиц-рыболовов, золотые кубки «Цзиньполо», серебряные кубки «Иньцоло», рюмки из стекла, чашки из хрусталя, чаши из шаньдунского фаянса, бокалы из янтаря. Все эти сосуды были наполнены до краев разными наливками и настойками, и обошли всех гостей.

Наконец Танский монах потянулся всем телом, встал с места, почтительно сложил руки ладонями вместе и обратился к государыне с такими словами:

– Премного благодарен тебе, государыня, за богатое угощение. Но вина больше не надо, достаточно! Прошу тебя пройти в тронный зал и выдать проходное свидетельство моим ученикам, пока не стемнело пусть отправляются в путь.

Государыня послушалась, взяла за руку Танского монаха и прошла с ним в тронный зал Золотых колокольчиков. Тут она, не мешкая, предложила Сюань-цзану занять место на своем троне. – Сейчас это невозможно, – воскликнул Танский монах. – Ведь твоя старшая советница сказала, что завтра, когда солнце пересечет полуденную линию, только тогда я осмелюсь занять это высокое место и принять звание верховного правителя. А сегодня тебе надлежит как полновластной государыне поставить государственную печать на проходном свидетельстве.

Государыня и на этот раз послушалась. Она взошла на трон, придвинула к нему золоченый стул и попросила Танского монаха сесть. После этого она велела позвать его учеников. Когда они явились, Великий Мудрец Сунь У-кун велел Ша-сэну развязать узел и достать свидетельство. Затем он взял его и обеими руками почтительно вручил государыне. Та внимательно прочла все, что там было написано, и осмотрела все девять печатей великого Танского императора, под которыми стояли еще печати разных царств: Баосянго, Уцзиго и царства Цзюйчи.

Тщательно осмотрев проходное свидетельство, государыня рассмеялась и своим нежным голоском спросила:

– Выходит, что ты, брат Танского императора, носишь еще и другую фамилию – Чэнь? Как же так?

Танский монах разъяснил ей:

– В миру моя фамилия Чэнь, а монашеское имя Сюань-цзан. Великий и милосердный император Танского государства удостоил меня высокой чести, назвав меня своим младшим братом, и позволил мне носить фамилию Тан.

– А почему в проходном свидетельстве не значатся твои спутники – ученики? – спросила государыня.

Сюань-цзан отвечал и на этот вопрос:

– А это потому, что они не являются уроженцами Танского государства.

– Почему же они, в таком случае, последовали за тобой? – любопытствовала государыня.

– Мой старший ученик, – стал объяснять Сюань-цзан, – родом из страны Аолайго, расположенной на материке Дун-шэнь-чжоу; второй ученик из селения Усы – на материке Синюэхэ-чжоу, а третий – из Люшахэ. Все они в прошлом провинились перед небом, и бодисатва Гуаньинь, проживающая у Южного моря, приняла их обет и сняла с них кару, при условии, что они будут сопровождать и охранять меня в моем путешествии на Запад за священными книгами. Как видите, они стали моими учениками уже в дороге. Вот почему их не занесли в проходное свидетельство.

– Хочешь, я занесу их? – спросила государыня.

– Пожалуйста, – отвечал Танский монах. – Как тебе угодно.

Государыня велела немедленно принести писчую кисть и ароматную тушь, густо растерла ее, жирно обмакнула кисть и на оборотной стороне свидетельства собственноручно написала монашеские имена трех спутников Сюань-цзана. Сунь У-кун, Чжу У-нэн, Ша У-цзин; затем она достала государственную печать и поставила ее где следовало. Наконец она расписалась и передала проходное свидетельство Сунь У-куну. Сунь У-кун принял бумагу и отдал ее Ша-сэну, чтобы он спрятал ее.

Государыня велела принести поднос с золотом и серебром, взяла его в руки, сошла с трона и хотела отдать Сунь У-куну.

– Возьмите пока эту мелочь, – сказала она, – на дорожные расходы, чтобы скорее добраться до Запада. А когда будете возвращаться со священными книгами, я щедро вознагражу вас.

Однако Сунь У-кун не принял денег и сказал:

– Мы покинули суетный мир, и теперь нам не нужны ни золото, ни серебра. В пути мы собираем подаяние и тем кормимся.

Тогда государыня велела принести десять кусков парчи и снова обратилась к Сунь У-куну:

– Вы так стремились поскорее отправиться в путь, что я не успела даже сшить для вас одежду. Возьмите с собой хоть эту ткань. Может быть, в пути вы сошьете себе какое-нибудь платье, чтобы защититься от холода.

– Мы не миряне, – отвечал Сунь У-кун, – и нам нельзя носить парчовые одежды. А по дороге всегда найдется рубище, чтобы прикрыть брренное тело.

Убедившись в том, что и этот дар не будет принят, государыня велела принести три меры чистого риса.

– Тогда возьмите с собой крупы, – молвила она, – будете варить кашу.

Услышав про еду, Чжу Ба-цзе не вытерпел и сразу же засунул этот дар в узел.

– Брат, – поддел его Сунь У-кун, – ты все жаловался, что поклажа чересчур тяжела, как же хватит у тебя сил тащить еще и рис?

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

– Что ты понимаешь, – говорил он сквозь смех, – ведь рис тем и хорош, что каждый день расходуется. Если же сразу все съесть, тогда и дух вон.

Затем все трое мгновенно сложили руки и совершили поклоны в благодарность за оказанную милость. Наконец Танский монах обратился к государыне.

– Осмелюсь потревожить тебя еще одной просьбой, – сказал он умоляющим тоном, – проводи вместе со мной моих учеников за городскую заставу, там я скажу им напутственное слово, чтобы они с честью выполнили свой долг. А когда вернемся во дворец, будем наслаждаться вечным счастьем. Мы станем жить с тобой счастливо и мирно, не зная ни забот, ни тревог, словно птицы Люань и Фын.

Государыня, ничего не подозревая, велела тотчас же приготовить выезд и, крепко прижимаясь к Танскому монаху, села с ним вместе в колесницу, которая повезла их к западной заставе города. Улицы были политы чистой водой, воздух напоен ароматом благовоний. Толпы народа вышли на улицу, чтобы увидеть поезд государыни, послушать замечательный звон колокольчиков и поглядеть на Танского монаха – избранника государыни.

Здесь не было ни одного мужчины, только женщины – напوماженные, напудренные, с высокими прическами.

Вскоре поезд выехал из ворот города и оказался за западной заставой.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн встретили приближение колесницы радостными возгласами.

– О великодушная государыня, – кричали они, – не провожай нас дальше. Распрощаемся здесь.

Танский монах медленно сошел с колесницы, молитвенно сложил руки и с поклоном обратился к государыне:

– Прошу тебя, вернись во дворец и позволь мне, бедному монаху, отправиться на Запад за священными книгами.

От этих слов государыня даже в лице изменилась. Она схватила Танского монаха за руку и вскричала:

– Мой дорогой! Ведь я обещала отдать тебе все мое состояние, только бы ты стал моим мужем. Завтра тебе предстоит занять престол и принять титул государя, я же передам тебе бразды правления и буду только твоей женой – государыней. Ведь мы пировали по этому случаю. Как же можно так неожиданно нарушить свое слово!

Чжу Ба-цзе слушал, слушал и разозлился. Он начал поворачивать то в одну, то в другую сторону свое свиное рыло и хлопал своими огромными ушами.

– Да понимаешь ли ты, что мы честные монахи? – заорал он, кинувшись к колеснице. – Неужели мы станем осквернять свое тело и жениться на такой размалеванной и напوماженной, как ты? Отпусти моего наставника и не приставай к нему!

Государыня пришла в ужас от его грозного и страшного вида. Душа у нее ушла в пятки, и от страха она свалилась со своего сиденья прямо на пол.

Между тем Ша-сэн и Сунь У-кун вывели Танского монаха из толпы и помогли ему сесть на коня. Вдруг на обочине дороги мелькнула женщина. Она бросилась к Танскому монаху с возгласами:

– О младший брат Танского императора! Не покидай нас! Дай мне насладиться с тобой утехами любви!

Ша-сэн стал отгонять ее:

– Куда лезешь, негодница!

Выхватив свой волшебный посох, он собрался было ударить женщину по голове, но вдруг поднялся страшный вихрь, раздался свист, и Танский монах исчез.

Они исчезли! Что за наважденье?  
Вот только были здесь и вдруг пропали!  
Несчастный Сюань-цзан: ему едва ли  
Удастся выбраться из плена наслаждений!  
Избавившись от пут, попал в тенета,  
Из ямы выйдя, угодил в болото,  
И вновь готов для новых походов!  
Но та, что отняла его свободу,  
Была ли человеческого рода?

О том, что случилось с нашим Танским монахом, остался он жив или погиб вы узнаете, если прочтете следующую главу.

## **Глава пятьдесят пятая, из которой вы узнаете о том, как обольстительница- чародейка завлекала Танского монаха, и о том, как он оказался тверд и не осквернил себя**

Итак, в тот самый момент, когда Великий Мудрец Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе собрались заколдовать силянскую государыню, вдруг налетел вихрь, бешено завыл ветер и раздался крик Ша-сэна. Наставник исчез. Сунь У-кун стал спрашивать Ша-сэна:

– Кто же мог похитить нашего наставника?

– Какая-то женщина, – растерянно отвечал тот. – Она вызвала вихрь, который подхватил и унес нашего учителя.

Услышав эти слова, Сунь У-кун стрелой взлетел на облако и, тормозя его движение своей одеждой, которую он распахнул, стал внимательно оглядываться по сторонам. Вдруг он заметил вдали столб пыли, исчезающий в северо-западном направлении. Обернувшись к монахам, он крикнул им:

– Братья! Живей взбирайтесь на облако, полетим выручать нашего наставника!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн быстро привязали поклажу на коня; раздался шум, и они оказались вместе с конем в воздухе.

Силянская государыня и вся ее свита при виде этого необыкновенного зрелища разом опустили на колени прямо в дорожную пыль.

– Нам удалось воочию увидеть среди бела дня настоящих праведников – архатов, – говорили в толпе. – Государыня наша пусть не страшится и не огорчается. Младший брат Танского императора – прозревший последователь Будды, постигший тайну самосозерцания. А мы были слепы, приняв его за простого смертного, за красавца мужчину из Серединного цветущего государства. Все наши стремления оказались тщетными. О государыня, повелительница наша! Садись в свою колесницу и возвращайся к себе во дворец.

Терзаемая стыдом, государыня возвратилась со всей своей свитой во дворец, и мы здесь покинем ее.

Тем временем Сунь У-кун и его помощники, воспарив к небесам, на облаке мчались сломя голову вслед за вихрем, унесшим их наставника. Они догнали его у высокой горы, но в этот момент пыль исчезла, ветер стих и неизвестно было, куда скрылась чародейка. Монахи прижали вниз край облака, заметили тропинку, спрыгнули вниз и пустились на поиски. Вдруг перед ними выросла стена, сложенная из темного блестящего камня. Она напоминала щит, предохраняющий внутренний двор от злых духов. Ведя за собой коня, монахи зашли за щит и увидели огромные каменные ворота, а над ними надпись, состоящую из шести больших иероглифов. Надпись гласила: «Пещера Лютни «пиба»<sup>12</sup> в горе Погибель врагам».

Чжу Ба-цзе по своему невежеству бросился к воротам и хотел было сломать их граблями, но Сунь У-кун вовремя удержал его.

– Не торопись, брат, – сказал он, – мы мчались вдогонку за вихрем, не догнали его и вот очутились здесь. Эти ворота мы видим впервые и не знаем, кто за ними живет. Что, если мы будем ломиться не в те ворота, которые нам нужны? Мы просто обидим их владельца! Вы лучше отведите коня за каменный щит и ждите меня там; я проберусь внутрь и узнаю, как там обстоят дела. Тогда и решим, что делать.

---

<sup>12</sup> *Пиба* – название древней китайской лютни.

– Прекрасно! – воскликнул Ша-сэн. – Поистине ты умеешь, как говорится, вместо грубости действовать осторожностью, а при спешке быть неторопливым.

Монахи повели коня обратно. Между тем Сунь У-кун снова пустил в ход свои чары, произнес заклинание, встряхнулся всем телом и сразу же превратился в маленькую пчелку, легкую и проворную:

Ветру покорны тонкие крылышки пчелки,  
Тельце блестит в полосатой одежде из шелка,  
А хоботок торопливый пыльцу собирает с цветов.  
Много у пчелки забот, и опасностей также немало,  
Но уберечься от них помогает ей острое жало,  
Жало – защита ее от жестоких врагов.  
Что же такое задумала хитрая пчелка?  
Вот подлетела к воротам, вот юркнула в шелку...

И так Сунь У-куну удалось благополучно пролезть в щелочку ворот. Оказавшись по ту сторону, он полетел вглубь, ко вторым воротам, но по пути заметил среди цветов небольшую беседку, в которой сидела женщина-чародейка, а с ней несколько разодетых служанок с причудливо зачесанными волосами. Женщины оживленно беседовали между собой и чему-то радовались. Сунь У-кун незаметно подлетел к ним поближе, пристроился на решетке беседки и, наострив уши, стал внимательно прислушиваться к разговору.

В это время в беседку вошли еще две женщины, тоже с затейливыми прическами, и подали два блюда с яствами, от которых шел ароматный пар. Одна из них сказала:

– Госпожа! Вот горячие пирожки, приготовленные на пару. На одном блюде скоромные, с начинкой из человеческого мяса, а на другом – постные с начинкой «дэнша».

Чародейка улыбнулась и тут же приказала:

– Приведите сюда названного брата Танского императора!

Служанки бросились во внутренние покои и вскоре вывели оттуда несчастного Сюань-цзана. Он весь пожелтел и осунулся, губы его стали мертвенно-бледными, из покрасневших воспаленных глаз катились слезы. Сердце Сунь У-куна сжалось от боли, когда он увидел своего учителя в таком ужасном виде. И он подумал: «Видно, немало страданий перенес наставник!»

Чародейка покинула беседку и пошла навстречу Сюань-цзану. Обнажив кисти рук, она взяла своими нежными пальцами Танского монаха за плечо и обратилась к нему с такими словами:

– О, будь великодушен ко мне, дорогой старший брат мой! Не взыщи, что здесь не так роскошно, как во дворце силянской государыни, нет такого богатого и изящного убранства. Зато тут царят покой и уют. Здесь тебе будет очень удобно молиться Будде и читать священные книги. Я буду во всем твоей верной спутницей и подругой, и мы с тобой проживем сто лет в мире и согласии.

Танский монах безмолвствовал. Чародейка продолжала обольщать его.

– Перестань же сердиться и огорчаться, – говорила она. – Мне известно, что на пиру у государыни женского царства ты ничего не ел и не пил. Изволь же отведать моего угощения. Здесь два блюда с пирожками скоромными и постными. Выбирай, какие тебе по вкусу.

Танский монах между тем стал размышлять: «Если я буду молчать и не стану ничего есть, то эта ведьма, пожалуй, погубит меня. Это не то, что силянская государыня, та все же была человеком. Что же мне делать? Мои верные спутники не знают, что я попал сюда, и я могу ни за что ни про что погибнуть».

Танский монах терзался сомнениями, но ничего не мог придумать. Наконец он набрался храбрости и спокойным тоном спросил чародейку:

– А из чего сделаны ваши пирожки?

– Скоромные с начинкой из человеческого мяса, – отвечала чародейка, – а постные с начинкой «дэнша».

– Я монах и буду есть постное, – сказал Сюань-цзан.

– Эй, девушки! – позвала чародейка. – Принесите горячего чая и дайте постных пирожков нашему повелителю, хозяину дома!

Одна из служанок поднесла Танскому монаху чашечку с ароматным чаем, а чародейка дала ему пирожок, предварительно разломав его.

Трипитака взял скоромный пирожок и, не разламывая, отдал чародейке.

– Царственный брат мой, почему же ты не разломил мне пирожок? – кокетливо смеясь, спросила она.

Почтительно сложив ладони, Танский монах отвечал:

– Я ведь не мирянин, а монах, потому и не осмелился разломать скоромный пирожок.

– Если ты монах и боишься разломить скоромный пирожок, – сказала чародейка, – то как осмелился ты съесть пирожок «шуйгао» на реке Матери и младенца, а сейчас ешь пирожки с начинкой «дэнша»?

Помышляя о спасении, Танский монах ответил так:

По высокой воде корабль плывет быстро<sup>13</sup>,  
А в зыбком песке конь идет медленно!

Сунь У-кун внимательно прислушивался к их беседе. Заметив, что разговор становится все более игривым, Сунь У-кун стал опасаться, как бы наставник не зашел слишком далеко и не осквернил себя. Тут он принял свой настоящий облик, занес над головой железный посох и закричал на чародейку:

– Бесстыжая тварь! Совратительница!

Чародейка выдохнула пламя, окутавшее всю беседку, а затем приказала служанкам:

– Уведите Танского монаха.

Затем чародейка вооружилась волшебным трезубцем, выскочила из беседки и крикнула:

– Ах ты, невежественная обезьяна! Как осмелилась ты самовольно проникнуть в мой дом и любоваться мною! Стой, ни с места! Сейчас я тебя угощу!

Однако Сунь У-кун отбил удар своим посохом и стал пятиться от разъярившейся ведьмы. Сражаясь, они не заметили, как очутились за воротами пещеры. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, дожидавшиеся Сунь У-куна за каменным щитом, вдруг услышали шум. Чжу Ба-цзе всполошился и, передавая поводья Ша-сэну, сказал:

– Ты обожди меня здесь, постереги коня и поклажу, а я пойду на подмогу.

Чжу Ба-цзе все же был добрым малым. Подняв свои грабли обеими руками, он выскочил к воротам пещеры и закричал:

– Сунь У-кун! Передохни! Дай мне расправиться с этой чертовкой!

Но чародейка успела заметить Чжу Ба-цзе и прибегла к новому приему. Она пронзительно взвизгнула, из ноздрей у нее метнулось пламя, изо рта повалил густой дым, она встряхнулась всем телом и кинула в Чжу Ба-цзе свой трезубец. В тот же момент у нее появилось несметное количество рук. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с двух сторон напали на нее, а она иступленно кричала:

---

<sup>13</sup> По высокой воде корабль плывет быстро... – По-китайски, «высокая вода» и пирожки «шуйгао» произносятся одинаково; также одинаково произносятся слова «пирожки с начинкой дэнша» и «в зыбком песке конь идет медленно».

Танский монах использует игру слов, чтобы аллегорически намекнуть о своем желании поскорее уйти из женского царства.

– Наконец-то ты мне попался Сунь У-кун. Ты меня не знаешь, зато я хорошо знаю тебя. Твой покровитель Будда Татагата, обитающий в храме Раскатов грома, и тот боится меня. Теперь вам от меня не уйти. Подходите, подходите! Каждому из вас достанется!

И тут разыгрался необыкновенный бой. Вот послушайте:

Волшебница, полна воинственного пыла,  
Призвав на помощь колдовские силы,  
Противникам удары наносила,  
А Сунь У-кун, не сдерживая гнева,  
Кидался на нее в ожесточенье,  
Подобно разъяренному удаву, —  
Тогда как Чжу Ба-цзе, не знавший поражений,  
Свою припомнив боевую славу,  
То вправо граблями разил, то влево,  
Выказывая в том великое уменье.  
Из-за чего же началось сраженье?  
Из-за чего два доблестнейших мужа  
Вдруг против женщины пустили в ход оружие,  
Не зная милости, забыв о снисхожденье?  
Зачем, внезапно изменив обличье  
И окружив себя огнем и черным дымом,  
Волшебница, борясь неутомимо,  
Присущий женщинам нарушила обычай,  
Презрев законы, правила, приличья?  
Событьям этим лишь одна была причина:  
Понадобился женщине мужчина,  
Который разделит бы с нею ложе  
Для нежных ласк и для утех любовных...  
Достойного нашла себе – и что же?  
Он оказался вовсе ей не ровня!  
Грешить монаху с женщиной не гоже,  
И целомудрие ему всего дороже.  
Мужское с женским не поладили начала,  
И посему в жестокий бой вступили,  
Начало женское – ответа не встречало,  
Мужское – на любовь не отвечало,  
И, не жалея ревностных усилий,  
Они друг друга одолеть стремились.  
Противники пыхтят и пышут жаром,  
Изобретают новые уловки,  
Обрушивают страшные удары,  
Показывают дивную сноровку.  
Трезубец, что в руках у чародейки,  
Разит, как меч, а жалит, словно змейка,  
Однако посох и большие грабли,  
Что, как цепи тяжелые, взлетают,  
Трезубцу грозному ни в чем не уступают!  
И Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун, не зная страха,  
Сражаются за Танского монаха.

Всю кровь готовы, до последней капли,  
Они отдать, чтоб победить злодейку,  
Желающую их учителя заставить  
Себя грехом великим обесславить  
И путь за книгами священными оставить.  
От шума битвы солнце лик свой скрыло,  
Однако тьму луна не озарила,  
И, как птенцы, покинувшие гнезда,  
По небу разбрелись испуганные звезды.

Долго сражались противники, но так и нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг чародейка выбросила вперед руку, и, прибегнув к приему «Ядовитое дерево, способное свалить с ног коня», ударила Сунь У-куна по голове.

– Ой! Больно! – завопил Сунь У-кун и бросился бежать с поля боя. Чжу Ба-цзе, видя, что дело плохо, тоже пустился наутек, волоча за собой свои грабли.

Тут чародейка убрала оружие, праздную победу.

Между тем Сунь У-кун, обхватив голову руками, стонал:

– Больно! Больно!

– Что случилось, братец? – спросил, подбегая к нему, Чжу Ба-цзе. – В самый удачный момент, когда мы вот-вот должны были выиграть бой, ты вдруг заорал «больно» и удрал!

Обхватив голову руками, Сунь У-кун продолжал стонать:

– Ой, как больно! Ой, как больно! Ой, как больно!

– У тебя голова заболела? – встревоженно спросил Ша-сэн.

При этих словах Сунь У-кун подскочил и заорал:

– Да нет же! Нет! Нет!

– Так скажи, в чем дело? – допытывался Чжу Ба-цзе. – Я не видел, чтобы тебя ранило, а между тем ты кричишь во все горло.

Продолжая охать, Сунь У-кун с трудом стал говорить:

– Когда я с ней дрался, чертовка почувствовала, что ей не устоять, и ударила меня чем-то по голове. С той минуты у меня началась нестерпимая головная боль, и я бросился бежать.

– А ты хвалился, что у тебя голова закаленная, – со смехом сказал Чжу Ба-цзе. – Что же ты такого пустяка не выдержал?

Сунь У-кун обиделся:

– Голова у меня действительно закаленная. Что только с ней не делали! – сказал он. – После того как я вступил на путь Истины и закалил себя в самоусовершенствовании, я учинил буйство в небесных чертогах, похитил яства в Персиковом саду и выпил вино бессмертных небожителей, а также съел пилюли бессмертия, принадлежащие Лао-цзюню. Нефритовый император послал против меня царя духов умерших, обладающего неимоверной силой, и всех духов, обитающих на двадцати восьми созвездиях. Они схватили меня и доставили на лобное место у дворца созвездия Доу-ню. Мою голову пытались огрубить, метали в нее молнии и громы, жгли огнем, но ничего не вышло. Затем Лао-цзюнь поместил меня в свою волшебную печь с триграммами, в ней он плавил меня сорок девять дней – и все напрасно! А эта чародейка каким-то неведомым оружием причинила мне нестерпимую боль.

– Убери руки, – сказал Ша-сэн, – я погляжу, что у тебя с головой. Все цело! Ни единой царапины!

– Конечно, цело! – подтвердил Сунь У-кун.

– А не слетать ли мне в столицу Силянского государства, – предложил Чжу Ба-цзе. – Может быть, я достану там какой-нибудь мази или пластырь?

– Зачем? – удивился Сунь У-кун. – Ведь на голове нет ни шишки, ни царапины. Куда же прикладывать пластырь или мазь?

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

– Вот видишь, послеродовой горячки у меня так и не было, а ты болячку в голове приобрел.

Ша-сэн одернул его:

– Брось свои шутки, сейчас уже время позднее, у Сунь У-куна болит голова, что с наставником, жив он или нет, – мы не знаем. Что же делать?

Сунь У-кун со стоном произнес:

– Наставник цел и невредим. Когда я, превратившись в пчелу, проник в пещеру, то увидел его. Эта ведьма сидела в беседке среди цветов. Затем служанки подали на двух блюдах пирожки: одни с начинкой из человеческого мяса – скоромные, другие – с какой-то начинкой «дэнша» – постные. Затем я видел, как две молодые служанки привели наставника в эту беседку, а ведьма стала угощать его пирожками и успокаивать. После этого она стала объясняться в своих чувствах и говорила, что хочет быть спутницей и подругой нашего наставника. Он сперва молчал, не отвечал ей и пирожков не брал, но потом, видимо, поддался ее сладким речам и нежным уговорам. Не знаю, почему он вдруг заговорил с ней и даже согласился съесть пирожок, правда, постный. Ведьма взяла пирожок, разломала его пополам и дала наставнику, а он взял скоромный пирожок и, не разломив, – передал ей. Она спросила: «Почему, же ты не разломил пирожок?» «Я – монах, – отвечал наставник, – и мне не положено разламывать скоромные пирожки». Тогда ведьма сказала: «Зачем же ты пил воду из реки Матери и младенца, а сегодня ешь пирожки с начинкой «дэнша»?» Он, видимо, не понял, что она сказала, и ответил:

По высокой воде корабль плывет быстро,  
А в зыбком песке конь идет медленно.

Все это я слышал слово в слово и, опасаясь как бы наш наставник не увлекся и не осквернил себя, принял свой первоначальный облик, поднял посох и стал наступать на чародейку. Тут она применила свои чары, выдохнула пламя и дым, скрывший всю беседку, а служанкам велела немедленно увести нашего наставника. Вращая своим трезубцем, она стала наседать на меня, и шаг за шагом мы очутились за воротами пещеры.

Ша-сэн внимательно слушал и от волнения кусал пальцы.

– Интересно, когда эта чертовка стала следить за нами и откуда ей известно, что с нами произошло несколько дней тому назад?

– Неужели, – вскричал Чжу Ба-цзе, – после этого мы будем сидеть сложа руки? Нужно сейчас же, несмотря на поздний час, отправиться к воротам и вызвать ее на бой. Будем кричать и биться всю ночь, чтобы она не знала ни минуты покоя, и помешаем ей завлечь нашего наставника.

– Я никуда не пойду, – простонал Сунь У-кун, – голова у меня разламывается.

– Не надо сейчас никуда ходить, – сказал тут Ша-сэн. – Сунь У-кун заболел, и, кроме того, я уверен за нашего учителя. Он настолько чист и непорочен, что никакие женские соблазны не смутят его покой. Давайте расположимся на ночлег где-нибудь здесь, на склоне горы, где нет ветра. За ночь мы наберемся сил, а утром подумаем, что предпринять.

Трое монахов крепко привязали белого коня и, по очереди карауля свою поклажу, стали отдыхать. Здесь мы их пока оставим и вернемся к чародейке.

Чародейка пришла в радостное расположение духа и от недавней неистовой злобы не осталось и следа. Она позвала своих служанок:

– Ступайте и прикажите крепко-накрепко запереть все входы и выходы, – сказала она, а двум караульным велела зорко следить за тем, чтобы Сунь У-кун снова не пробрался в пещеру: – Как только услышите малейший шорох, так сейчас же поднимайте тревогу.

– Девушки! Приберите как следует опочивальню. Зажгите свечи и благовония, а после этого приведите нашего гостя – брата Танского императора. Я хочу провести с ним время в радостном свидании.

И вот из глубины пещеры служанки ввели Танского монаха. Волшебница с чарующим видом взяла Сюань-цзана за руки.

– Мне часто приходилось слышать, – сказала она вкрадчивым голосом, – что «не так дорого чистое золото, как дороги радость и покой». Я хочу позабавиться с тобой любовными утехами, словно мы с тобой муж и жена.

Танский монах до боли стиснул зубы и не промолвил ни слова. Ему не хотелось идти за чародейкой, но он опасался, что она загубит его своими чарами, и, дрожа от страха, последовал за ней в ее благоухающие покои.

Он шел в совершенной растерянности, робкими шагами, опустив голову. До того ли ему было, чтобы осмотреть убранство опочивальни, разглядеть ложе и постель, ознакомиться с роскошными нарядами, украшениями, шкатулками и гребешками?! Он не слышал страстных, любовных речей волшебницы и вел себя как настоящий монах.

И в самом деле:

На грешную красоту очи его не глядели,  
Грешных речей невнятен был ему сладкий звук.  
Хуже гнили и тлена были ему противны  
Взгляды очей прелестных, блеск ожерелий дивных,  
Розовых уст улыбка, пожатые ласковых рук.  
Что для него богатства, жемчуг бесценный, злато,  
Шелковые одежды, каменные палаты,  
Если закону Будды себя посвятил монах?  
Если светом небесным сердце его объято,  
Что для него соблазны? – пепел, песок и прах!  
Хитрая чародейка множила обольщенья,  
Сладостные усмешки, дерзостные движенья,  
Но, как замшелый камень, был он и слеп и глух,  
Взору его приятны были иные виденья,  
Лепету слов любовных был закрыт его слух.  
Женщина, как светильник, ярким огнем горела,  
Страсть в ее теле нежном бурным ключом кипела,  
Но от огня не таял мудрого сердца лед:  
Тщетно льстивые ласки красавица расточала,  
Сбрасывала одежды, скидывала покрывала,  
Сетью уловок тайных праведника оплетала, —  
Горек устам блаженным был тот душистый мед!  
От шелковистых прядей, полунагого стана,  
Яшмовых украшений он отвращал лицо,  
Тихо творя молитву, твердо и неустанно,  
Рук ее влажных, льнущих он размыкал кольцо.  
Молвила чародейка: «Ты мне всего дороже,

Я ж красую своею на Лю Цуй-цуй<sup>14</sup> похожа,  
 Лучшего из достойных лаской могу увлечь,  
 Так отчего со мною не разделяешь ложа  
 И для утех любовных вместе не хочешь лечь?»  
 Стягивая потуже рясу из ткани грубой,  
 Праведник отвечал ей: «Пусть твои ласки любви  
 Тем, чьи молитв священных не повторяют губы,  
 Тем, кто мирским усладам жизнь свою посвятил,  
 Я ж не из тех монахов, кто на соблазны льстится,  
 Кто свою душу предал чарке или блуднице,  
 Кто, ради наслаждений, светоч свой угасил!»  
 Отповедью достойной не смущена нимало,  
 Этим речам суровым дерзкая не внимала,  
 Снова слова хмельные праведнику шептала,  
 Тщетно его пытаюсь лестью приворожить:  
 «Я ведь Си-ши прелестной ласковой и нежнее,  
 Буду тебе покорна – в тысячекрат дружнее,  
 Чем та с царем Юе-ваном<sup>15</sup>, будем с тобою жить!»  
 «Чья же краса сгубила славного Юе-вана, —  
 В гневе монах ответил, – как не твоей Си-ши?  
 Я предаваться блуду вместе с тобой не стану,  
 Не изменю обетам, не поругаю сана,  
 Не замараю тела, не оскверню души!»  
 «Царственный брат мой! – тихо женщина отвечала, —  
 Гневаешься напрасно! Лучше бы ты сначала  
 Вспомнил завет любовный, высказанный в стихах:  
 «Кто от любви сгорает, в скорби не умирает,  
 Дух его в новой жизни радостью расцветает».  
 Эти слова прекрасней слов твоих, о монах!»  
 «Что мне в твоих заветах, – молвил мудрец с досадой, —  
 Пагубны и тлетворны чувства твои и слова,  
 Лишь в чистоте нетленной я нахожу отраду,  
 И, как сурмленный остов, ты для меня мертва!»

До самой глубокой ночи препирался Танский монах с чародейкой, не поддаваясь ее оболещениям. Но та не отступала и всячески старалась завлечь Сюань-цзана. Наконец чародейка не выдержала и разозлилась.

– Служанки! принесите сюда веревки! – приказала она.

И вот бедного монаха, к которому чародейка воспылала любовью, скрутили веревками, словно хищного льва, а затем выволокли под веранду и оставили там. Вскоре огни в серебряных светильниках были погашены и все улеглись спать. О том, как прошла ночь, рассказывать нечего.

Когда петухи пропели в третий раз, Сунь У-кун, расположившийся на склоне горы, потянулся и обрадованно сказал:

– Голова у меня совсем не болит, – нисколечко, а ведь как мучился вчера! Зато теперь она почему-то стала чесаться.

<sup>14</sup> Лю Цуй-цуй – имя известной красавицы династии Суй (589—619 гг.).

<sup>15</sup> Юе-ван – царь эпохи Чжоу (V век до н. э.).

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

– Раз чешется, надо попросить чародейку еще разок стукнуть тебя. Что ты на это скажешь?

Сунь У-кун плюнул с досады:

– Отвяжись!

Но Чжу Ба-цзе продолжал смеяться:

– Ты говоришь «отвяжись»! А нашего наставника тем временем чародейка к себе привязала!

Тут Ша-сэнь прервал их.

– Да перестаньте вы ссориться, – с сердцем произнес он, – ведь уже совсем рассвело. Идемте лучше на расправу с этим дьяволом в образе женщины.

– Брат, ты пока побудь здесь, – сказал ему Сунь У-кун, – покарауль коня и никуда не ходи, а Чжу Ба-цзе пусть идет за мной!

Дурень приосанился, подпоясал халат и пошел вслед за Сунь У-куном. У обоих в руках было оружие. Перепрыгнув через гору, они направились к каменному щиту перед воротами пещеры. Тут Сунь У-кун обратился к своему помощнику с такими словами:

– Ты пока постой здесь, а я проберусь и узнаю, не причинила ли эта ведьма вреда нашему наставнику. Если ей удалось обольстить его и он лишился целомудрия, то нам нечего больше делать и придется расставаться, но если он остался непоколебим и проявил твердость характера, не поддавшись никаким соблазнам, то нам надо будет во чтобы то ни стало убить ведьму, выручить учителя из беды и следовать дальше на Запад.

– Ты что, полоумный, что ли? – воскликнул Чжу Ба-цзе. – Не знаешь пословицы: «Сушеная рыба лучшая подстилка для кошки». И вряд ли ты сможешь против этого возразить.

– Да перестань ты зря болтать! погоди, я все узнаю.

С этими словами наш Сунь У-кун покинул Чжу Ба-цзе и зашел за каменный щит.

Встряхнувшись, он снова превратился в пчелку и пробрался за ворота. Там он увидел двух молодых привратниц, которые сладко спали, положив под голову сторожевые колотушки. Сунь У-кун полетел к цветочной беседке. Там тоже крепко спали служанки, несмотря на то что уже настал день. Видимо, все они изрядно устали за ночь. Сунь У-кун полетел дальше и вдруг услышал стон. Оглядевшись, он увидел под верандой Танского монаха, связанного по рукам и ногам. Сунь У-кун тихонько подлетел к нему, уселся на голову и позвал:

– Наставник!

Танский монах сразу же узнал голос Сунь У-куна:

– Это ты, дорогой мой Сунь У-кун! Спаси меня скорей!

– Как прошла ночь? Наслаждался любовными утехами?

Танский монах заскрежетал зубами от ярости.

– Да я лучше умру, чем позволю себе что-либо подобное! – вымолвил он.

Сунь У-кун, однако, продолжал допытываться.

– Я заметил вчера, – сказал он, – что эта чертовка уж очень явно к тебе благоволит. Каким же образом ты очутился сейчас здесь в таком жалком виде?

Тогда Танский монах стал рассказывать:

– Она не оставляла меня в покое почти до самого утра. Но я не поддался ее уговорам и не лег в постель. Тогда она велела связать меня и бросить сюда. Умоляю, спаси меня, чтобы я мог отправиться за священными книгами.

Пока наставник и его верный ученик переговаривались, чародейка уже проснулась и услышала, как Танский монах сказал: «отправиться за священными книгами». И хотя чародейка была очень зла на Сюань-цзана, расставаться с ним ей не хотелось. Соскочив со своего ложа, она подбежала к нему.

– За какими это еще священными книгами ты собрался? – спросила она гневно. – Эх ты, не сумел даже показать себя, как подобает порядочному мужу!

Сунь У-кун испугался, отпрянул от наставника и, расправив крылья, вылетел через ворота, где принял свой настоящий облик.

– Чжу Ба-цзе! – заорал он.

Чжу Ба-цзе откликнулся на зов и вышел из-за каменного щита.

– Ну, что? Ведь сбылись мои слова? – ехидно спросил он.

– Все нет! – отвечал Сунь У-кун. – Эта чертовка, ничего не добившись, со злости связала нашего наставника и бросила под веранду. Он хотел рассказать мне все, что случилось с ним ночью. Но ведьма проснулась, и я поспешил улизнуть.

– Но хоть что-нибудь он успел тебе рассказать? – спросил Чжу Ба-цзе.

– Он сказал, что не раздевался и в постель не ложился.

Чжу Ба-цзе обрадовался:

– Молодец! Вот это настоящий монах. Теперь давай выручать его из беды!

И, не вступая в дальнейшие разговоры, Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и изо всей силы швырнул их в каменные ворота. Раздался страшный грохот, и от ворот откололось несколько кусков. Привратницы в страхе проснулись и побежали ко вторым, внутренним, воротам:

– Отворите! – кричали они, не помня себя от страха. – Первые ворота сломаны, их сломали те двое монахов, что были вчера!

Чародейка вышла из своих покоев, и к ней тотчас бросились несколько служанок.

– Госпожа! – кричали они. – Те двое, что приходили вчера, сломали передние ворота.

Тут чародейка стала поспешно отдавать распоряжения.

– Подайте мне горячей воды умыться! Расчешите мне волосы! – кричала она. – А Танского монаха унесите в заднее помещение и спрячьте там, только не развязывайте!

Со словами: «Сейчас я с ними рассчитаюсь» – чародейка вышла из ворот, взмахнула своим трезубцем и начала браниться.

– Эй ты, мерзкая обезьяна! И ты, грязный боров! Дожили до седых волос, а ума не набрались. Как смели вы сломать мои ворота?

– Бессовестная тварь, потаскуха, – заорал Чжу Ба-цзе. – Нас ругаешь, а сама как поступила с нашим наставником! Зачем захватила в свое логово и хотела сделать своим мужем? Выпусти его живей, тогда мы пощадим тебя! Если же ты посмеешь произнести хоть половину слова «нет», клянусь, что я, Чжу Ба-цзе, своими граблями разнесу всю эту гору и обрушу ее на тебя, ведьма проклятая!

Разумеется, чародейка не могла стерпеть такого обращения. Она затряслась всем телом, из носа и изо рта у нее повалил дым, метнулись языки пламени. Она хотела ударить Чжу Ба-цзе трезубцем, но тот успел увильнуть и принялся бить ведьму своими граблями. Сунь У-кун, не теряя времени, выхватил свой посох и стал помогать товарищу. Но чародейка опять прибегла к своему волшебству: у нее вдруг появилось огромное количество рук, с помощью которых она легко отбивала удары, сыпавшиеся на нее со всех сторон. Противники схватывались раз пять. И с каждым разом все ожесточеннее.

Вдруг чародейка чем-то с силой ударила Чжу Ба-цзе в самое рыло. От страшной боли Дурень бросился бежать, одной рукой волоча за собой грабли, а другой держась за ушибленное место. Сунь У-кун, признаться, позавидовал ему и, помахав для вида посохом, тоже бросился бежать. Вернувшись с победой, чародейка велела слугам запереть ворота и завалить камнями пролом. На этом мы пока и расстанемся с ней.

Тем временем Ша-сэн, который пас коня на склоне горы, вдруг услышал хрюканье. Оглянувшись, он увидел Чжу Ба-цзе. Тот бежал к нему, держась за рыло, и отчаянно хрюкал.

– Что с тобой? – участливо спросил Ша-сэн.

– Беда, беда! – простонал Чжу Ба-цзе. – Ой, как больно! До чего же больно!

Тут показался Сунь У-кун, который подбежал к ним и со смехом сказал:

– Ну как, Дурень? Будешь теперь надо мною смеяться? А? Вчера ты что-то болтал про мою голову? Говорил, что у меня там болячка, а сегодня сам подхватил не то язву, не то сап?

– Ой, сил больше нет! – стонал Чжу Ба-цзе. – До чего же больно! Что теперь будет! Вот беда!

Все трое находились в полной растерянности и не знали, что делать. Вдруг показалась старушка, которая несла корзинку, сплетенную из бамбука. Она, видимо, шла с южного склона горы, где собирала лекарственные травы. Ша-сэн увидел ее и обратился к Сунь У-куну:

– Братец! Не спросить ли мне у старушки об этой ведьме? Может, она знает, что у нее за оружие и как она причиняет столь нестерпимую боль?

– погоди! – отвечал Сунь У-кун, – дай лучше я сам все узнаю.

Сунь У-кун пристально взгляделся в старушку и заметил сияние вокруг ее головы, да и вся она была окутана ароматной дымкой. Сунь У-кун сразу же догадался, кто была эта старушка.

– Братцы мои! – вскричал он. – Скорей становитесь на колени и совершайте земные поклоны! Ведь это сама бодисатва Гуаньинь к нам пожаловала.

Чжу Ба-цзе так переполюхнулся, что, забыв про боль, опустился на колени, а Ша-сэн, держа коня на поводу, изогнулся в низком поклоне. Сунь У-кун, стоя на коленях, молитвенно сложил руки и проговорил:

– Я верю во всемилостивейшую и вселюбящую, спасающую от горестей и бед, всепроницательнейшую и величайшую Гуаньинь.

Старушка поняла, что монахи узнали ее по сиянию, которое она излучала. Ступив ногами на благовещий луч, она вознеслась в небо и приняла свой первоначальный вид. Она явилась в одном из своих тридцати трех изображений, с корзиной для рыб в руках. Сунь У-кун тоже взлетел на воздух и, поклонившись бодисатве, молвил:

– О бодисатва! Прости, что мы не почтили тебя поклоном раньше! Мы старались спасти нашего наставника, попавшего в беду, и не знали, что ты согласишься спуститься в мир. На этот раз нас мучает чародейка, с которой мы никак не можем справиться, и взываем к тебе о помощи. Помоги нам!

Бодисатва ответила:

– Я знаю эту чародейку! Она обладает огромной силой. Ее трезубец – волшебные клешни, а колет она своим хвостом, на конце которого есть крючок. Называется он «ядовитый крючок, от которого добрый конь валится с ног»! В своем первоначальном виде эта чародейка – скорпион. Когда-то в прошлом она слушала, как Будда толковал священные книги в храме Раскатов грома. Будда увидел ее в образе скорпиона и оттолкнул от себя, а она ужалила его в большой палец левой руки. Будде было нестерпимо больно. Он велел своим хранителям схватить ее, но она укрылась здесь. Если вы хотите спасти своего наставника – Танского монаха, то нужно обратиться к кому-нибудь другому, а я тоже не смею приближаться к ней.

Сунь У-кун снова стал кланяться:

– Молю тебя, о бодисатва, укажи, к кому же нам обратиться?

Бодисатва отвечала:

– Отправляйся к Восточным небесным воротам, там есть дворец Лучистого сияния, в котором живет властитель Плеяд. Он один может покорить чародейку.

Тут бодисатва превратилась в сверкающий золотой луч и вернулась в свою обитель на Южном море.

Сунь У-кун, оставаясь в воздухе, прижал книзу край облака и крикнул:

– Братья! Не беспокойтесь! У нашего наставника нашлась звезда-избавительница!

– Что за звезда? – спросил Ша-сэн. – Где она?

– Бодисатва посоветовала мне отправиться за помощью к властителю Плеяд, – отвечал Сунь У-кун. – И я сейчас же отправлюсь к нему!

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, крикнул Сунь У-куну вдогонку:

– Брат! Попроси у властителя этой звезды какого-нибудь снадобья!

Сунь У-кун смеясь отвечал:

– Никакого снадобья не надо. Потерпи, как я, всю ночь, утром все как рукой снимет.

– Не теряй времени, – сказал Ша-сэн, – иди и быстрее возвращайся.

И вот наш герой, оседлав облако, вмиг долетел до Восточных небесных ворот. Тут он увидел перед собой небесного стража, который окликнул его:

– Куда путь держишь, Великий Мудрец?

– Я сопровождаю Танского монаха на Запад за священными книгами, – стал объяснять ему Сунь У-кун. – И вот по дороге нам попалась ведьма, с которой мы никак не можем справиться. Хочу просить властителя Плеяд, обитающего во дворце Лучистого сияния, помочь мне.

Тут неожиданно появились еще четыре небесных полководца: Тао, Чжан, Синь и Дэн. Они тоже спросили Сунь У-куна, зачем он явился и куда направляется.

– Мне надо увидеться с властителем Плеяд, – отвечал Сунь У-кун, – только он один способен справиться с чародейкой и спасти моего наставника.

– Сегодня утром властитель Плеяд получил повеление Нефритового императора отправиться в башню Созерцания звезд и проверить, как духи выполняют распоряжение Нефритового императора, – в один голос молвили все четыре полководца.

– А вы не врете? – усомнился Сунь У-кун.

– Разве посмели бы мы обманывать тебя? – отвечал полководец Синь. – Я сам проводил его из дворца Доу-ню.

Тут в разговор вмешался полководец Тао:

– Прошло довольно много времени. Может быть, он уже вернулся? Ты все же наведайся во дворец Лучистого сияния. Если его там нет, отправляйся в башню Созерцания звезд и там найдешь его!

Великий Мудрец обрадовался и распрощался с полководцами. Подойдя к парадному входу, ведущему во дворец Лучистого сияния, Сунь У-кун убедился, что там никого нет. Он собрался было вернуться, но вдруг заметил, что с другой стороны дворца выстроились в ряд воины, а вслед за ними показался и властитель Плеяд. На нем была парадная одежда, и он весь сверкал золотом.

Пятью остриями венец его дивный блистал,  
Семь главных планет украшали парчовый халат,  
На яшмовой гладкой доске, что в руке он держал,  
Начертаны были все реки и горы подряд.  
Был перьев павлина и радуги ярче стократ  
Сверкающий пояс, что стан его обвивал.  
Подвески его золотые на песенный лад  
Звучали, едва только их ветерок колебал.  
Раскрыв опахало, пошел он к дворцу своему —  
Поток ароматов струился навстречу ему.

Небесный аромат налетел и заполнил весь двор.

Один из воинов, шедший впереди, увидел Сунь У-куна, стоящего у входа во дворец Лучистого сияния, и доложил:

– О повелитель! Здесь находится Великий Мудрец Сунь У-кун.

Властитель Плеяд оправил на себе одежды, остановился и разделил свою свиту на две шеренги. Затем он выступил вперед, подошел к Сунь У-куну и совершил поклон.

– Зачем изволил пожаловать сюда, Великий Мудрец? – вежливо спросил он.

– Я пришел потревожить тебя и попросить помочь мне выручить из беды моего наставника.

– А что за беда стряслась с ним? – спросил властитель Пляед. – И в каком месте вашего пути?

– Это произошло в женском царстве Силян, там, где находится гора Погибель врагам, а в ней пещера Лютни «пипа».

– Какой же злой дух живет в этой пещере? – продолжал расспрашивать властитель Пляед. – Почему ты именно ко мне обратился?

– Мне явилась бодисатва Гуаньинь и сказала, что в этой пещере живет злой оборотень-скорпион, с которым только ты один можешь справиться. Вот почему я и явился к тебе с покорной просьбой.

– Мне, по правде говоря, надо явиться с докладом к Нефритовому императору, – сказал властитель Пляед. – Но раз ты сам, Великий Мудрец, пожаловал с такой просьбой, да еще по указанию бодисатвы Гуаньинь, я не смею медлить, чтобы не упустить время. Я даже не решаюсь предложить тебе чаю, и готов сейчас же следовать за тобой, чтобы расправиться со злым духом. К Нефритовому императору я явлюсь по возвращении.

Сунь У-кун не заставил себя долго ждать, и они вместе покинули Восточные небесные ворота, а оттуда прямым путем направились в женское царство Силян. Когда до горы Погибель врагам было уже совсем близко, Сунь У-кун протянул руку и сказал:

– Вот эта самая гора и есть!

Властитель Пляед прижал книзу край облака, сошел с него и вместе с Сунь У-куном направились к тому месту на горе, где стоял каменный щит. Ша-сэн увидел их первым и стал расталкивать Чжу Ба-цзе:

– Вставай, брат, вставай! Явился Сунь У-кун и привел с собой властителя Пляед.

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, обратился к прибывшим с такими словами:

– Простите мне мою грубость и невежество, но я болею и не могу поклониться вам.

– Ведь ты вступил на путь познания Истины, какая же у тебя может быть болезнь? – удивился властитель Пляед.

– Я вступил в бой с ведьмой, обитающей на этой горе, – простонал Чжу Ба-цзе, – но эта чертовка чем-то ударила меня в самое рыло, и я до сих пор страдаю от невыносимой боли.

– А ну-ка, подойди ко мне поближе! – приказал властитель Пляед. – Сейчас я тебя вылечу!

Чжу Ба-цзе опустил руку, которой держался за рыло, и прошамкал:

– Умоляю тебя, избавь меня от этой боли! А я уж отблагодарю тебя, как только поправлюсь.

Властитель Пляед потер рукой ужаленное место, дунул на него, и боль сразу же утихла. Вот уж поистине, как рукой сняло. Чжу Ба-цзе обрадовался, повалился в ноги и стал благодарить.

– Чудо! Настоящее чудо! – повторял он без конца.

Сунь У-кун рассмеялся и затем обратился к властителю Пляед:

– Не потрете ли вы и мою голову?

– А зачем? – удивился властитель Пляед, – ведь тебя злой дух не ударил?

– Как не ударил? – возразил Сунь У-кун. – Вчера мне тоже досталось. Но прошла ночь, и боль утихла сама по себе, только теперь голова зудит. Боюсь, не случилось бы чего худого. Прошу тебя, полечи и меня тоже.

Властитель Пляед потер Сунь У-куну голову, потом дунул, снял весь оставшийся яд, и зуд прошел.

– Теперь, брат, пойдем бить эту чертовку! – проговорил Чжу Ба-цзе.

– Да-да! Пора идти! – сказал также властитель Пляд. – Вы ступайте первыми и вызовите ее, а уж я сам с ней расправлюсь.

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе вспрыгнули на вершину горы, подошли к каменному щиту и скрылись за ним. Неистово ругаясь, Чжу Ба-цзе стал крошить каменные ворота своими граблями и проделал в них брешь, в которую и вошел вместе с Сунь У-куном. Дойдя до вторых ворот, Чжу Ба-цзе еще яростнее накинулся на них и раскрошил их вдребезги. Привратницы в страхе бросились докладывать своей госпоже:

– Госпожа ты наша! Те двое монахов опять появились и разломали вторые ворота!

Как раз в это время чародейка освободила Танского монаха от веревок и собиралась сама поить его чаем и кормить разными яствами. Услышав, что вторые ворота разбиты, она выскочила к цветочной беседке, схватила свой трезубец и, вращая им в воздухе, словно колесом, пошла на Чжу Ба-цзе. Тот стал защищаться своими граблями, а Сунь У-кун, находившийся сбоку, принялся наносить удары своим посохом. Чародейка собралась было применить свое волшебство, но Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, наученные горьким опытом, пустились наутек.

Преследуя их, чертовка очутилась за каменным щитом.

– Властитель Пляд! Где ты? – закричал тут Сунь У-кун и в следующий же момент увидел его на склоне горы. В один миг властитель Пляд принял свой настоящий облик. Он оказался большим петухом с двойным гребнем, и когда поднял голову, то рост его достиг почти семи чи. Он крикнул что-то чертовке, которая моментально приняла свой первоначальный вид. Она оказалась громадным скорпионом, величиной с музыкальный инструмент «пипа». Петух еще раз что-то прокричал, и скорпион вдруг весь размяк и тотчас сдох у склона горы.

У петуха был гребень, словно пламя,  
А шея, что расшитая шелками,  
Хвост отливал лазурным, черным, алым  
И прочими чудесными цветами.  
Приятно было видеть, как шагал он,  
Как выступал красиво, плавно, важно,  
Как круглыми, блестящими глазами  
Посматривал и гордо и отважно,  
То был защитник правды, добрый дух,  
Властитель звезд, а вовсе не петух!  
Вот широко раскрыл он клюв янтарный,  
И трижды клич его могучий грянул.  
Тут, оглушенный, в ужасе отпрянул,  
Едва его заслышав, дух коварный,  
Пытавшийся монаха сбить с пути,  
Чтоб тот не смог за книгами идти, —  
И суть свою сокрывший скорпион  
Был снова в скорпиона обращен.

Чжу Ба-цзе шагнул вперед и с яростью наступил на издохшего скорпиона.

– Вот тебе, гадина! – с ненавистью произнес он. – Больше тебе не придется пускаться в ход свое жало, которое валит коней с ног.

После этого Чжу Ба-цзе ударил скорпиона граблями и превратил его в бесформенный комок.

Тем временем властитель Пляд превратился в золотистый луч, скользнул на облако и умчался. А Сунь У-кун вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном обратились лицом к небу и стали отбивать поклоны.

– Премного благодарны тебе за твою помощь, – кричали они хором, – настанет время, и мы обязательно отблагодарим тебя.

После этого они втроем собрали поклажу, привели в порядок коня и отправились в пещеру. Их встретили служанки, которые стояли на коленях по обе стороны от ворот и кланялись им в ноги.

– Благодетели вы наши! – вопили они. – Пожалейте нас, не губите! Ведь мы не оборотни, а простые смертные из государства Силян. Нас в свое время похитила злая чародейка и обратила в своих рабынь. Не беспокойтесь, ваш наставник жив и находится в заднем помещении, в ароматной опочивальне, где безутешно плачет!

Услышав эти слова, Сунь У-кун стал внимательно разглядывать девушек и убедился в том, что они действительно не оборотни. Затем он вошел во внутреннее помещение и позвал:

– Наставник!

Танский монах, увидев своих учеников, пришел в неопишемую радость.

– Сколько хлопот я вам доставил! – повторял он без конца. – А что случилось со здешней хозяйкой?

– Здешняя хозяйка оказалась огромным скорпионом-самкой. К счастью, бодисатва Гуаньинь явилась нам в образе старушки и сказала, кто может покорить эту ведьму. Старший брат Сунь У-кун помчался в небесные чертоги и попросил властителя Плеяд спуститься на землю и помочь нам. А я потом раздавил скорпиона своими граблями, и от него осталось мокрое место! Лишь после этого мы осмелились проникнуть сюда и вот, наконец, нашли тебя, дорогой наш наставник!

Танский монах не переставал благодарить своих учеников за избавление. Затем они нашли в пещере рис и муку, приготовили пищу и плотно закусили. Они отпустили всех служанок, указав им путь в царство Силян, а после этого зажгли факел и спалили все, что было в пещере.

Наконец ученики подвели Танскому монаху коня, попросили его сесть верхом, отыскали дорогу и все вместе отправились дальше на Запад.

Вот уж поистине:

Танский монах от соблазнов мирских отрешен,  
Женские чары отверг и предал порицанью,  
Также и золото. Для мудреца созерцанье  
Было дороже всего, и ему посвятил себя он.

Неизвестно, сколько лет Танскому монаху пришлось скитаться, прежде чем его причислили к лику святых. О том, что с ним происходило в дальнейшем, вы узнаете из последующих глав.

**Глава пятьдесят шестая,  
в которой рассказывается о том, как Сунь  
У-кун в ярости убил разбойников с большой  
дороги и как Танский монах впал в заблуждение  
и прогнал от себя смышленную обезьяну**

Зовется сердце чистым лишь тогда,  
Когда его раздумья не тревожат,  
Заботы не гнетут, сомнения не гложут,  
Не увлекают радость и беда.  
Когда вокруг безмолвие царит —  
Приходят чистые, благие думы,  
Блаженствуя, раскрепощенный дух парит  
Над жизнью суетной, порочной и угрюмой.  
Уйми страстей снедающий огонь,  
Чтоб не была душа им обуяна!  
Мысль тороплива, словно обезьяна,  
Неукротимо сердце – резвый конь...  
И мысль и сердце ты держи в узде —  
Хозяином их будь всегда, везде!  
Всех шестерых врагов ты изгони,  
Впитай в себя все три ученья Будды:  
Тогда, расставшись с ересью и блудом,  
Познашь мудрости достигнув совершенства,  
Ты счастьем истинным свои наполнишь дни  
В сияющей обители блаженства.

Итак, мы рассказали о том, как Танский монах проявил железное упорство и стальную выдержку и готов был ценою жизни сохранить свое целомудрие и благочестие. Благодаря Сунь У-куну он был спасен.

О том, как путники продолжали идти на Запад, мы рассказывать не будем. Стояла середина лета:

Дождь пролился, и стало все вокруг  
Еще благоуханнее и краше —  
Прохладой дышит молодой бамбук,  
Цветы раскрыли радужные чаши,  
Душистый пар струится от земли,  
Тростник пьянящий запах источает,  
Все склоны гор полынью поросли,  
Но здесь ее никто не замечает.  
Потока шум и птичьи голоса  
Сливаются в единый хор веселый,  
Над розовым кустом роятся пчелы,  
И бирюзой сияют небеса.

Наступил праздник лета. Танский монах и его спутники любовались прекрасным летним пейзажем и печалились, что ничем не могут отметить наступивший праздник. Вдруг они увидели впереди высокую гору, преграждавшую им путь. Сюань-цзан придержал коня и, обернувшись, сказал:

– Видишь, Сунь У-кун? Впереди – гора. Боюсь, что там тоже обитают злые духи и оборотни. Нужно быть настороже.

– Не бойся, наставник! – хором отвечали ему ученики. – Ведь мы отдали себя на волю Будды, чего же нам бояться злых духов!

Танский монах успокоился, подстегнул коня и натянул поводья, чтобы скорей добраться до горы. Вскоре путники поднялись на отроги горы, откуда им открылась чудесная картина. Вот послушайте, что об этом написано в стихах:

Высокие горы приблизиться к небу стремились,  
На горных вершинах стояли стеной кипарисы,  
Угрюмые скалы красивым узором покрылись,  
Ползучие травы по каменным граням стелились,  
И мох одевал их своей бирюзовой ризой.  
Отвесные кручи гряда за грядой вставали,  
В глубины земли уходили разверзтые бездны,  
И взор изумленный притягивали и пленяли  
Широким окружьем раскинувшиеся дали,  
Луга и долины в цветочном уборе прелестном.  
В густых можжевеловых рощах и в кущах тенистых  
Невидимых птиц раздавались и щебет и пенье,  
И каждый крылатый певец с превеликим уменьем  
С другим состязался, таким же, как он, голосистым.  
Тропинка крутая опавшими лепестками  
Была словно медью и золотом жарким покрыта,  
Гремучий поток меж высокими тростниками  
Стремил свои воды прозрачные, цвета нефрита.  
В местах, где не знали ловушек, тенет и капканов,  
Плодились и множились дивные птицы и звери;  
Козули и лоси, лисицы и обезьяны,  
Что странникам нашим встречались в пути непрестанно,  
Не ведали страха и к людям питали доверье.  
И только порой нарушало звериные игры,  
И только порой заглушало и щебет и пенье,  
Подобное грому, глухое рычание тигра,  
Невольню вводившее в трепет живые творенья.  
Меж листьев зеленых, таясь, наливались и зрели  
Плоды, издававшие дивное благоуханье,  
В высокой траве шелковистой цветы пламенели,  
Которым доселе никто не придумал названья.

Наши путники, углубившись в горы, очень медленно продвигались вперед и, достигнув вершины, стали спускаться вниз по западному склону, совершенно гладкому и озаренному солнцем. Чжу Ба-цзе решил передохнуть и передал ношу Ша-сэну, а сам взял свои грабли

и, размахивая ими, понукал коня. Но тот ничуть не боялся Чжу Ба-цзе и несмотря на все понукания еле плелся.

– Брат! Ты зачем коня погоняешь? – спросил Сунь У-кун. – Пусть идет, как ему удобно.

– Становится поздно, – отвечал Чжу Ба-цзе. – Целый день мы идем без отдыха. У меня уже живот подвело. Нужно поторапливаться! Может быть, нам удастся отыскать какое-нибудь жилище и выпросить подаяние!

– Давайте тогда я попробую. Может быть, мне удастся заставить коня идти быстрее.

С этими словами Сунь У-кун стал размахивать своим посохом и прикрикнул на коня, который вырвал поводья из рук Сюань-цзана и стрелой помчался вперед. А известно ли вам, читатель, почему конь, ничуть не боявшийся Чжу Ба-цзе, испугался Сунь У-куна? Дело в том, что пятьсот лет назад Нефритовый император пожаловал Сунь У-куну звание смотрителя конюшен и поручил ему смотреть за лошадьми. Тогда же ему было присвоено чиновничье звание бимавэнь – избавитель от конской болезни. С того времени все лошади боятся обезьян.

Напрасно пытался Танский монах удержать коня поводьями, это ему не удалось. Тогда он крепко ухватился за седло и дал коню полную волю. Конь отмахал без передышки двадцать ли и стал сбавлять бег, лишь когда очутился на полевой дорожке.

Вдруг где-то вблизи ударили в гонг, и сразу же с двух сторон появилось более тридцати молодчиков, вооруженных копьями, мечами и дубинами. Преградив путникам дорогу, они закричали:

– Эй ты, монах! Куда едешь?

Танский монах задрожал от страха, как в лихорадке, не удержался в седле и свалился с коня. Он быстро отполз к стогу сена у дороги и громким голосом молил:

– О всемогущие повелители! Пощадите меня, пощадите!

Два здоровенных детины, видимо главари разбойников, крикнули ему:

– Отдавай деньги, и мы тебя не тронем!

Тут только Танский монах понял, что имеет дело с грабителями. Он приподнялся с земли и стал их разглядывать:

Один был темноликий и клыкастый,  
Как дух, что со звезды Тай-суй<sup>16</sup> спустился.  
Второй же, что пред ними появился,  
Был словно дух звезды Санмынь – глазастый.  
Таких страшилищ двух узреть воочью  
Никто б не пожелал, ни днем, ни ночью!  
И тот, со злыми круглыми очами,  
И тот, чьи зубы изо рта торчали,  
По ветру космы алые, как пламя,  
И бороды густые разведали.  
В больших тигровых шапках были оба,  
В собольих шубах и в одежде бранной,  
И оба лютою пылали злобой,  
Оружием размахивая рьяно.  
Один держал тяжелую дубину,  
Усеянную волчьими клыками,  
Другой же в суковатую лозину  
Вцепился волосатыми руками.  
И оба, в ярое соревнуясь силе,

---

<sup>16</sup> Тай-суй – китайское название планеты Юпитер.

### На тигров сычуанских походили.

Внимательно разглядев обоих главарей, Танский монах убедился в том, что один свирепее другого. Он подошел к ним, молитвенно сложил руки, прижал их к груди и сказал:

– О всемогущие повелители! Я бедный монах, иду из далеких восточных земель на Запад за священными книгами. Меня послал Танский император. С того дня, как я покинул Чанъань – столицу моего государства, прошло много дней и лет. Если у меня и были кое-какие деньги на дорожные расходы, то они давно уже израсходованы. Мы, монахи, отрешившиеся от мирских сует, живем одними подаяниями. Откуда же у нас богатства?! Умоляю вас, повелители, будьте снисходительны и позвольте мне продолжить мой путь!

Тогда оба главаря вывели вперед всю шайку и один из них сказал:

– Мы здесь, словно тигры, задерживаем путников. Дорога в наших руках, и нам нужен выкуп за нее, ничего больше. Какие еще могут быть снисхождения?! Если у тебя и в самом деле нет ничего, живей снимай с себя свою рясу и оставь нам белого коня. Тогда мы пропустим тебя!

– О великий Будда! – воскликнул Танский монах. – Да на что вам мое рубище? Оно все в заплатках: вот одна, вот другая. Все это собрано из одних лоскутков. Если вы отнимете мое рубище, то тем самым погубите меня. И хотя сейчас вы добрые молодцы, в последующем перерождении вы станете скотами!

Услышав такие речи, разбойники пришли в ярость и, подняв свое оружие, накинулись на Танского монаха. Тот ничего не стал им больше говорить, но в душе подумал: «Эх вы, несчастные! Зря хвалитесь своими дубинами! Вам, видно, неизвестно какой есть посох у моего ученика».

Разбойники так расходились, что остановить их было уже невозможно. Не помня себя от ярости, они принялись колотить Танского монаха. И он, за всю жизнь ни разу не солгавший, на этот раз в отчаянии решил пойти на ложь.

– Почтенные господа, – взмолился он, – не бейте меня. Со мною вместе идут мои ученики, они немного отстали. Вот у них есть при себе несколько лянов серебра. Заранее обещаю вам его.

– От этого монаха мы в убытке не останемся, – вскричали разбойники. – Ну-ка, ребята, свяжите его!

Все как один навалились на Танского монаха, скрутили его веревками, а затем подвесили высоко на сук дерева.

Тем временем трое злосчастных спутников гнались пешком за своим наставником. Чжу Ба-цзе балагурил и громко хохотал:

– Интересно знать, где сейчас наш учитель, куда умчал его конь?

И вдруг они заметили своего наставника на высоком суку придорожного дерева.

Чжу Ба-цзе продолжал шутить:

– Смотрите, братцы! – сказал он. – Наш учитель заждался нас и от скуки полез на дерево, да еще качается на суку, словно на качелях!

Сунь У-кун сразу же понял, в чем дело, и прикрикнул на Чжу Ба-цзе.

– Замолчи ты, Дурень! Он не сам полез, кто-то подвесил его на сук. Вы идите помедленнее, а я летаю вперед и узнаю, что случилось.

О, волшебный Сунь У-кун! Быстро взбежав на пригорок, он стал пристально вглядываться вдаль и увидел шайку разбойников. Это обрадовало его. «Вот удача, – подумал он, – на ловца и зверь бежит».

Сунь У-кун тотчас же встряхнулся и мигом превратился в чистенького, благообразного послушника лет шестнадцати, одетого в черную рясу. За спиной у него висел синий холщовый мешок. Семена ногами, послушник подбежал к дереву, на котором висел Танский монах, и окликнул его:

– Наставник! Что с вами случилось? И откуда взялись эти злодеи?

– Брат мой! – отвечал Танский монах. – Зачем спрашивать? Ты бы лучше помог мне...

Но Сунь У-кун не унимался:

– Чем занимаются эти люди? Кто они такие?

– Эти люди преградили мне путь, – отвечал Танский монах. – Они задержали меня и потребовали денег за проход. Но денег у меня, как тебе известно, нет. Вот они и подвязали меня сюда и ждут твоего прихода, чтобы ты им уплатил. Иначе придется отдать им нашего белого коня.

Эти слова рассмешили Сунь У-куна, и он сказал:

– Наставник мой, ты неисправим! Я видел много монахов, но такого мягкотелого, как ты, не встречал. Ты – посланец самого Танского императора и идешь на Запад к Будде, как же ты можешь отдать своего коня-дракона?

Но Танский монах возразил ему:

– Брат мой! Что поделаешь? Гляди, как меня избили, а потом еще подвесили на этот сук.

– Что же ты им сказал? – спросил Сунь У-кун.

– Когда они принялись меня бить, – отвечал Сюань-цзан, – я не знал, что делать, и сослался на тебя.

– Что же ты сказал им, сославшись на меня? – снова спросил Сунь У-кун.

– Я сказал им, – продолжал Сюань-цзан, – что у тебя есть деньги на дорожные расходы, и обещал им, как сделал бы всякий, попавший в беду, отдать их, лишь бы они перестали истязать меня.

– Вот хорошо! – обрадованно произнес Сунь У-кун. – Просто замечательно! Благодарю за то, что ты меня так высоко ценишь. Ну что ж! Раз уж сослался на меня, пусть так и будет. Если в течение месяца будешь ссылаться на меня раз семьдесят, а то и восемьдесят, у меня, старого Сунь У-куна, пожалуй, будет работенка.

Заметив, что Сунь У-кун переговаривается со своим наставником, разбойники окружили Сунь У-куна и, подступив к нему, закричали:

– Эй ты, молодой монах! Твой наставник сказал нам, что у тебя за пазухой есть деньги на путевые расходы. Выкладывай их сюда, только живо! Если же посмеешь сказать «нет», то сразу же расстанешься со своей паскудной жизнью.

Положив узел на землю, Сунь У-кун спокойно произнес:

– Уважаемые начальники! Не кричите на меня! Здесь в узле есть кое-какие сбережения на дорожные расходы, но немного. Золота слитков двадцать, серебра слитков тридцать, да еще немного мелочи на разные расходы, не знаю сколько, не считал. Если вам нужны эти деньги, забирайте их вместе с узлом, только оставьте в покое моего наставника и не бейте его. Помните, что сказано в древней книге: «Основой всего является добродетель, а богатство – дело второстепенное». Поэтому деньги для меня ничего не стоят. Мы – монахи, отрешившиеся от мира, всегда найдем себе подаяние. Стоит нам встретить доброго человека, как у нас появятся и деньги и одежда. А много ли нам нужно? Вы только отпустите моего наставника, а я отдам вам все, что имею.

Разбойники обрадовались:

– Старый монах – скряга, зато этот молодой, видно, щедрый малый.

Сразу же раздался приказ:

– Освободить монаха!

И на этот раз Танский монах был спасен. Не помня себя от радости, он вскочил на коня и, забыв о Сунь У-куне, поскакал обратно. Видно было лишь, как он стегал коня, чтобы скорее скрыться.

– Наставник! – крикнул ему вслед Сунь У-кун. – Ты не по той дороге поехал!

Подхватив узел, он хотел было бежать вдогонку, но разбойники преградили ему дорогу:

– Ты куда? Отдавай деньги, не то мы разделаемся с тобой!

Сунь У-кун рассмеялся:

– Уж если говорить о деньгах, то третью часть следовало бы отдать мне.

– Ишь ты, какой шустрый, – сказал один из разбойничьих главарей. – Хочешь провести своего наставника и взять себе часть денег. Ну ладно, выкладывай сколько у тебя есть. Если много, то мы и тебе часть выделим, чтобы ты купил себе фруктов и тайком полакомился.

– Уважаемый брат мой! – отвечал на это Сунь У-кун самым серьезным тоном. – Ты не понял меня. Откуда я возьму деньги? Я хотел получить долю из тех денег, которые вы отняли у других людей.

Тут разбойники пришли в неопишемую ярость и стали на чем свет стоит бранить Сунь У-куна:

– Этот мальчишка играет с огнем, он, видно, не знает, что мы с ним сделаем! Мало того, что он не желает отдавать своих денег, он еще осмеливается посягать на наше добро. Вот тебе за это!

И с этими словами один из главарей принялся хлестать Сунь У-куна по его гладко выбритой голове. Он нанес ему несколько ударов, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал говорить, расплывшись в улыбке.

– Уважаемый брат мой! Ты можешь бить меня до весны будущего года, все равно я ничего не почувствую.

Разбойник призадумался.

– Ну и крепкая у тебя башка! – сказал он удивленно.

– Что ты! Что ты! – засмеялся Сунь У-кун. – Я не заслужил такой похвалы. Голова у меня самая обыкновенная, но для меня и такая хороша.

Разбойники, конечно, не могли вынести такого позора и принялись бить Сунь У-куна вдвоем, а потом втроем.

Наконец Сунь У-кун не выдержал и сказал им:

– Уважаемые господа! Смирите свой гнев. Сейчас я достану вам деньги!

И вот наш шутник потерял себе ухо и вытащил оттуда иглу.

– Уважаемые господа! Я монах, покинувший мир суеты, – сказал он, – и денег не имею. Вот возьмите, если хотите, эту иглу. Больше мне нечего дать вам.

– Проклятье! – выругался один из разбойников. – Богатого монаха упустили, а вместо него поймали этого лысого осла! Может быть, ты хороший портной, не знаю, – сказал разбойник, обратившись к Сунь У-куну, – но нам на что твоя игла?

Тогда Сунь У-кун несколько раз подбросил иглу на ладони, потом помахал ею, и вдруг на глазах у всех она превратилась в огромный посох толщиной с плешку. Разбойники испугались.

– Смотрите-ка! Этот монах хоть и мал, а владеет тайнами волшебства.

Сунь У-кун воткнул посох в землю и сказал:

– Вот, милостивые государи, дарю вам этот посох, если только вы сможете вытащить его из земли.

Оба главаря вышли вперед и, отталкивая друг друга, схватились за посох. Но, увы, их усилия были так же ничтожны, как усилия стрекозы, если бы она вздумала сдвинуть с места каменный столб! Посох даже на волосок не шевельнулся. Вы уже, конечно, догадались, читатель, что этот посох был тем самым посохом с золотыми обручами, о котором мы уже много раз рассказывали. Его взвешивали на небесных весах, и оказалось, что он весит ровно тринадцать тысяч пятсот цзиней. Но откуда могли знать об этом невежественные разбойники?!

Сунь У-кун, глядя на их бесплодные усилия, подошел к посоху и свободно выдернул его из земли, совершив при этом фехтовальный прием. Затем он нацелился на разбойников и крикнул:

– Эй вы! Несчастные! Довелось вам встретить на свою погибель Сунь У-куна!

Но разбойники не сдавались. Один из них накинулся на Сунь У-куна и нанес ему по крайней мере полсотни, а то и больше ударов. Но тот лишь смеялся.

– Ты уже устал, – сказал он разбойнику. – Дай-ка я теперь ударю разок, но берегись!

С этими словами Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, который сразу же стал толщиной с колодезный сруб, а длиною в восемь чжан, и нацелился. От первого же удара один из главарей повалился наземь, не издав ни единого звука.

Второй разбойник стал ругаться:

– Ах ты, негодяй лысый! Мало того, что ты не дал нам денег, так ты еще убил нашего начальника!

– погоди! погоди! – отвечал ему сквозь смех Сунь У-кун. – Сейчас я всех вас переколочу. Вот, смотри!

Сунь У-кун снова взмахнул своим посохом, и второй главарь повалился, сраженный насмерть. Все остальные разбойники так перепугались, что побросали свое оружие и разбежались.

А Танский монах тем временем скакал на восток. Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь остановили его и пустились в расспросы:

– Наставник! Куда же ты направляешься? Ты ведь сбил с пути.

Сдержав коня, Танский монах крикнул:

– Братья! Спешите к Сунь У-куну и скажите, чтобы он осторожнее действовал своим посохом, не то убьет еще кого-нибудь и загубит свою душу!

– Я мигом слетаю, – отвечал Чжу Ба-цзе, – а вы ждите меня здесь!

С этими словами Дурень помчался вперед и заорал во все горло:

– Сунь У-кун! Наставник приказал тебе никого не убивать!

– А разве я когда-нибудь убивал, – отвечал Сунь У-кун.

– Куда же в таком случае делись разбойники? – спросил Чжу Ба-цзе, подходя ближе.

– Они разбежались, – отвечал Сунь У-кун, – а их главари спят здесь.

Чжу Ба-цзе засмеялся:

– Эй вы! Поганцы! Видимо, всю ночь так колобродили, что свалились замертво. Какого же черта вы здесь разлеглись? Другого места не нашли?

С этими словами Чжу Ба-цзе подошел поближе и стал их рассматривать:

– Спят так же крепко, как и я, да еще с разинутым ртом, а у одного даже слюни потекли!

Тут Сунь У-кун не выдержал:

– Это не слюни, – сказал он. – Я ему так дал посохом по голове, что у него изо рта бобовый сыр брызнул.

– А разве бывает в голове бобовый сыр? – удивился Чжу Ба-цзе.

– Ну, не сыр, а мозги! – отвечал Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе поспешно побежал обратно.

– Наставник! – сказал он. – Разбойники разбежались!

– Вот и прекрасно! – обрадовался Сюань-цзан. – Отлично! Куда же они скрылись?

– А я почему знаю? Когда бьют, то бегут куда глаза глядят.

– Как же это ты узнал, что разбойники разбежались? – удивился Танский монах.

– Очень просто, если их главарей побили, то куда им было деваться?

– Как побили?

– Очень просто, – отвечал Чжу Ба-цзе, – проделали у каждого в голове по две больших дырки!

– Поскорее развяжи узел, – приказал Танский монах, – достань несколько монет и сбегай купи где-нибудь пластырь и мазь.

Чжу Ба-цзе стал смеяться:

– До чего же ты наивен! Пластырь и мазь помогают только живым, а мертвых разве вылечишь?

– Неужто он успел убить их? – испугался Сюань-цзан.

Он сразу же разволновался, что-то долго бормотал про себя, на все лады поносил обезьяну, а затем повернул коня и направился вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном к убитым разбойникам. Они лежали в луже крови под пригорком. Это зрелище было невыносимым для Танского монаха, и он приказал Чжу Ба-цзе:

– Ну-ка, живей вырой яму своими граблями и закопай их, а я прочту над ними заупокойную молитву.

– Наставник! Это несправедливо, – обиделся Чжу Ба-цзе. – Сунь У-кун убил, Сунь У-кун пусть и хоронит, а я тут причем? С какой стати я должен копать могилу?

Сунь У-кун, раздосадованный тем, что Танский монах обругал его, запальчиво прикрикнул на Чжу Ба-цзе:

– Негодяй ты этакий! Ленивая тварь! Ну-ка, живей принимайся за дело! Не то я проежусь по тебе этим посохом!

Дурень испугался и поспешно стал рыть яму под пригорком. Но оказалось, что на глубине трех чи залегал камень, и грабли со звоном отскакивали от него. Чжу Ба-цзе отбросил грабли и пустил в ход собственное рыло. Вскоре он докопался до рыхлой земли. Раз подденет рылом – два с половиной чи, другой раз – пять чи. Вскоре он закопал обоих мертвецов и насыпал холмик.

– Сунь У-кун! – позвал Танский монах. – Отправляйся за свечами, чтобы я мог прочитать заупокойную молитву.

Сунь У-кун надулся:

– Еще чего не доставало?! В этих горах нет ни деревушки, ни лавчонки! Откуда я возьму жертвенные свечи? Здесь ни за какие деньги их не купишь!

– Убирайся вон! – не на шутку рассердился Танский монах. – Негодная обезьяна! Я и без тебя обойдусь. Да послужит мне горсть пыли священным ладаном при молении!

Эти слова он произнес уже спешившись и загребая пыль руками перед свежим могильным холмом. Танский монах был мастером читать отходные молитвы. Вот послушайте:

– Кланяюсь вам, отважные молодцы, и прошу выслушать меня. Я иду из восточных земель, из государства Тан. Мой император Тай-цзун повелел мне отправиться на Запад и достать там священные книги. Дорога привела меня в ваши края. Не знаю, из какой области, из какого округа и уезда вы пришли сюда и собрались здесь в шайку. Я добрыми словами увещевал вас и молил, но вы не послушались меня и, отворотившись от добра, задумали совершить зло. Однако Сунь У-кун поразил вас своим посохом. Тревожась, что тела ваши останутся непогребенными, я велел похоронить вас и насыпать над вами могильный холм. Вместо жертвенных свечей я ставлю перед вами ветви бамбука, и хотя они не дают огня, его заменит мое стремление услужить вам. Пусть эти камни заменят жертвы, которые мы должны были принести вам: в них нет вкуса, но они служат символом моей искренности и честности. Когда вы явитесь во дворец владыки подземного царства, принесете ему жалобу и он будет допытываться, кто виновник вашей смерти, знайте, что его зовут Сунь, а меня Чэнь. Мы с ним из разных мест и не связаны родством. Всякая обида имеет свой повод, всякий должник имеет своего заимодавца. Умоляю вас не обвинять в вашей смерти меня, бедного монаха, паломника за священными книгами!

– Ну, наш наставник вышел сухим из воды, – засмеялся Чжу Ба-цзе. – Но ведь меня и Ша-сэна не было, когда Сунь У-кун расправился с разбойниками.

Услышав это, Танский монах снова взял щепоть земли и продолжал:

– Добрые молодцы! Когда будете жаловаться, жалуйтесь на одного Суня, спутника моего. Да будут непричастны к этому злодейству ни Чжу Ба-цзе, ни монах Ша-сэн!

Великий Мудрец внимательно слушал молитву своего наставника, но под конец не удержался и стал хохотать.

– Дорогой мой наставник! – сказал он, наконец, сквозь смех, – в тебе нет ни благодарности, ни справедливости! Вспомни, сколько трудов я положил, сколько мучений перенес, и все ради того, чтобы ты мог спокойно следовать на Запад за священными книгами. А сейчас, только лишь потому, что я убил этих двух негодяев, ты подстрекаешь их души жаловаться на меня, старого Сунь У-куна! Да, я их убил, но ведь я сделал это ради твоего спасения! Сам посуди, я никогда не попал бы в эти края и не убил этих негодяев, если бы ты не отправился за священными книгами, а я не стал бы твоим верным учеником. Так давай лучше я сам прочту над ними молитву!

Он решительными шагами подошел к могиле, трижды ударил по ней своим посохом и закричал:

– Слушайте меня, проклятые грабители! Вы изо всей силы били меня по голове. Первый раз вы нанесли мне восемь ударов, второй раз столько же. Боли я не почувствовал, зато рассердили вы меня не на шутку. Поэтому я и убил вас. Можете жаловаться на меня кому угодно. Я ничуть не боюсь. Это истинная правда. Меня знает сам Нефритовый император, небесный князь слушает мои советы, небесные духи, обитающие на двадцати восьми созвездиях, страшатся меня. При моем появлении трепещут властители девяти небесных светил. Передо мною становятся на колени духи – покровители городов. Великий дух – властитель священной Восточной горы<sup>17</sup> и тот боится меня! Судьи смерти находились у меня в услужении. Моими учениками были духи Чаншэнь<sup>18</sup>. Со мной ведут дружбу духи трех сфер<sup>19</sup>, пяти чистилищ ада и десяти стран света. Идите, жалуйтесь кому угодно и куда угодно!

Танский монах от этих слов сильно встревожился.

– Брат мой! – взволнованно произнес он. – Я читал свою молитву лишь потому, что хотел образумить тебя, пробудить в тебе любовь к живым существам и направить по пути добродетели. Как же это ты принял ее всерьез, а?

– О мой наставник! – огорченно отвечал Сунь У-кун, – так шутить нельзя! Ну а теперь нам надо поскорее найти пристанище на ночь.

Танский монах, досадуя в душе, взобрался на коня, и путники двинулись дальше.

Всю дорогу Великий Мудрец был в плохом настроении. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже испытывали досаду. Однако они продолжали свой путь, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Дорога, по которой они шли, вела на Запад. Вдруг они заметили в стороне от дороги какую-то усадьбу, огороженную высоким забором. Указывая на нее плетью, Танский монах предложил своим спутникам:

– Давайте попросимся здесь переночевать.

– Вот это дело! – отозвался Чжу Ба-цзе.

Подъехав поближе, Танский монах слез с коня и стал осматриваться. Ему очень понравилась усадьба и ее окрестности.

К усадьбе тропочка ведет,  
Стоят деревья у ворот,  
Толпою заграждая вход...  
Как бы узнать, кто там живет?  
Отрада слуха и очей —

<sup>17</sup> Гора Тайшань в провинции Шаньдун.

<sup>18</sup> Духи Чаншэнь – неистовые духи, управляющие пятью колесницами, на которых умерших отправляют в царство владыка ада Янь-вана.

<sup>19</sup> Три сферы. – Имеются в виду мифические буддийские миры – Мир желаний, Мир цвета и Мир бесцветия.

Бежит, спешит с окрестных гор,  
Сверкая и журча, ручей  
И, вырываясь на простор,  
Несет прохладу на поля.  
В последнем золоте лучей  
Спокойно нежится земля,  
Дневную жажду утоля,  
Переходя в объятья сна...  
И блещут красотой риз  
Голубоватая сосна  
И изумрудный кипарис.  
Устало шепчут тополя,  
Едва лепечут ив листы,  
Смолкают птичьи голоса,  
Смыкают яркие глаза  
Благоуханные цветы,  
Небес темнеет бирюза,  
Ложится светлая роса  
На засыпающий тростник.  
Доносится протяжный крик —  
То ночь приветствует петух...  
Зажегся первый свет в окне,  
Последний луч зари потух,  
И в каждой хижине, везде,  
Поспела каша на огне  
Для тех, кто день провел в труде...  
И вот ночная мгла легла  
На крыши горного села.

Танский монах направился к усадьбе и увидел старца, который выходил из ворот. Они обменялись приветствиями и принялись задавать вопросы друг другу.

– Откуда изволил пожаловать, благочестивый отец? – спросил старец.

– Я, бедный монах, следую из восточных земель по повелению Танского государя, который послал меня на Запад за священными книгами. Путь мой как раз пролегает мимо вашей усадьбы, а так как время позднее, я и осмелился просить разрешения переночевать здесь.

– Ваши земли от этой усадьбы отделяет огромное расстояние, – заметил старец, – как же это ты отважился пуститься в столь дальний путь один, переправляться через глубокие реки и переходить через высокие горы?

– Я не один, – отвечал Танский монах, – меня сопровождают три моих ученика.

– Где же они, твои уважаемые ученики?

Танский монах указал на край дороги:

– Вот они!

Старец посмотрел в указанном направлении, увидел Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и, напуганный их безобразным видом, бросился к воротам. Но Сюань-цзан удержал его:

– Благодетель ты мой! – воскликнул он. – Умоляю тебя, прояви милосердие и пусти нас переночевать.

От страха у старца зуб на зуб не попадал, он не мог вымолвить ни слова и только мотал головой и отмахивался.

– Не... не... Они не похожи на людей! – запинаясь выговорил он наконец. – Э-э-это же оборотни-чудовища!

Танский монах стал его успокаивать:

– Благодетель ты мой! Не бойся! Мои ученики хоть и не блещут красотой, но в действительности вовсе не злые духи и не оборотни.

– О небо! – не переставал изумляться старец, – один твой ученик точь-в-точь злой дух – якша<sup>20</sup>, у другого лошадиная морда, а третьего не отличишь от бога Грома.

До ушей Сунь У-куна донеслись последние слова старца, и он крикнул что было мочи:

– Бог Грома мой внук, злой дух – якша – правнук, а дух с лошадиной мордой – прапра-внук.

От этих слов у старца душа ушла в пятки. Он побледнел и порывался войти в ворота, но Танский монах не отпускал его. Он пошел вместе со старцем, все время его успокаивая:

– Благодетель ты наш, не бойся! Они просто невежи и не умеют разговаривать с людьми, как полагается.

Пока Танский монах уговаривал старца, из усадьбы вышла женщина, ведя за руку ребенка лет пяти. Обращаясь к старцу, она спросила:

– Что это у тебя такой испуганный вид, дедушка?

– Принеси нам чайку, – попросил старец, не отвечая на ее вопрос.

Женщина оставила ребенка, вошла в дом и вскоре вынесла две чашечки чая.

Осушив чашечку, Танский монах повернулся к женщине, совершил поклон и произнес:

– Я, бедный монах, по повелению Танского императора следую из восточных земель на Запад за священными книгами. И вот сейчас попал в ваши уважаемые края. Покорнейше прошу достопочтенного хозяина позволить переночевать у вас. Мои спутники – ученики с виду очень безобразны, вот они и напугали хозяина...

– Неужели безобразный вид может так напугать? – насмешливо спросила женщина. – Ну а если доведется увидеть тигра или барса, что тогда будет?

– То, что у них лица безобразны, – это бы еще ничего, – отвечал старец. – Страшно, когда они начинают говорить. Не успел я сказать, что один из них походит на злого духа якшу, второй – на духа с лошадиной мордой, а третий – на бога Грома, как старший закричал: «Бог Грома мой внук, злой дух – якша – правнук, а тот, что с лошадиной мордой – мой праправнук!» Я так и обомлел от страха.

– Что ты? Ведь это неправда! – вмешался Танский монах. – Тот, что походит на бога Грома – мой старший ученик и последователь по имени Сунь У-кун. Похожий на духа с лошадиной мордой – второй ученик по имени Чжу У-нэн, а похожий на злого духа якшу – третий ученик по имени Ша У-цзин. Они хоть и безобразны, но являются верными последователями учения Будды и буддийскими монахами шраманами. Они вовсе не злые дьяволы и не оборотни, чего же их бояться?!

Старец и женщина, услышав о том, что они имеют дело с настоящими буддийскими монахами, носящими соответствующие имена и сан шраманов, пришли в себя и совершенно успокоились.

– Зовите их сюда! Зовите! – обратились они к Танскому монаху.

Сюань-цзан вышел за ворота, позвал своих учеников и дал им такое наставление:

– Вы до смерти напугали старика хозяина. И сейчас, когда предстанете перед ним, не смейте ему грубить. Пусть каждый из вас выкажет ему должное уважение.

Чжу Ба-цзе сразу же надулся:

– Я ничуть не уступаю Сунь У-куну в образовании и воспитанности.

---

<sup>20</sup> *Якша* (Е-ча) – дух, прислуживающий небесному богатырю Вайсраване на земле, на небе и в воздухе. Якши охраняют на небесах городские стены, каналы, ворота и башни.

– Если бы не твое рыло, огромные уши и безобразная морда, – засмеялся Сунь У-кун, – был бы ты герой хоть куда!

– Да перестаньте же вы спорить, – сказал Ша-сэн. – Здесь не место хвалиться, а тем более ссориться. Давайте лучше войдем в усадьбу.

С этими словами все трое с поклажей и конем вошли в ворота и подошли к хижине, где их ожидали хозяева. После приветствий, их усадили. Хозяйка оказалась очень расторопной. Она увела с собой ребенка и велела приготовить горячую пищу. Вскоре подали монашескую трапезу. Наставник и его ученики с аппетитом поели. Стемнело. В хижине зажгли фонари, и при свете их гости вели беседу.

– Благодетель мой! – обратился к хозяину Танский монах. – Какую ты носишь фамилию?

– Фамилия моя Ян, – отвечал старец.

Затем Сюань-цзан спросил, сколько ему лет.

– Мне исполнилось семьдесят четыре года, – сказал старик.

– Сколько же у тебя сыновей? – заинтересовался Сюань-цзан.

– Всего один, – со вздохом отвечал старик, – а ребенок, которого вы видели, – мой внучек.

– Нельзя ли пригласить сюда твоего сына, – спросил Танский монах, – я хочу приветствовать его!

– Этот негодяй недостойн того, чтобы его приветствовали, – гневно произнес старик. – Тяжелая мне выпала доля, не слушает он меня. Вот до сей поры его все нет дома.

– Где же он изволит заниматься делами? – спросил Сюань-цзан.

Старик покачал головой и тяжело вздохнул:

– Беда мне с ним! Если бы он занимался делами, это было бы счастье для меня! Но у этого мерзавца на уме одни лишь злодеяния. Он забыл о семье, ведет беспутный образ жизни, затевает драки, грабит прохожих, занимается убийствами и поджогами, водит дружбу со всякими проходимцами. Вот и теперь ушел из дому пять дней тому назад и до сих пор не возвратился.

От этих слов у Танского монаха перехватило дыхание и отнялся язык. Он подумал:

«Уж не был ли его сынок одним из тех разбойников, которых убил Сунь У-кун?» Ему стало не по себе, он приподнялся и произнес:

– Я думаю, что ваш сын – прекрасный человек; разве мог у столь достопочтенных родителей вырасти непутевый и непокорный сын!

Сунь У-кун поднялся с места и подошел к старику.

– Уважаемый! – сказал он. – Зачем тебе такой недостойный сын? Ведь он причиняет тебе и матери на старости лет столько огорчений, предается грабежам и распутству? Позволь мне разыскать его, привести сюда и забить до смерти.

– Да я и сам хотел было передать его властям, – отвечал старик, – но что поделаешь? У меня он ведь единственный! И, хоть непутевый, пусть все же остается при мне, будет кому похоронить меня.

– Брат, – сказали тут Ша-сэн и Чжу Ба цзе. – Не суйся куда не следует! Не нам судить. Зачем вмешиваться в их семейные дела? Лучше попросим у нашего благодетеля немного сена, устроим себе постель вон в том помещении и ляжем спать, а завтра пораньше снова отправимся в путь.

Старик велел Ша-сэну пройти на задний двор, взять вязанки две рисовой соломы и устроить постель.

За Ша-сэном пошли Сунь У-кун с конем, Чжу Ба-цзе с поклажей и Танский монах. Вскоре они улеглись спать, и мы пока оставим их.

Среди разбойников, о которых уже шла речь выше, действительно был сын старика Яна. Утром того дня, когда Сунь У-кун у пригорка убил обоих главарей, вся шайка разбежалась,

и лишь ночью, ко времени четвертой стражи, разбойники снова собрались вместе и стали стучаться в ворота усадьбы.

Старик поспешно облачился и сказал своей старухе:

– Жена. Опять эти негодяи явились!

– Ну что же? Ступай, отворяй ворота! – сказала женщина. – Пускай идут в дом.

Не успел старик открыть ворота, как вся шайка ворвалась с криками: «Мы голодны, мы есть хотим!»

Сын старика поспешил к себе, разбудил жену и велел ей варить рис и готовить еду; затем он направился в кухню и, заметив, что возле очага нет хвороста, побежал на задний двор. Вернувшись на кухню, он спросил жену:

– Чей это белый конь стоит у нас на дворе?

– Тут к нам забрел какой-то монах из восточных земель, который идет за священными книгами. Вчера вечером он попросился на ночлег. Свекор-батюшка и свекровь-матушка накормили его постной пищей и уложили спать в хижине...

Выслушав жену, разбойник вышел из дома, стал хлопать в ладоши и смеяться.

– Ребята! – сквозь смех крикнул он. – Вот удача так удача! Ведь обидчик-то, оказывается, ночует у нас в доме!

– Какой обидчик? Что за обидчик? – загалдели разбойники.

– Да тот самый монах, который убил наших главарей. Он попросился переночевать у нас и сейчас, как ни в чем не бывало, спит в хижине.

– Вот хорошо! – обрадовались негодяи. – Сейчас схватим этих лысых ослов и изрежем на мелкие кусочки; во-первых, нам достанется их поклажа и белый конь, а во-вторых, мы отомстим за смерть наших главарей!

– Не торопитесь, – остановил их сын старика, – ступайте пока точить ножи, а я наварю вам каши. Поедим сперва досыта, а затем разделаемся с ними.

Разбойники принялись точить свое оружие. Одни точили ножи, другие – копыя.

Старик Ян слышал, о чем говорил его сын с разбойниками; он крадучись отправился на задний двор и разбудил Танского монаха и его спутников:

– Мой сын-негодяй привел сюда всю свою шайку, – прошептал он. – Они узнали, что вы здесь, и собираются погубить вас. Я не могу допустить, чтобы вы, далекие странники, погибли в моем доме от рук злодеев. Живее собирайте свою поклажу и идите за мною. Я выведу вас через заднюю калитку.

Танский монах, трясаясь от страха, стал отбивать земные поклоны и благодарить старика, а затем велел Чжу Ба-цзе взять коня, Ша-сэну – нести поклажу, а Сунь У-куну – его посох с золотыми обручами.

Старик открыл калитку, выпустил беглецов, а сам так же тихонько вернулся и лег спать.

Тем временем негодяи наточили ножи и копыя и наелись каши до отвала. Наступил час предутренней пятой стражи. Вся шайка устремилась на задний двор, но никого там не обнаружила. Стали искать с фонарями, искали долго, но монахов так и не нашли, а потом увидели, что задняя калитка раскрыта настежь. Тут все стали кричать: «Убежали! Убежали через заднюю калитку!» – и пустились в погоню. Разбойники летели стрелой и, когда восток заалел, заметили вдали Танского монаха. Услышав погоню, Сюань-цзан оглянулся и увидел, что за ними гонятся человек двадцать, а то и тридцать разбойников с копиями и ножами.

– Братья! – крикнул монах своим спутникам. – Нас догоняют разбойники! Что делать? Как быть?

– Успокойся, наставник! – отвечал Сунь У-кун. – Не волнуйся! Сейчас я с ними расправлюсь!

Танский монах придержал коня и строго сказал:

– Смотри, даже ранить никого из них не смей. Попугай их, пусть разбегутся, – и все!

Но Сунь У-кун уже не слушал. Он выхватил свой посох и, обернувшись, пошел навстречу разбойникам:

– Куда изволите спешить, уважаемые господа? – насмешливо спросил он.

– Ах ты, лысый невежа! – кричали разбойники. – Верни к жизни наших славных предводителей!

Они окружили Сунь У-куна плотным кольцом, нанося ему удары копьями и ножами.

Великий Мудрец Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, и он стал толщиной с плоскую. Затем он принялся колотить разбойников направо и налево. И те, кого касался посох, тут же падали замертво. Трещали кости, летели клочья кожи. Более смысленные удрали, глупцы же все предстали перед владыкой ада Янь-ваном.

Танский монах, сидя верхом на коне, издали наблюдал за этим побоищем. Увидев, как много людей попадало на землю, он испугался и погнал коня на запад. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не отставали от него ни на шаг и, как говорится, рядом со стремяном, с одной стороны и рядом с плетью – с другой, следовали за своим наставником. А Сунь У-кун тем временем стал спрашивать раненых разбойников:

– Кто здесь сын почтенного старика Яна?

Один из раненых, хныча, сказал:

– Вон тот, в желтом, господин наш!

Сунь У-кун подошел к раненому, вырвал у него из рук острый нож и одним ударом отрубил ему голову, затем взял голову за волосы, стряхнул кровь, спрятал посох и очень быстро нагнал Танского монаха.

Поднеся голову убитого своему наставнику, Сунь У-кун сказал:

– Учитель мой! Эта голова принадлежит непокорному сыну уважаемого старика Яна. Я ее взял как доказательство нашей победы.

При виде отрубленной человеческой головы Танский монах изменился в лице и, не в силах усидеть в седле, скатился с коня. – Мерзкая ты обезьяна, – стал он ругать Сунь У-куна. – Ты меня доведешь до смерти! Убери скорей! Убери эту голову!

Чжу Ба-цзе бросился вперед, пинком ноги отбросил голову на обочину дороги и засыпал ее землей. Ша-сэн опустил коромысло с ношей и стал поднимать Танского монаха.

– Прощу тебя, наставник! Встань! – приговаривал он.

Успокоившись немного, Танский монах стал читать заклинание о сжатии обруча, от которого Сунь У-куна сразу же бросило в жар: у него покраснели уши и запылали щеки, потом в глазах стало темно, голова закружилась, он катился по земле, крича истошным голосом:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.